

БОЕВОЙ ЛИСТОК

5 (707) май, 2016

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫМ

www.uralstalker.com

ISSN 0134 - 241X

Победивший народ

ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ
В СИБЛАГЕ

ВЕРШИНА МОЕГО ИМЕНИ

КРАЙ СВЕТА

Полесовая война 74430

Германос №9 в Новосибирске
Полесовая
Анастасия Петровна
186 Ин.с 576 оттолкал Пух

Май 2016

Главный редактор – М.Ю. Фирсов.

Редакторы разделов –
Ю.А. Горбунов, Б.А. Долиного.

Литературный консультант –
В.Э. Абоян, А.А. Бочаров.

Худ. редактор, верстка – С.А. Секисов.

Корректор – Л.В. Ким.

Интернет – Е. Марков.

Архив – О.Ю. Тирикиди.

Фото на обложке – из архивов Свердловской области
времен Великой отечественной войны.

1 – ИСУ 152. Уралмаш.

4 – Женщины-фронту. На обувной фабрике.

Редакция, издатель –
общественная организация «Трудовой коллектив
редакции журнала «Уральский следопыт».

Редакционный совет –
Владислав Крапивин, Сергей Казанцев,
Геннадий Прашкевич, Олег Поскребышев,
Юрий Казарин, Вадим Осипов,
Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет –

- Сергей Захаров, Председатель Челябинского ро РГО
- Алексей Прокашев, Председатель Кировского ро РГО
- Иван Рысин, Председатель Удмуртского ро РГО
- Игорь Кузнецов, Председатель Ученого Совета ро РГО в ЯНАО
- Сергей Ларин, Председатель Тюменского ро РГО
- Николай Назаров, Председатель Пермского ро РГО
- Александр Чибилев, Председатель Оренбургского ро РГО
- Дмитрий Шиллер, Председатель отделения РГО

- Борис Тканев, Председатель отделения РГО в ХМАО
- Виктор Христюковский, Председатель Курганского ро РГО
- Михаил Горюнов, Председатель Свердловского ро РГО
- Виталий Лаженцев, Председатель

- Камилль Зиганшин, Председатель отделения РГО
- Виктор Байдуков, Свердловское отделение РГО

• ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ». 2016 г.

Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Почтовый адрес редакции, издателя:

620075, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Телефон: +7(343)269-22-34

E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

«Уральский следопыт», №5 (707), 2016 г.

Издается с 1935 г., возобновлен в 1958 г.

Учредитель – ООО «Уральский следопыт».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций по РФ
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218,
выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным
правом на логотипы и название журнала. Материалы
принимаются по электронной почте, на электронных
носителях. Обязательно прилагать информацию об
авторе; указывать согласие на публикацию в жур-
нале, на сайте журнала, корректурную и редактор-
скую правки. **Рукописи не рецензируются и не
возвращаются.** При отправлении электронных сооб-
щений обязательно заполнять поле **тема.** Любое ис-
пользование материалов журнала допускается толь-
ко с письменного согласия ООО «Уральский следопыт».
Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязатель-
на. Материалы, помеченные знаком **У**, публикуются
на правах рекламы.

**Уважаемые читатели, оформить подписку
на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com»
вы можете через:**

- Почтовые отделения России,
каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413
- Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе
- Агентство МАП, индекс 31958
- Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России
- Агентство альтернативной подписки
ООО «ИНТЕР-ПОЧТА» в России, странах ближнего
и дальнего зарубежья

«Уральский следопыт.uralstalker.com» №5.

Отпечатано в типографии ООО «ПК АСТЕР-ЕК»,
624071, Свердловская область, г. Среднеуральск, ул. Калинина, д. 2,
оф. 28. Печать офсетная. Тираж 11000. Подписан к печати 23.04.2016 г.
Заказ №

Встречный ветер

Быть молодым здорово

А.ПОЛЯКОВ

«Край света» в Екатеринбурге.....3

Природные парки

Е.ШУБНИЦИНА

Аранецкий тракт.

Путь Чрезкаменный 40

Река времени

Далекое-близкое

А.КИЛИНА

«Ледянка»

Красного Адуя 6

Далекое-близкое

В.СТРУГАНОВ

С «налимом»

под мышкой 10

Портреты

**Т.МОСТОН,
И.ШАМАНАЕВА**

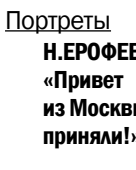
«Я не мечтал
об этом рае...» 12

День победы

Е.СТУДЕННИКОВ

Вот и кончилась
война..... 18

Портреты

Н.ЕРОФЕЕВА

«Привет
из Москвы. Меня
приняли!» 21

**Павленковский
ресурс**

Л.ШАРОВСКАЯ

Былое и новь
Красного Луга..... 24

Юбилей

В.КАРЕЛИН

Гора получила
имя журнала..... 28

Наши проекты

Ю.ГОРБУНОВ

История России.
Река Чусовая..... 33

Журнал в журнале

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

ТРАССА 1
М

«Край света» в Екатеринбурге

Антон Поляков

Магистрант Института гос. управления и предпринимательства УрФУ. Мастер спорта по скалолазанию, победитель и призер российских и международных соревнований. Автор и организатор проекта скалодрома «Край света».

Современный боулдеринг-зал получил прописку в самом центре города — в спортивном ТЦ «Sila Voli».

Имя скалодрома стало счастливой находкой. «Край света» — это тот спортивно-досуговый кайф, куда хочется попасть после рабочего или учебного дня в большом городе. Подводя итог многомесячной работе и бессонным ночам, можно сказать, что энергия и творчество большой команды реализаторов идеи скалодрома — дизайнеров, проектировщиков, строителей, друзей и волонтеров — дала отличный результат. Большую роль в осуществлении проекта сыграла сплочен-

ность горного сообщества Екатеринбурга. Несмотря на сложную финансовую ситуацию, проект получил поддержку крупных организаций, у руля которых стоят люди, понимающие, как важно развиваться на Урале горные виды спорта.

2 апреля прошел боулдеринговый фестиваль «Открытие», который собрал любителей скалолазания не только из Екатеринбурга, но и из Ижевска, Перми, Казани, Челябинска, Снежинска...

Фото Сергея Рожкова, Андрея Микрюкова, Екатерины Москвиной и Анастасии Криворучко.

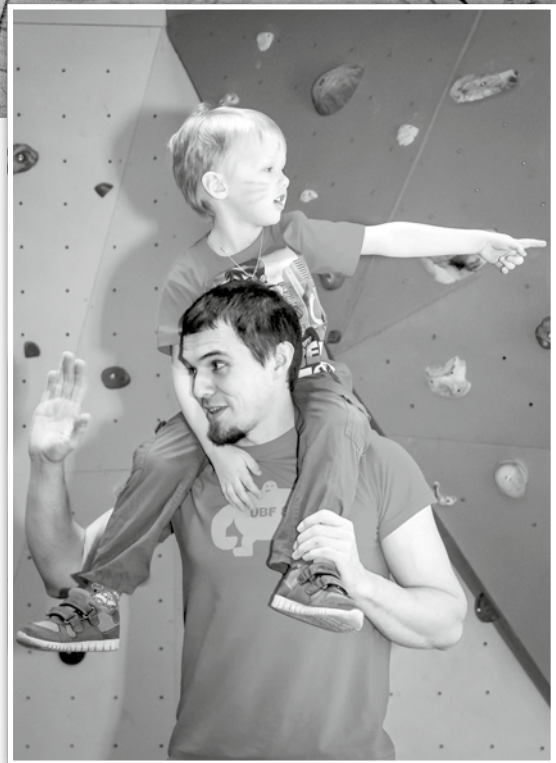

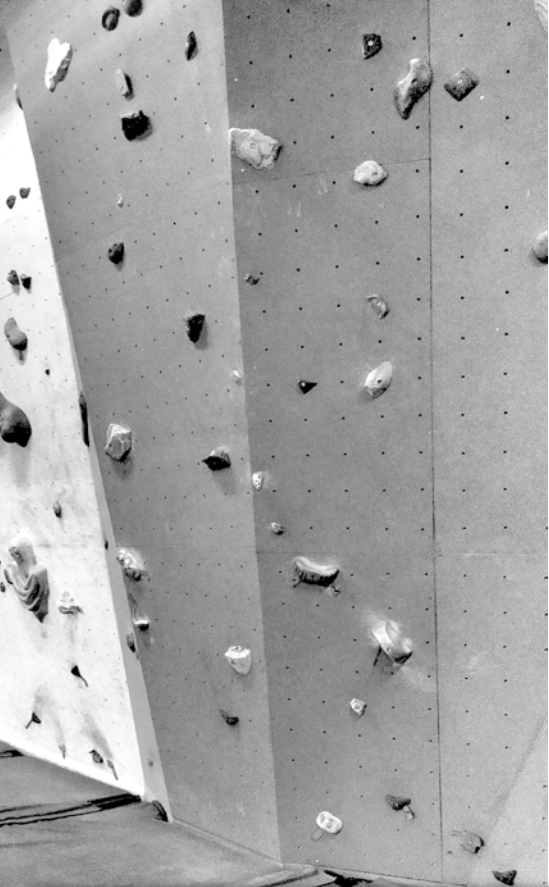
Главным подготовителем трасс для презентации скалодрома был Сергей Лужецкий, многократный победитель и призер молодежного первенства мира. Участвовал в подготовке и Дмитрий Шарафутдинов – легенда мирового скалолазания, трехкратный чемпион мира, а ныне тренер скалодрома «Край света».

Более 180 участников соревновались в категориях «начинающие», «любители» и «спортсмены». Просторный зал вместил и всех зрителей, приехавших посмотреть зрелищные старты. Организаторы подарили любителям скалолазания настоящий праздник. По единодушному мнению участников, с созданием такого уникального зала сделан шаг вперед для всего уральского скалолазания, которому крайне не хватало современного общедоступного скалодрома.

Сейчас скалодром работает для всех желающих с утра до позднего вечера. Десятки боулдеринговых трасс приглашают и ждут профессионалов и любителей, а также всех, в ком просыпается тяга к скалолазанию. Квалифицированные тренеры ведут групповые и индивидуальные занятия для начинающих скалолазов. Также идет набор детишек с 5 лет на развивающие тренировки в игровой форме с элементами скалолазания.

На скалодроме созданы льготные условия для детских организаций, студентов и школьников, сборных команд по скалолазанию и альпинизму. Однако в большей степени скалодром ориентирован на начинающих, любителей и тех, кто хочет весело и с пользой провести время в компании друзей. Уникальный скалодром, удобные раздевалки

с душевыми, бесплатный подземный паркинг, большое пространство для общения и просмотра фильмов — все создано для того, чтобы все боль-

ше людей находили себя в скалолазании, обретали новых друзей и осваивали богатое природное наследие Урала. **УС**

«Ледянка» Красного Адуя

▲ У озера Балтым. Фото Андрея Петухова

В прошлом году Верхняя Пышма отметила 70-летие с даты присвоения рабочему поселку Пышма статуса города. А 21 мая этого года в «медной столице Урала» впервые состоится массовое спортивно-туристское мероприятие — верхнепышминская «Прогулка-2016». Жители всех городов Свердловской области смогут пройти маршрутами наших предков, познакомиться с историческими местами, увидеть красоты родного края и просто отдохнуть.

Начало строительству Пышминского медеэлектролитного завода положил год 1929-й. Это событие по его значимости можно приравнять к Уралмашстрою. Новый гигант зарождался в поселке Медный рудник, впоследствии давшем жизнь городу Верхняя Пышма.

Начало было непростым: отсутствовали кадры, ощущалась нехватка рабочего инвентаря и материалов, не существовало ни мостовой дороги, ни железной, ведущих к строительной площадке. Одними из первых за дело принялись лесорубы. Их можно смело назвать первопроходцами стройки. Лес валили самым примитивным способом: топором и двуручной пилой (о бензопилах тогда еще не слышали). Нехоженная тайга оживала от стука топоров, размеренного звука пил, дыма костров, конского ржания и человеческих голосов.

Встал вопрос о доставке заготовленной древесины к месту назначения.

Сначала, когда рубка леса шла вблизи стройки, бревна возили на завод по брусчатой узкоколейке на лошадях. Выглядело это так: деревянные бруски прибавали к шпалам гвоздями и окывывали железом, а коновозчик по ним вел лошадей, тащившую на двух спаренных вагонетках по 10-12 бревен. Это был единственный способ доставки, так как для строительства настоящей узкоколейки не было рельсов.

Когда же лес вблизи Медного рудника закончился, его пришлось рубить в других местах, в частности, за озером Балтым и в окрестностях поселка Красный Адуя. Снова стал решаться вопрос доставки срубленных деревьев с наименьшими затратами сил и средств. С этой целью по лесу в направлении стройки прорубили длинную прямую просеку. Особенно эффективно работал новый путь сообщения в зимний период, за что в народе дорогу прозвали «ледянкой».

Александра Килина

Краевед. Окончила филологический факультет УрГУ. Работала в библиотеках. Руководитель клуба «Краевед» центра социального развития «Спутник». Статьи печатались в журналах «Веси» и «Уральский следопыт». Живет в Верхней Пышме.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

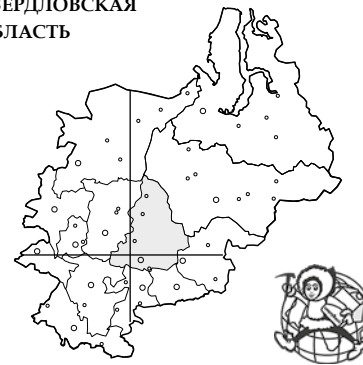

Фото из фотофонда
клуба «Краевед»

Л.Н. Никитина и Н.П. Шубин в книге «Уралэлектромедь. Страницы истории» приводят воспоминания рабочего Ивана Михайловича Гладкова. «С октября 1932 по апрель 1933 года я работал на поливе ледяной дороги. Она шла от завода по теперешней улице Зеленой до озера Балтым, а дальше — по озеру до Красного Адуя. За озером была будка — колодец с ручным насосом. Еще два колодца находились: один за Маниной горой в болоте, второй — по улице Зеленой напротив дома № 8. На Балтыме воду брали из лунок. Работали на «ледянке» три человека и три лошади. На санях была установлена бочка на один кубометр. Вода выливалась через два отверстия в дне бочки. Дорогу приходилось поливать часто, так как ее заносило снегом. По утрам на Красный Адуй прибывало 15–16 лошадей, которые тащили отсюда на завод бревна по ледяной дороге».

Современному читателю трудно представить количество вековых осен, которое нужно было вручную срубить, подготовить к отправке и погрузить на такое количество гужевого транспорта. Можно сказать одно: труд был адский.

Руководство завода, заботясь о снабжении стройки местными материалами, в январе 1932 года приказом № 5 по Управлению строительством медеэлектролитного завода выделило из состава подсобных предприятий как самостоятельный лесозаготовительный отдел. Ему вменили в обязанность снабжение занятых на лесозаготовках рабочих и конновозчиков продовольствием и фуражом. Первым заведующим отдела

▲ Август 1931 г. Заготовка леса для строительства медеэлектролитного завода. Второй справа — десятник Иван Фёдорович Чиконцев

был назначен И.Г. Рыков, прорабом стал К.Г. Разумов.

На лесозаготовки прибывало много народа, порой из самых дальних мест, потому во избежание эпидемий на красноадуйском кордоне была выстроена «вошебойка».

Первые рабочие лесозага жили в землянках, позднее для них строились бараки, куда селились семьями. Тесный барак не предусматривал никаких перегородок, одну семью от другой отделяла лишь ситцевая занавеска.

В распоряжении лесозаготовительного отдела было 40 лошадей, которые не только возили лес по ледянке, но и доставляли его к ней часто

по непроходимой тайге. Для этого прокладывали слани и постилки из молодых деревьев и кустарника. План, данный лесозагу, рабочими не выполнялся, что вело к простоям целых бригад строящегося завода. Заседанием партийного бюро ПМЭЗа от 28.03.32 г. решено было «зарядить рабочих на выполнение программы, изменить политику в отношении снабжения хлебом» (выполнившим план давали 800 граммов хлеба), а также «бросить» на лесозаготовки 5 коммунистов и 15 комсомольцев.

Рабочих рук все равно не хватало, стали повсеместно использовать женский труд. Ежедневно с красноадуйско-

▼ Бывшая «ледянка». Фото Андрея Петухова

► Иван Колобов с семьей.
Бывший работник лесозага, затем
— литейного цеха ПМЭЗа

го кордона вывозилось 30 кубометров древесины. К маю 1932 года по распоряжению начальника строительства А.А. Янена должно было быть вывезено 1000 кубометров леса. В июле того же года с целью скорейшего пуска первой очереди завода был введен десятичасовой рабочий день (соответственно, с премиальными за переработку). Остается только удивляться тому, как могли выдержать это люди и верные их помощники — кони. Работали по десять часов в день в зной и мороз, тонули по пояс в сугробах, мерзли на сквозном ветре, были насмерть искусаны комарами и мошкой, мокли под холодным осенним дождем, а норму свою давали.

Заведующий отделом И.Г. Рыков на месяц был направлен обучаться на курсы при Промышленной академии в Свердловске. После чего было утверждено штатное расписание отдела, куда вошли, кроме заведующего, технический руководитель работ, десятники, куренной мастер, счетовод, кладовщик. Это несколько помогло упорядочить работу лесозага, но легче ее не сделало. Труд продолжал оставаться очень тяжелым. Ценой больших усилий летом 1934 года новый завод выдал первую продукцию.

Потребность в древесине не уменьшилась и в последующие годы. Красный Адуй стал поселком лесозаготовителей. Здесь для удобства рабочих были построены магазин, баня, прачечная, столовая, детский сад, школа, больница, действовал красный уголок. На смену сезонным рабочим стали приходять кадровые.

Не искали лучшей доли и лесорубы Красного Адуя. Оставались верны делу приехавшие сюда семьи Тимофеевых, Чистяковых, Ба-

лашовых, Елькиных, Куклиных, Зыряновых, Жиделевых, Орловых, Жуковых, Денщиковых, Оберюхтиных, Колобовых и многие другие.

Докладная о работе ПМЭЗа за 11 месяцев 1939 года показывает, что план лесозагом выполняется на 108 процентов. Заготовка дров к тому времени уже велась в лесах Верх-Нейвенского лесхоза, на расстоянии более чем 25 километров от завода, а выжег угля — до 50 километров. По всем показателям шел прирост. На 1 января 1940 года в лесозаге трудилось 59 стахановцев, 28 ударников. Передовым методам работы обучали в стахановской школе. В 1940 году эту школу закончили 13 лесорубов. Среднее выполнение норм выработки до школы — 95 процентов, после школы — 220.

◀ Молодежь поселка Красный Адуй. 1953 г.

◀ Празднование 7 ноября
в пос. Красный Адуй. 1953 г.

Часть древесины на завод уже доставляли лесовозы по старому Верхотурскому тракту, но и лесная дорога не оставалась забытой. Она продолжала служить заводу и людям. Это был еще и короткий пешеходный путь, связывающий Медный рудник с Красным Адуем. Заводская молодежь прокладывала вдоль «ледянки» лыжню и устраивала по выходным в этих местах отдых с ночевкой.

После войны, когда значительная часть леса в округе Красного Адуя была вырублена, началась кропотливая работа по его восстановлению. Молодые сосенки, выращенные на питомнике, бережно высаживались на образовавшиеся пустоши. Посадки велись и возле бывшей «ледянки». Сама она оставалась хорошим ориентиром в лесу для ягодников и грибников.

Жизнь, шедшую своим чередом, нарушила война. Каждый грамм меди, выпущенной Пышминским медэлектролитным заводом, приравнивался к удару по врагу. Лесозаг перешел на работу в режиме военного времени. Лесорубы жили рядом со своими делянками вдали от поселка. Каждый работающий должен был выдавать за месяц 40 норм, иначе домой из леса не отпускали.

Всю войну и тяжелые послевоенные годы за организацию работ и доставку древесины отвечал заместитель директора ПМЭЗа Павел Николаевич Зотеев. Он хорошо знал, чем живут и как работают люди на лесозаготовках. Беспокойной была должность и у начальника лесоучастка Михаила Ивановича Воронина.

Снова, как и в годы строительства завода, свою роль сыграла «ледянка».

▼ На посадке леса. 1958 г.

◀ Молодожены Колобовы

Долгое время в этих местах можно было наблюдать удивительное явление, свидетелем которого не один раз оказывался и автор этих строк. Среди сохранившихся от вырубки вековых сосен вдоль «ледянки», в полном отсутствии других людей, слышны чьи-то голоса. Если в лесах на бывших местах боевых действий слышат крик «Ура!», то здесь звучат мужские голоса, похожие на крики лесорубов и коновозчиков, управляющих лошадьми. Этот своеобразный след в наших лесах оставило невероятное скопление на лесозаготовках людей разных сословий и национальностей и величайшее напряжение их физических сил и эмоций. «Ледянка» была полем боя в глубоком тылу. **УК**

▼ Деревня Колмогорова

С «налимом» ПОД МЫШКОЙ (Игры нашего детства)

Иллюстрации предоставлены автором

Родились и выросли мы с братом в городе Каменске-Уральском, но значительная часть детства проходила в соседней Курганской области, в деревне Колмогоровой Каргапольского района. Там, у бабушки и дедушки, проводили мы все наши каникулы.

Деревню основали выходцы из Архангельской области (поморы) в конце 17-го века. Отсюда и название районного центра — Каргаполье. Теперь некогда многолюдная и веселая Колмогорова, похоже, доживает свой век.

С детских лет в памяти сохранились некоторые деревенские игры: в «шар», «лунки», в тот же «чижик». Всё это теперь, к сожалению, забыто. Мы мастерили из дощечек стрелявшие горохом пистолеты. А еще — пускали зимой по снегу

Владимир Струганов

Окончил Свердловский мединститут. Более 30 лет проработал врачом в ЦМСЧ-91 города Лесного. Бард. Автор нескольких поэтических сборников и популярных книг по истории Лесного. Печатался в «Литературной газете», в журналах «Урал», «Уральский следопыт», «Литературный квартал» (Екатеринбург).

КУРГАНСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Уральский следопыт, май 2016

Михаил. Брал березовое полоно и топором ладил заготовку. Потом подправлял ее рубанком и отшлифовывал наждачной бумагой.

По внешнему виду снаряд и впрямь несколько напоминает скользкого речного налима. Длина, в зависимости от возраста и роста владельца, — 80–100 см. Передняя часть круглого в сечении «налима» заострена, дальше толщина его по всей длине постепенно уменьшается. Диаметр в наиболее толстом месте — 7–8 см.

Березовый материал придает «налиму» некоторую увесистость, необходимую для большей инерции при скольжении в снегу. Если готового «налима» окунуть в воду и затем подержать недолго на морозе, то образовавшаяся тонкая ледяная «рубашка» существенно улучшит скольжение. Наоборот, в теплую погоду на снаряд может налипать снег, что тормозит его движение.

Чтобы запустить «налима», необходима определенная сноровка. Снаряд располагают вдоль руки, упирая задним концом в подмышечную область. Подняв руку с «налимом» до уровня груди и отведя ее затем максимально назад, снаряд нужно с силой метнуть вперед, с таким расчетом, чтобы в снег он вошел непременно носом и под небольшим углом к поверхности. Тогда дальше «налим» будет хорошо скользить: то мчаться, подобно торпедке, в верхнем слое сугро-

ба, то, словно поезд из тоннеля, выходить в малоснежном месте наружу, входя затем в очередной снежный бархан.

В принципе, техника запуска снаряда может быть и иной. Многие зависят от личного опыта и ловкости. «Налима» лучше запускать там, где снега много и где он не утрамбован. В деревне мы, к примеру, шли для этого в огород.

За ходом «налима» очень любопытно наблюдать. Особенно всех радовал момент его появления из-под снега. При удачном запуске снаряд способен преодолеть до 20–30 метров. Если его метают по очереди несколько человек, то в этом присутствует и некий соревновательный момент. Иногда «налим» останавливается под снегом, но его нетрудно отыскать по входному отверстию.

Так мы с колмогоровскими мальчишками играли в середине 1960-х. Когда я недавно напомнил брату про эту старую деревенскую забаву, у него появилось желание самому смастерить «налима», чтобы зимой выйти с ним под мышкой на открытое место и, как в детстве, попытаться запустить. **УС**

вытесанных из дерева «налимов». Обнаружить сведения об этой, ранее популярной в деревне Колмогоровой, детской забаве мне, при всей настойчивости, не удалось. Ни, к примеру, в книгах известного этнографа И. И. Шангиной, ни в сборниках старинных русских игр С. К. Якуба и Л. В. Былеевой, ни в сети Интернет. Потому и решил поделиться своими воспоминаниями.

«Налим» — это самодельный игровой снаряд. Его нам делал дед

► Брат Вячеслав с новеньким налимом в ожидании зимы

▼ С дедом на заготовке тальника

▲ Екатеринбург. Ул. К. Либкнехта, 9. Бывшее здание женской гимназии, ныне — Уральский государственный педагогический университет

«Я не мечтал об этом рае...»

(Судьба первого директора УрГПУ)

Уральскому государственному педагогическому университету в 2015 году исполнилось 85 лет. Коллектив вуза постоянно занимался своей историей.

Тем не менее, до сих пор мало известно о первых его руководителях, создавших и поставивших на ноги крупнейший на Урале педагогический университет.

Татьяна Мостон

Выпускница, а сегодня — ведущий редактор Уральского государственного педагогического университета, филолог. Работала учителем русского языка и литературы в школе, обозревателем в «Областной газете» и других изданиях.

Ирина Шаманайева

Кандидат юридических наук. Главный редактор газеты «Народный учитель» Уральского государственного педагогического университета. Автор нескольких художественных произведений. Лауреат премии журнала «Звезда».

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Фотографии из семейного архива Аносовых-Кузнецовых.

Уральский следопыт, май 2016

◀ С.Д. Аносов. 1928 г.

верситет, в котором позже преподавал историю и философию. Философ, историк, доцент. Был репрессирован». Сведения скудные, и, как окажется позже, недостоверные: в Варшаве (и за границей вообще) никогда не был, родился в семье железнодорожника, который, по словам Аносова, «50 лет проработал на железной дороге стрелочником, грузчиком, сторожем».

До недавней поры в университете не было ни одной фотографии Семена Давыдовича. На запрос о его снимке в музей истории УрГПУ мы получили записку: «Не имеется ни в каком виде». Доктор исторических наук, профессор УрГПУ Михаил Валерьевич Попов заявил, что просматривал личные дела С.Д. Аносова в административном областном и партийном архивах, но и там фотографий нет, видимо, кем-то изъяты.

Шла подготовка материалов книги, посвященной 85-летию УрГПУ. По замыслу начать книгу должен был рассказ о С.Д. Аносове. Не хотелось, чтобы рассказ начинался с извинений и пустого прямоугольника на месте фотографии. Но вот очередные поиски увенчались успехом. Удалось найти внука Семена Давыдовича — Дмитрия Ивановича Кузнецова.

И 21 декабря 2015 года Д.И. Кузнецов, проректор, пресс-секретарь Санкт-Петербургского политехнического университета им. Петра Великого, профессор, доктор философских наук, заведующий кафедрой философии, по приглашению ректора УрГПУ Алевтины Александровны Симоновой посетил Уральский государственный педагогический университет, принял участие в научной конференции и торжественном заседании Ученого совета, прочитал лекцию для студентов. По его словам, город Свердловск-Екатеринбург слыл легендой для семьи, где, откровенно говоря, давно ждали, когда там вспомнят о Семене Давыдовиче. Теперь мы очень многое знаем об этом человеке, располагаем документами, фотографиями. Одни снимки — из годов двадцатых — залиты солнцем надежды, а те, что из шестидесятых, полны страданий. Имеем бесценные воспоминания... И все это вместе позволяет нам представить образ первого директора, предположить, каким человеком он был.

Портрет без портрета

О самом первом директоре института — Семене Давыдовиче Аносове — в материалах музея истории УрГПУ читаем: «С.Д. Аносов родился в крестьянской семье, учился в Варшавском университете. Участник Гражданской войны. После войны окончил Дальневосточный уни-

Биография партийца

Судьба Семена Давыдовича Аносова, как и многих партийных деятелей первой половины XX века, трагична. Пламенный революционер, репрессированный в 1938-м, 15 лет

▼ Семейный снимок. Семен Давыдович — третий справа

▲ С.Д. Аносов с женой
О.М. Пышновской. 1924 г.

отсидевший в сталинских лагерях, он до конца жизни был верен коммунистической партии и главной своей трагедией считал не потерянные в неволе годы жизни, а исключение из партии. И потому, вернувшись домой, всю оставшуюся жизнь посвящал борьбе за восстановление в рядах коммунистов. Длительной, изнуряющей, не дающей надежд борьбе...

Из заявления С.Д. Аносова в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС от 4 марта 1955 г.: «... В октябре-ноябре 1917 года принимал участие в борьбе за установление советской власти в Ростове-на-Дону. В царской армии не служил. В 1918 году добровольно вступил в Красную Армию. Был курсантом, командиром. Принимал участие в боях в составе Украинской Красной Армии. Дважды был ранен. В эти годы, вследствие своей политической неграмотности, когда мне было 19–20 лет, был под влиянием борбистов. Это обстоятельство как при вступлении в коммунистическую партию, так и во время чисток партии не скрывал. В партию был принят в 1920 году. В этом же году был избран членом Павловского Уисполкома и демобилизован из армии.

Был избран депутатом Воронежского Губисполкома. Одновремен-

но учился в университете. В июне 1923 года ЦК партии был мобилизован в счет 47 работников губернского масштаба и отправлен на Дальний Восток. В 1924 году окончил историческое отделение Дальневосточного университета и был направлен для преподавательской работы в университет. Затем был отправлен на Урал. С октября 1927 года по декабрь 1929 года работал заведующим Тюменским Окроно. С декабря 1929 года по май 1934 года работал проректором Уральского политехнического института, заведующим Свердловским Горно, директором Свердловского педагогического института. Все эти годы одновременно вел преподавательскую работу в вузах в качестве доцента и заведующего кафедрой. Был членом Свердловского Горкома партии и депутатом Свердловского горсовета. Я имею семью. Жена моя Пышновская Ольга Михайловна была членом партии с 1928 года».

Совсем небольшой по объему текст, а сколько вложено в него искренности! Сколько веры в правильность выбранного пути!

Директор вуза и друг Бажова

Директором Уральского инженерно-педагогического института (УРИПИ, сегодня – УрГПУ) Семен Давыдович стал в 32 года. «Организационной штаб-квартирой вуза

в сентябре 1930 года была комната в здании по ул. 8 Марта, 3 (институт повышения квалификации работников народного образования). Здесь располагался формирую-

▼ Семен Давыдович с женой и дочерью. 1926 г.

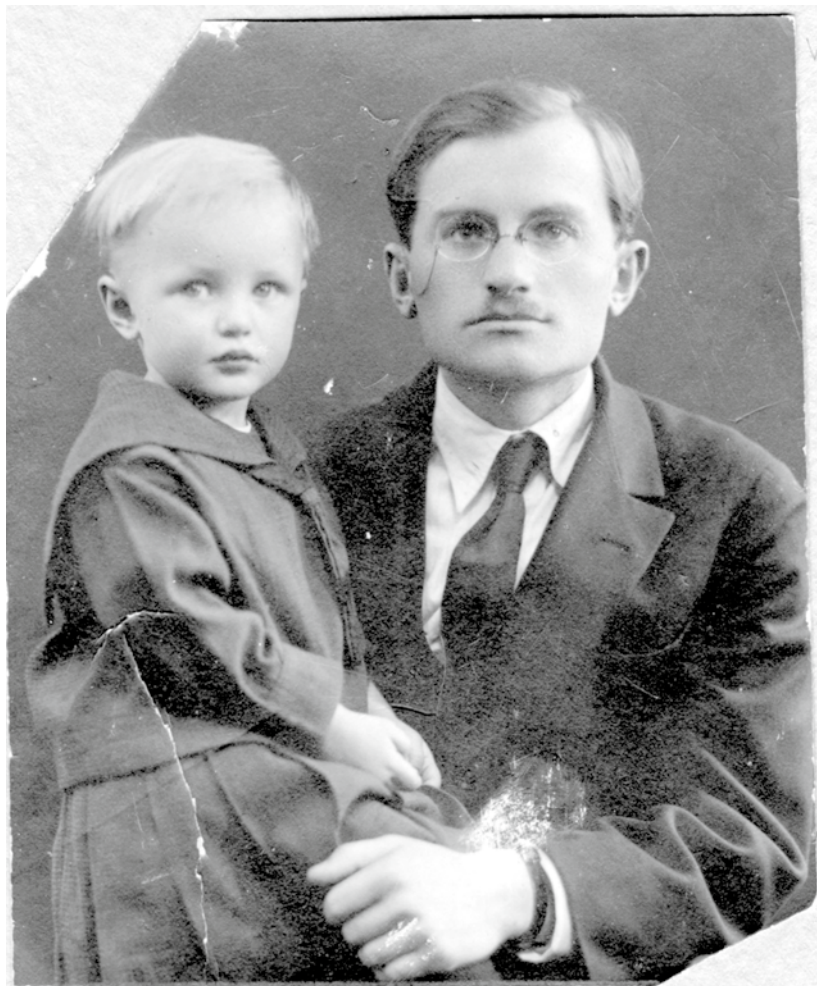
Уральский следопыт, май 2016

► Семен Давыдович с дочерью Рогнедой

щийся директорат института, готовились проекты приказов и другая документация, подбирались кадры преподавателей и сотрудников».

Семен Давыдович был достаточно жестким и требовательным руководителем. Предновогодний приказ по вузу от 30 декабря 1930 года содержит предупреждение сотрудникам о том, что за опоздание на работу на пять и более минут дирекцией будут приняты самые решительные меры вплоть до снятия с работы. Он был человеком своего времени.

Непросто складывался и его профессиональный путь в институте. Через пять самых трудных месяцев руководства, когда в кратчайшие сроки было организовано обучение студентов, 18 февраля 1931 года Аносов был освобожден от должности директора, но остался руководителем кафедры общественно-экономических наук. Новым руководителем вуза назначили Анну Николаевну Бычкову, которую 3 ноября 1931 года тоже освободили от обязанностей директора в связи с переходом на другую работу. На эту должность был вновь назначен доцент С.Д. Аносов. В связи с чем происходили подобные рокировки кадров, сегодня сложно понять и объяснить.

В августе 1933-го в институте снова происходит смена руководства. Аносов переходит на работу в Горно. Директором УРИПИ назначается В.Е. Семенов. Таким образом, Семен Давыдович пребывал в должности директора института в общей сложности 2 года и 2 месяца.

Человек огромной силы воли и недюжинных амбиций, он собрал в пединституте команду талантливых и образованных педагогов, высокая квалификация которых вкупе с грамотным руководством обеспечили вузу успешный старт в непростой обстановке первых пятилеток. И в этом прямая заслуга С.Д. Аносова перед системой педагогического образования Урала.

Каким он был педагогом, охотно рассказал внук Семена Давыдовича. Он общался с дедом до собственных десяти лет, то есть до самой смерти бабушки.

— Я его очень любил — до того момента, как пошел в первый класс. А потом начались мои мучения. Мне даже не хотелось, чтобы он слишком часто приезжал к нам в гости в Ленинград (они жили с бабушкой в Зеленогорске. — Авт.). По-

чему? Потому что когда он приезжал — он первым делом спрашивал, что я прошел в школе. И начинал меня, первоклашку, экзаменовать. Если я не знаю какого-то стихотворения, забыл то, что учил по программе — сразу вопрос: «Почему ты этого не знаешь?» Я говорю: «Дед, но меня ведь уже больше не спросят! Урок уже прошел! Давай лучше что-нибудь вперед выучим». — «Нет. Все, что ты прошел — ты обязан знать». Когда приезжал дед, ребята во дворе знали, что в футбол я пока не играю. А учителя отказывались понимать: я же еще вчера не знал заданного стихотворения, а теперь вдруг знаю.

Семен Давыдович, добавляет внук, как педагог был добрый, но очень требовательный: пока ты этого не выучишь, никакого футбола, никакого двора! И эта школа, которую он заложил во мне до третьего класса, срабатывает, по существу, всю жизнь. Для меня всегда главными были не оценки, а реальные знания. Дед мне не разрешал выбрасывать школьные учебники. Говорил так: «Они тебе потом в жизни могут очень пригодить-

ся. Учебники — базис, фундамент. Допустим, какой-то кирпич выпал из этого фундамента, забыл ты что-то элементарное — можно вернуть-ся к учебникам и восстановить.

Бесконечно ценным для нас сегодня является свидетельство Дмитрия Ивановича о том, что его дед дружил в Свердловске с Павлом Петровичем Бажовым.

— Несмотря на то, что Бажов был старше его на 20 лет, они дружили. Обсуждали педагогические вопросы и просто очень хорошо, душевно общались. Тогда Павел Петрович еще не был широко известен, ведь его знаменитые сказы стали печататься с 1939 года. А встречи деда с Бажовым относятся к 1932–33 годам. У Бажова тогда, кажется, были проблемы с партией, его чуть не исключили, и дед ему помогал, выступал в его поддержку.

Была в нашем семейном архиве фотография, где моя мама сидела на коленях у Бажова. К сожалению, не сохранилась — большая часть семейных фотографий свердловского периода погибла в Сталинграде во время войны.

У деда вообще был талант окружать себя интересными людьми. К примеру, на Дальнем Востоке, где он работал в 1920-е годы, общался с академиком Обручевым, который написал «Землю Санникова».

С «клеймом преступника»

Через 8 месяцев работы в горно г. Свердловска С.Д. Аносов был переведен в Сталинград. Стал преподавателем ленинизма и заведующим кафедрой социально-экономических дисциплин, а также вторым директором Сталинградского педвуза, сегодня — Волгоградского государственного педагогического университета (ВГПУ). Как историк и руководитель вуза, много сделал для активизации работы института, организации исторического факультета. При активном участии дирекции шло становление новых факультетов и кафедр.

В 1930-е годы поиски «фашистско-троцкистских групп» коснулись и Сталинградского вуза. Руководство института обвинили в «засорении» коллектива «классово чуждыми элементами». Были отчислены 70 студентов. Исчезали преподаватели и сотрудники. 23 апреля 1938 года был арестован и директор института Аносов.**

Вот так история не в теории, а на практике прошла по судьбе защитника марксизма-ленинизма,

безоговорочно верящего в справедливость его идей.

— Он был человек своей эпохи, — говорит Д.И. Кузнецов. — Советский человек. Участник Гражданской войны, коммунист старой закалки. Но он не был ортодоксом. Труды Ленина и Маркса, принадлежавшие деду, все сохранились у меня. Они проработаны им, цитаты подчеркнуты, на полях сделаны замечания, причем нередко с позиции «не согласен». Он не просто занимался марксизмом, он размышлял над ним и считал, что марксизм нужно развивать и двигаться дальше.

Все, что случилось с ним лично, Семен Давыдович, как многие истинные партийцы, воспринимал не только как случайную ошибку, но и объяснял коварными действиями очередных «врагов», не видя, не желая понимать суть системы. Не хотел он этого знать и много лет спустя, когда добивался восстановления в партии. Из заявления С.Д. Аносова: «С 23 апреля 1938 по 11 июня 1940 года я по произволу авантюристов, проникших в аппарат Государственной Безопасности, получил клеймо преступника. Был исключен из партии как «враг народа». Замурованный в одиночной камере Сталинградской внутренней тюрьмы МГБ свыше двух лет, я ничего не мог добиться, чтобы доказать, что я не виновен. Мне не предъявляли конкретных обвинений, а подвергая конвейерному допросу, пытались путем избиений добиться от меня вымышленных показаний...». Трагедия Аносова в том, что он, не избежав конвейера «врагов народа», искренне верил, что несправедливость, выпавшая на его долю, является только чьими-то происками и не может быть частью государственного механизма. Иначе за что тогда сражался он в рядах Красной Армии, чему верил? Из года в год он упорно добивался справедливости.

Из письма С.Д. Аносова главному военному прокурору от 26 марта 1954 года: «... Лишенный несколько суток сна, избитый, я заявил следователю, что готов подписать все, что угодно. Началось составление «романа»... В июле 1940 года мне объявили решение Особого совещания и отправили в лагерь».

А как судьба мужа обошлась с его женой? На фотографиях Ольги Михайловны Аносовой мы видим очень красивую женщину с выразительными чертами. Лицо европейское, «нездешнее». Она была польских корней. После ареста мужа ее стали вызывать на допросы, требовать, чтобы она отреклась от него.

► За несколько дней до отъезда из ссылки. Долгий мост Красноярского края. 1955 г.

Но она этого не сделала и стала женой врага народа, а жена врага народа не имела права воспитывать советского ребенка, своего сына. Его отобрали и отправили в Горьковский детский дом. Старшей дочери Рогнеде пришлось отказаться от родного отца при поступлении в институт, иначе бы не приняли. Ольга Михайловна так напутствовала дочь: «Я — жена, мне за все и отвечать. Если я отрекнусь, я не смогу с этим жить. А ты — дело другое...». Воссоединение семьи было долгим и трудным.

Ольге Михайловне, учительнице истории, запретили преподавать в школе. Но ей повезло, если вообще в таком случае можно говорить о везении. В 1944 году перенесли границу между СССР и Финляндией, и Ольга Михайловна оказалась на территории за Выборгом, где находился финский поселок Териоки, ставший позже Зеленогорском. Здесь ей позволили преподавать, потому что не хватало учителей. Да и со стороны директора школы, тоже отсидевшего в 37-м несколько месяцев по навету, она нашла сочувствие и понимание.

Пятнадцать лет в Сиблаге

...И вот очередной документ: «Состряпанное на меня дело не решились передавать в суд, а через Особое Совещание при НКВД СССР 11 июня 1940 года отправили меня в лагерь сроком на пять лет», — писал С.Д. Аносов в Комитет партийного контроля. Во время войны его задержали в лагере до особого распоряжения, и вместо пяти лет он пробыл в заключении восемь с половиной. В декабре 1948 года его вновь арестовали и отправили в ссылку в Красноярский край...

Отчаяние человека, безвинно осужденного на долгие годы, отразилось в его стихотворении «Воспоминание»:

*«Я не мечтал об этом рае,
В кошмарных снах он снился мне.
И вот теперь в суровом крае
Я наяву, а не во сне...»*

Позже он попытается переосмыслить свой лагерный опыт. Особенно после выхода повести Солженицына «Один день Ивана Денисовича», обсуждая с друзьями все «за» и «против». И предпринимал собственные попытки писать.

Кое-что из этих опытов сохранилось в семейном архиве.

А тогда, в лагере, отчаяние, выразившееся в поэтических строках, все же не доходило до сомнений. Находясь в ссылке, Аносов оставался активным участником социальствования в артели «Лужихимпром», где работал. Но никакие достижения в лагерном соревновании не помогали смягчить наказание и участь самого Семена Давыдовича. И, что самое удивительное, ничто не могло поколебать его веру в коммунистическую партию.

Дело С. Д. Аносова было пересмотрено 13 апреля 1955 года. И, как часто бывало в таких случаях, постановления Особого совещания отменены, дело за отсутствием состава преступления прекращено (из справки Военной коллегии Верховного суда Союза ССР от 16 апреля 1955 года). Но и жизнь прошла...

После ссылки

Наконец Семен Давыдович вернулся к семье в Зеленогорск. Когда его арестовали, сыну было около двух лет, теперь он учился на первом курсе политехнического института.

Долгожданная жизнь на свободе с семьей не была радостной. Он хотел добиться партийной реабилитации. Из заявления С. Д. Аносова: «Я никогда не был врагом партии и народа. Жить с таким клеймом, клеймом незаслуженным, нельзя... Мне нигде работы по специальности не предоставляют, и я вынужден пойти бухгалтером в детскую поликлинику. Всю свою сознательную жизнь я отдавал делу борьбы за коммунизм, а сейчас стал каким-то зачумленным, общение с которым небезопасно для жены и детей, так как бросает на них тень». Теперь он сам предпочитает разлуку с семьей и больше года добивается реабилитации в Москве.

Из письма Семена Давыдовича жене: «Дорогая Олюшка! Скоро две недели, как я в Москве, а добился ничтожно мало. Всюду наткаешься на стену равнодушия. «Дел много, почему ваше в первую очередь?» — таков обычный ответ. Чертовски устал обивать пороги, сидеть и стоять в очередях и приемных. Тошно. Держу себя елико можно в руках, чтобы не надевать глупостей. Тоска начинается и хочется на все плюнуть и уехать к тебе. Но креплюсь, знаю, что это

нужно и для меня, и для тебя, и для детей».

Несмотря на то, что после освобождения из лагеря Аносов в систему образования не вернулся, он был хорошо знаком с профессорами из Педагогического института имени Герцена. Они приходили к нему домой: потомственная ленинградская интеллигенция — к скромному бухгалтеру. Они общались и дружили.

Семен Давыдович был полностью реабилитирован. Его восстановили в звании доцента на кафедре ленинизма. Но он так и не мог добиться главной в его понимании справедливости — восстановления членства в партии. По словам родных, свое отторжение от партии он переживал тяжелее, чем любые физические страдания, до конца жизни добиваясь реабилитации. Но ее не последовало. Умер Семен Давыдович в 1967 году во время поездки на отдых в Прибалтику. Сердце не выдержало... **УС**

* Уральский государственный педагогический университет: Летопись-хроника 1930–2000/Сост., общ. ред. А. М. Лушникова, Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2000. — С. 7.

** Болотов Н. А. Ректоры Волгоградского государственного педагогического университета 1931–2007 гг.: очерки. — Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2007.

Евгений Студеников

Родился в с. Воздвиженка Каслинского района. Учился на токаря в Каслях, работал там на машзаводе, выпуская гранатометы для Вьетнама, потом — на предприятии Челябинска-70 (г. Снежинск). С молодости увлекся историей родных мест. Слушал и записывал рассказы старожил, в том числе бабушки Е. М. Васильевой, пожившей еще «при помещике». Собирает предметы быта, фольклорный материал, старые фотографии, изделия домашних промыслов. В городской газете «Вестник» открыл и вел рубрику «Истоки». Сотрудничает в «Южноуральской панораме», «Каслинском альманахе» и снежинском «Свете памяти», местных газетах. Живет в Снежинске.

◀ Анна Ефимовна Допира

Вот и кончилась война...

...Нюра вдруг остановилась. Подняв глаза, она увидела озеро. Она даже не заметила, как дошла до Окункуля. Наклонилась и тремя пригоршнями воды ополоснула лицо. Вода освежила и вернула в реальность. Недалеко по берегу у костра прыгали мальчишки, отогреваясь после купания. Солнце уже перевалило за полдень и готовилось опуститься в шумихинские болота. Озеро Нюре показалось большим и голым: еще не было камыша, и осока по берегу только пробивалась. Березки шевелили своими веточками, хвастаясь молоденькой листвой. На душе у Нюры лежала тяжесть от воспоминаний, что нахлынули на нее, пока шла.

Сегодня с Воздвиженки на хутора пришла новость. В радиоузле услышали сообщение об окончании войны. Бабы, которые работали с паренкой, бросив все, стали обниматься, целоваться, даже забыв вытереть руки о фартук. А кто-то просто стоял, опустив голову. Председательша Числова Клавдия Николаевна разрешила тем, кто управился пораньше, идти домой, чтобы вечером коллективом отметить это событие.

По письмам с фронта уже можно было понять, что победа близка и вернутся отцы, братья, просто мужики. И все наладится, и заживем справно, как до войны: не будет больше страда-

ния и слез, а будут по-прежнему вечерки, посиделки, танцы с частушками, и марухи оденут слежавшиеся в сундуках сарафаны, цветастые платки. И останется в прошлом то, как сорвавшийся с привязи бык Митька катал ее по земле, оторвал ухо, а фельдшер Симонов пришил его.

Как однажды, получив разнарядку на подвоз воды в коровник, на конном дворе Андрей Лифантьич запряг лошадь в водовозку, и Нюра поехала к колодцу. Наподнимала около 20 ведер

▶ Капитолина Гавриловна Числова (1877-1958). Первая колхозница

ЧЕЛЯБИНСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Уральский следопыт, май 2016

▲ 6 апреля 1935 г. Пробный выезд на посевную. Колхоз «Наш путь»

воды, лошадь напряглась и тронулась с места, потянула к коровнику. «Летом все-таки легче, — сидя в санях, подумала Нюра, — водой опять займется слепой Петя Попков (Бульман), будет возить воду с Окункуля, с «Куторской пристани». Так смешно: туда он едет сидя в бочке, а обратно идет следом за повозкой, зная, что лошадь знает, куда надо везти. Летом опять выгонят скот на «гулянье» и там, кто с животиной работает, пробудут до осени. Места там ба-

ские, на горочке раньше располагался 24-й кордон, там постоянно проводили сабантуй, а потом располагался летний пионерский лагерь стеклозавода.

Лошадь остановилась, Нюра слезла с саней, взяла черпак и перечерпала воду в бак для подогрева. Развернув лошадь, поехала следующую ходку, лошадь нехотя тянула сани. Летом

на «гулянье» в лесу хорошо: грибы, ягоды. Купаешься, пока коровы, спасаясь от паутов, стоят в воде. Главное, чтобы не зазыковали, а то подымут хвосты и — в лес, а там ищи-свищи, кругом волки. Ответ держать надо будет. Волки, бывало, резали овец в овчарне, в загонах и на выпасе. Однажды на выпасе пугнули овец, а они, безголовые, разбежались в разные стороны. Их давай собирать, а Марфа Сейфулина брала с собой ребеночка, так как не с кем было оставить. Укладывала под кустик, и девочка Галя там спокойно лежала. 200 голов надо было собрать, на это ушли день и ночь, только к следующему обеду их собрали. Все это девочка пролежала под кустом, и зверь не тронул ее. А волков было в то время много, пришли с Волги от войны. Таких вот ответственных людей, как Марфа, награждали отрезами ткани, телятами, ягнятами.

Подъехав к колодцу, тихонько ступая на оледенелую приступку, опять набрала в бочку воды. Руки замерзли и устали. Ведро и цепь обледенели и стали еще тяжелее. Взяв в руки вожжи, понукнула лошадь, та сделала попытку сдвинуть сани, но безрезультатно. Нюра хлестнула вожжами по боку лошади, но та продолжала стоять, пошатываясь. После еще нескольких по-

▲ Около дома колхозницы
А. Числовой

пыткок Нюра взяла черпак и торкнула лошадь по задку, а лошадь вдруг упала. Нюра испугалась, кинулась к ней, давай гладить и уговаривать, чтоб она поднялась, но лошадь была недвижима. Нюра начала распрягать ее, снимать хомут, что было сделать нелегко. Тут набежал народ, да еще с криками, что Нюрка Сегунина лошадь убила. Андрей Лифантьевич, старый животновод, понимал, что случилась беда и с лошадью, и с Нюркой. Ответ надо будет держать за такое происшествие. Нюрку да еще кого могут посадить, а Нюрке всего 17 лет, стубят девку.

Когда сняли с лошади шкуру для отчета, увидели, что все тело под шкурой было в свищах, и это стало маленьким облегчением. Решением правления мясо раздали колхозникам по маленькому кусочку, голову отдали Ежовой Нюре с Тихомировки, у которой было трое детей, а муж погиб на фронте. С этим не была согласна Фрося Чумовская (она работала свинаркой и жила, как и многие другие, при ферме) — ей мало выделили. Но все обошлось.

Время тогда было суровое, и законы тоже. Боялись друг друга. Был случай, когда одна из колхозниц посадила своего свекра за вязанку сена с колхозного двора, потом Шура Ч., продав хромовые сапоги Косте Бузакову за 50 кг ржи, сдала его. Был слух, что вместо тюрьмы послали его на передовую — и все!

В колхозе «Наш путь», на «хуторах», в овчарне была порода баранов —

рамбулье — большие, лохматые, как копейки, шерсть свисала, и клочки оставались на кустах и заборах, но никто не мог взять: боялись. Особенно бдительная была бригадирша Зина Гыниха. Все страшились ее.

В те годы, как бы ни было трудно и строго, все старались держаться единым. На этих бывших помещичьих землях и в строениях трудились животноводы, полеводы, бахчеводы, они теснились несколькими семьями в одной избе, спали на нарах, полатях, топчанах, на полу. На печке-чугунке запаривали брюкву скоту в котлах, это же ели и сами. Родовались лишь тогда, когда с первого урожая давали малый расчет за трудодни. Сходя в Воздвиженку на гумно, получали у Тихомирова на складе по несколько килограммов зерна. Муку засыпали в кипяток, посолив солью «лизунец», получали вкусную кашу «повалиху». Остальное за трудодни получали в отчетный год, на то и жили. Хорошие трудодни получали животноводы за телят. Если у каждой коровницы было 25 коров и еще бык-производитель, то за каждого здорового теленочка, сданного телятнице Дубиковой (Дубихе), давали 15 трудодней.

...Ее воспоминания нарушил шум голосов, она поняла, что пришла на «хутора». Колхозники собрались под навесом у амбара, длинное подобие стола накрыли холстом, где расположили всю снедь, кто что мог принести. Вместе оказалось богато. Мужички, шедшие с бани, были уже говорливые. Сели за стол на лавки, скамейки. Подняли первый тост — за победу, были потом и еще тосты, бражка сделала свое

дело: расслабила души до слез. Минутная слабость прошла, наступил черед песен и частушек. Не боясь, спели знакомые и только родившиеся:

*Вот и кончилась война:
Пошли солдаты ротами.
А мне некого встречать,
Девчонке, за воротами.*

*Война ты война,
Война меня обидела:
Война заставила любить,
Кого я ненавидела...*

*Во Тюбуке — девки буки,
Во Каслях — девки в соплях,
А в Воздвиженском селе
Нету девок веселе!*

Нюра посмотрела на запад, где вчера — там далеко — гремела война, а сейчас красное солнце окуналось в воды шумихинских болот, поднимая пар, как будто дым от тех военных пожаров. Маленько остыв, компания вдавилась в воспоминания о том, как в 40-х встречали белорусов. Белили им избы кисточкой из осоки, а потом белорусы делали свистки из ивы, плели из тальника лапти, которых местные раньше и не видели. Вспомнили о первых тракторах и комбайнах, о первой трактористке М. Андигиной, о поварихе Куклевой Вере из тракторной бригады у малой «извястки», как она в мраморном карьере ловила карасей и кормила бригаду, как приезжал к ним Афоня Цангин и Аня Васильева с концертами, с шутками-прибаутками. Вдругорядь интересно было видеть журавлей, садящихся на луг и важно ходивших между коровами, высоко поднимая ноги, а дети, чтобы поближе их видеть, прятались под брюхами коров.

Разговоры стали медленно стихать, многие потянулись к дому, позевывая, прикрывая рот кулаком. Подлетали на свет керосиновых фонарей и ламп, что висели над столом, первые очень крупные комары. Завтра впереди опять трудовой день, но уже с другим настроением, все-таки конец войне-беде.

...И сегодня, сидя на кухне за кружкой горячего крепкого чая, Анна Ефимовна Допира смотрит на красногрудых снегирей, клюющих ягоды с рябины, и вспоминает о том трудном отрезке ее трудовой жизни в колхозе «Наш путь», но несколько не жалеет о прошедшем. Она даже рада, что им повезло, не было здесь, на Урале, оккупации, не гремели взрывы, не было разрухи. И пусть не отходили ни на миг от места работы, даже зимой спали на силосных ямах, укрываясь матами из камыша, но все это уже в далеком прошлом. **У**

Иллюстрации из семейного архива автора

«Привет из Москвы. Меня приняли!»

◀ Экспозиция, посвященная Владимиру Трошину в краеведческом музее г. Михайловска

СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Нина Ерофеева

Бархатный, глубокий, из души льющийся голос народного артиста России, лауреата Государственной премии Владимира Трошина знаком всем. Им исполнялись песни, любимые несколькими поколениями россиян. Достаточно вспомнить «Поет морзянка за стеной веселым дискантом...», «На пыльных тропинках далеких планет...», «По ночному городу идет тишина...». Да разве все перечислишь! За долгие годы он дал путевку в жизнь сотням музыкальных миниатюр. А ведь Трошин был еще и прекрасным артистом театра и кино, воплотившим в жизнь множество запомнившихся зрителям ролей. 15 мая 2016 года Владимиру Константиновичу исполнилось бы 90 лет. Этой знаменательной дате посвящен очерк племянницы артиста, журналиста Нины Ерофеевой.

Тележурналист. Выпускница филфака УрГУ. С 1960 г. — сотрудник Свердловской гостелерадиокомпании, корреспондент радиостанции «Голос Родины» для русских соотечественников за рубежом. Затем — главный редактор общественно-политических программ телевидения. Автор многих телевизионных циклов и публикаций. Заслуженный работник культуры России. Живет в Екатеринбурге.

Как только говорю о Володе — своем любимом дяде, которого я дядей никогда не называла (всего-то он на 11 лет старше), так вспоминаю дорогу из Свердловска в Михайловск. Что же это было за мытарство! Расстояние в 135 километров, а добирались, бывало, чуть не сутки. Сначала — пригородный поезд до узловой станции Дружинино. Там — целая ночь на вок-

► Слева направо: сестра Александра, мать Анна Ивановна, Володя, отец Константин Михайлович, брат Михаил

зале. Деревянные лавки заняты. Значит, надо примоститься где-то на полу.

Тесно, душно, непрошибаемый чесночный запах — среди пассажиров большинство татары из местных деревень в белых, из овечьей шерсти носках, платках, повязанных поверх тобетеек.

Сначала кажется — не высиживать тут и пяти минут. Но сон одолевает, я приваливаюсь к плечу своего молодосенького дяди и засыпаю. Как могла моя мама, безумно любившая и безмерно опекавшая единственную дочь, да еще в тревожное военное время, доверять меня 17-летнему мальчишке? Конечно, это диктовалось необходимостью отправить ребенка на лето к тетке и бабушке. Но, думаю, еще была полная уверенность, что братишка, хоть и юн, но смьшлен, надежен и ответственный.

В 4 часа утра, когда спросонко аж зубы стучат от холода, начинается посадка в деревянные вагоны поезда «Чусовая — Бакал». Володя берет меня в охапку, и мы стоимся на длинной лавке, что тянется вдоль вагона. Оглядевшись, дядя укладывает меня на узкую багажную полку под потолком. Я тут же засыпаю, но ненадолго.

На каком-то стыке поезд резко тормозит, и я лечу вниз. Слава Богу, на вытянутые ноги пассажиров. Володя испуганно хватается за меня, успокаивает, берет на колени. И я чувствую особенную мужскую нежность и защиту, которой мне с уходом отца на фронт так не хватает.

«Дорогой мой Володя!

Ты стал одним из главных людей в моей жизни: самый интересный, самый умный, самый талантливый.

Спасибо тебе за куклу с закрывающимися глазами, за первую настоящую школьную форму, сменившую плохонькое сатиновое платьице, за летние сезоны в Михайловске, когда ты на губной гармошке озвучивал наши детские спектакли в горнице у тети Шуры, за бесконечные хлопоты по встречам и прощаньям меня с разными грузами на московских вокзалах. Низкий поклон тебе за материальную поддержку, которая всегда была кстати, особенно в мои студенческие годы. А сколько дефицитных лекарств ты переслал нам с мамой в критические моменты, поднимая, наверное, для этого на уши всю Москву!

Дорожу твоими советами, как ничьими другими, ни одним не пренебрегла. Гордилась и горжусь тобой как певцом. Просто люблю твой бархатный голос и на сцене, и на магнитофонной ленте, и в телефонной трубке. Благодарю Бога, что ты оказался моим родственником. Спасибо, что ты есть и будь! Будь подольше!»

Это черновик моего письма, отправленного к юбилейной Володиной дате. А мне выпала доля после Володиной смерти перечитать огромную пачку открыток и писем разных лет с обратным адресом: «Москва, Художественный проезд... Потом: «Садово-Каретная»... Позже Ленинский проспект...» Это все от Володи.

Какая же мудрая была моя мама! Она бережно хранила письма своего брата не только из любви к нему, но и потому, что понимала незаурядность происшедшего с нашей семьей.

Все предки со стороны моей бабушки — Анны Ивановны Баранниковой — и со стороны дедушки Константина Михайловича Трошина были мастеровыми людьми. И для младшего своего сыночка Константин Михайлович Трошин не видел другого пути, как выучить на токаря с большой буквы, каким был сам. И вдруг — такой резкий поворот судьбы! Как будто кто-то свыше распорядился: «Хватит, поробили на станках. Покажите-ка и другие свои таланты — ведь они есть, чего же их оставлять втуне?! Вон о Константине Михайловиче до сих пор легенда жива, как от силы его голоса гасли керосиновые лампы, когда он со своим другом Модестычем запевал в Народном доме «Есть на Волге утес».

Удивляйся — не удивляйся, а вот именно скромного, русоволосого, худенького Володюшку, как звали его сестры, высочайшая комиссия, приехавшая в Свердловск, отбирает в числе четверых из 280 наших земляков в новую школу-студию прославленного Московского художественного академического театра. В Москве надо пройти еще собеседование. Большая и дружная семья Трошиных вовсе не разделяет Володину радость — она потрясена и встревожена. Ведь идет война — это 1943-й год, немцы еще на территории нашей страны. Как же он поедет за 1,5 тысячи километров? Как он 17-летний, ничего, кроме Свердловска и Михайловска, не видевший, будет жить в огромном, чужом городе, где нет ни единого знакомого человека? И разрывают сердце слезы матери... Отца только похоронили — сторел в 52 года от непосильной, бессонной работы: во втором механическом цехе на Уралмаше (семья с 1936 года переехала в Свердловск).

► Володя (на переднем плане) и Миша

► На гастролях в Свердловске. Крайний слева В. Трошин, третья справа — Л.Хитяева, второй — С.Мартинсон, первый — П.Глебов

Старший сын Миша на фронте — воюет на тяжелом бомбардировщике... «Ты у меня последний... Не отпусти!» Но материнская мудрость владела...

На старой почтовой карточке — насакивающие друг на друга строчки, как радостный мальчишеский крик:

23.10.1943 г.

«Здравствуйте, Валентина и Нинуська!

Привет из Москвы! Меня приняли! Валентина, ты, я думаю, представляешь мою радость! Занятия у нас проходят с большими педагогами и очень увлекательно. Устроился очень хорошо: общежитие при театре и столовая тоже — это большое удобство. Я сейчас только пришел возбужденный зрелищем грандиозным — салютом в честь взятия Мелитополя.

Валя, напиши мне о маме, как она себя чувствует, наверное, очень скучает... Как твоё здоровье? Что пишет Миша? Где твой Павел?

Народ вокруг меня все хороший. Твой братишка.

Москва. Художественный проезд 3, производственный корпус, общежитие, Трошину».

«Хорошее общежитие» — это комната в производственном корпусе театра на 12 коек вместе с пожарниками. Общежития как такового нет. Почти никто из сокурсников в нем не нуждается: большинство москвичи. Но что для молодого счастливого парня житейские неудобства: он считает, что и тут ему повезло: пожарники, опекавшие его как сына, при его безденежье находят ему работу. В тайне от сокурсников, стесняясь малопочтенного занятия, сбрасывает с крыши снег. Получив за это какие-то деньги, в коммерческом отделе магазина покупает 150 граммов хлеба и съедает тут же!

Потом из дворников перешел в пожарники. На крыше театра караулил зажигательные бомбы. За ночное дежурство ему давали 50 граммов (!) белого хлеба и 25 граммов сала. Бутерброд жадно проглатывался. А в письме сестре и маме:

«Живу я хорошо. Очень пополнил». Веса в нем было 47 кг. Врачи поставили диагноз — дистрофия.

«Получил от вас посылку — спасибо. Обо мне не заботьтесь — я очень хорошо живу. На днях дали в магазине 2 кг урюка — как жаль, что не с кем вам послать».

Он был очень провинциальным, но многие считали его москвичом, потому что всегда был чистенький, аккуратный. «А рубашка, между тем, у меня была всего одна, — вспоминал потом Володя. — Я ее по ночам стирал, сушил, гладил. А если она не успевала к утру высохнуть, то женщины-прачки давали мне театральные манишки — там не было рукавов, спинки, а только грудь и воротничок. Сзади завяжешь тесемочки, сверху наденешь пиджак — и ты в порядке. Для этих женщин из производственного корпуса я был как сын. Бездомный, полуголодный мальчонка, беленький, волосы кудрявые... Они меня жалели и любили».

Из писем в Свердловск:

«1944 год. 20 января начнутся экзамены за семестр. Об одежде пока еще можно особенно не беспокоиться. Приобрел себе гимнастерку, не новая, прав-

да, но очень удобная — белые рубашки уж очень быстро пачкаются».

«3 февраля 1944 года. Экзаменационная сессия в разгаре. Пока все пятерки. Недавно был у Рыжовых — наших уральских соседей. Спасибо им — постирали мне белье».

«Здравствуйте, мама и Валя! Получил обычную стипендию за сентябрь, а за октябрь уже Чеховскую получу — 400 рублей. Мама, ботинки, как только будут, то мне в первую очередь дадут ордер. На улице хожу в валенках».

«2.7.1944 г. Дела мои идут неплохо: все сдал на «отлично». На время экзаменов мне выдали добавочное питание. Чеховскую стипендию удержал!»

Почти в каждом письме слова благодарности, не по-мальчишески трогательной заботы.

«Дорогие мои! Получил от вас 500 рублей — спасибо. Валя, ты ведь эти деньги отрываешь от себя, во вред себе? Ты просишь, чтобы я изобразил один свой день в смысле питания. Живем — хлеб жуем. А ведь у вас тоже не очень в этом смысле... Время бежит к экзаменам, начинается легкое волнение. Целую. Володя». **УС**

Иллюстрации предоставлены автором

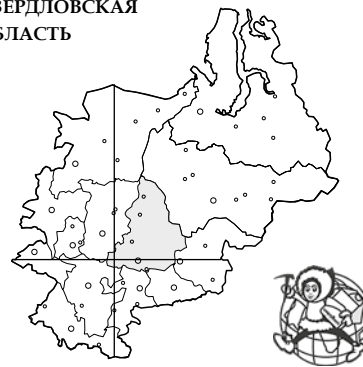
Былое и новь Красного Луга

Людмила Шаровская

Заведующая Р. Усть-Машской павленковской библиотекой

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Библиотека им. Ф. Павленкова в деревне Русский Усть-Маш Красноуфимского района, где хозяйничает Людмила Павловна Шаровская, являет собой полноценный культурный очаг. В этом мире книги действует клуб «Ветеран». Библиотека во всем помогает территориальному отделу, школе, клубу, детскому саду, участвует во всех общетерриториальных мероприятиях. В библиотеке создан музей, собираются материалы по истории деревни и судьбах ее жителей, оформляются фотоальбомы. Проведена работа по выявлению даты образования всех деревень территориального образования. Публикуемый очерк тому свидетельство.

В 60–70-е годы 20 века в сельскую библиотеку приходили ребятишки из соседней деревни Красный Луг. Было время, когда жизнь там была ключом. Потом по разным причинам жители разъехались, а теперь Красный Луг снова на слуху.

Процесс вымирания деревень в России продолжается. Идет отток

молодежи из сельской местности в города. Нет уже в Красноуфимском районе Рябинового Лога, Дубровки, Верх-Никитинского, Голосовки, Новоиргинска, Прилавок, Чухарей и других. На их месте цветут иван-чаем пустыри. Деревня Красный Луг, что в пяти километрах от Русского Усть-Маша, была в этом же списке. О ее су-

ществовании я слышала от местных жителей, выходцев с Красного Луга. Мой прадед Трофим Петрович Ключеров и прабабушка Елизавета Егоровна тоже были жителями этой деревни. А в 1972 году по решению облисполкома № 778 деревню Красный Луг исключили из учета данных как «прекратившую свое существование», деревня, как

говорили, стала неперспективной. Почему? Каким был этот уголок России? Чем занимались его жители? Как пережили страшную Отечественную войну? Почему жить в красивейшем месте стало невозможно, а сейчас там снова строятся дома и коттеджи? Такие вопросы возникли у меня, как у краеведа, местного жителя, библиотекаря и правнучки своих дедов.

Красный Луг располагался на берегу реки Уфы, среди чередующихся хребтов Уральских гор, скатывающихся к реке логов и оврагов межгорья, на огромном береговом лугу душистой травы.

По воспоминаниям деда и прадеда, Красный Луг был моложе Русского Усть-Маша. Землю на берегу полноводной тогда Уфы получил по решению Натальинского прихода некто Лягаев около 1880 года — за какие-то государственные заслуги. До революции 1917 года эту территорию так и звали Лягаев Луг. Добраться туда было трудновато. Вокруг непроходимые леса и с одной только стороны река Уфа.

Даже сейчас, когда техники у людей достаточно, не каждый осмелится совершить туда путешествие, особенно после дождя. Дороги по логам так перебивает, что только на тракторе можно добраться.

По переписи населения 1926 года в Красном Лугу насчитывалось 17 хозяйств (32 мужчины и 38 женщин). Среди этих семей жила в маленькой деревушке с двумя сыновьями — Михаилом и Василием (моим дедушкой) — и семья Ключерова. В похозяйственной книге Красного Луга за 1946 год семья держала 2 овцы, 2 козы, свинью, корову, 2 телки, 20 соток земли под картофель. Была трудолюбива, жила своим трудом. Казалось, Трофим Петрович умеет все: он и пчеловод, и столяр, и кузнец, и охотник, и рыбак, мог легко скатать валенки, занимался выделкой шкурок домашних и диких животных, плел лапти на заказ. А прабабушка вела все хозяйство: помогала мужу присматривать за пчелами (их было около 10 семей), кормила кур, гусей, свиней, корову, теленка, огород в 20 соток был тоже

на ней. Елизавета Егоровна также славилась в деревне как портниха. Шила шапки, рубашки, штаны, перелицовывала одежду, вязала носки и варежки.

После Гражданской войны в 1929 году в деревне образовался колхоз. Председателем был Петр Перескопов. Колхоз крепко стоял на ногах: в хозяйстве появилась своя ферма для коров и телят, конный двор, стали разводить свиней, кур, гусей, уток. Раз появилось хозяйство, нужны стали рабочие руки, и в деревню потянулись люди с окрестных сел. Население росло. Для обслуживания колхозников открыли начальную школу, завели магазин, появилась пожарная команда.

Главная рабочая сила в колхозе была лошадь, которая требовала для себя особую сбрую, состоящую в основном из веревок. В обязанность колхозника Трофима Ключерова входила заготовка этой веревки. Весной он готовил лутошки (липовые бревна диаметром 18–20 см), после спада весенней воды связывал их в плоты и где-то в заводи погружал в воду под гнет месяца

▲ Семья Т.П. Ключерова

▲ Краснолужский колхоз. 1942 г.

▼ Деревня Красный Луг в 1970-х гг.

на три. Когда кора отделялась от ствола, он заготавливал мочало и сушил его на специальных вешалах. После просушки уже можно было вить из готового материала веревки, гужи, череседельники, подпруги, вожжи и т.д. Для облегчения работы Трофим Петрович изобрел специальный станок, с помощью которого можно было легко и удобно выполнить эту трудоемкую работу.

Река Уфа в то время была богата рыбой, если не лениться, можно было не только для себя наловить ее, но и заработать на рыбе денег или поменять улов на что-нибудь. Трофим был умелым рыбаком, и в любое время года рыба присутствовала на семейном столе. Зимой он ставил «морды», весной сакал, летом рыба попа-

▼ Строится зона отдыха

далась на шнуры, а осенью «лучил». Круглый год с ружьем за плечами ходил в тайгу за зверьем и птицей: лисами, зайцами, глухарями, кротами. Мясом кормил семью, а шкуры сдавал в заготконтору в обмен на порох, дробь, муку, сахар. А еще прадед Трофим умел ладить разные по размеру сани: большие для перевозки сена, соломы и дров, маленькие — для катания детей с горок и перевозки небольших грузов. За трудодни колхоз снабжал дровнями, дрогами, телегами. За умение, трудолюбие, силу уважали его в деревне, ценили как человека и как работника. Никто, пожалуй, из деревенских мужиков не мог за один день по реке против течения подняться на лодке до Красноуфимска, а Трофим Петрович мог, хотя путь был не близким — около 100 километров. Кроме Ключеровых в Красном Луге проживали Липины, Змеевы, Щербаковы, Невотины, Чечушковы, Могильниковы, Федяковы, Гордевы, Друговы, Зыковы и т. д.

В 1950 году было принято решение райкома об укрупнении колхозов, и из двух деревень Красного Луга и Русского Усть-Маша образовали один колхоз — имени Куйбышева. Председателями перебивали многие: Гавриил Федяков, Велижанин, Мешков, Балавин, Федотов и др. Началось движение скота и техники из одной деревни в другую. Забрали из Красного Луга коров — привезли кур и гусей, переправили в Усть-Маш большую часть лошадей, а в Красном Луге открыли телятник. После реформы денег в 1961 году мелкие колхозы еще раз укрупнили и из шести колхозов образовали совхоз «Бугальшский». Именно в этот момент Красный Луг

стал неперспективной деревней: центральная усадьба совхоза находилась в 25 километрах по ужасающим дорогам в деревне Бугальш, ни полей, ни пастбищ поблизости не было, только леса и горы. Постепенно фермы, птичники, конюховку перевели в Русский Усть-Маш. Работы не стало, и люди, сорвавшись с насиженных мест, стали уезжать кто в Натальинск, кто в Усть-Маш. Деревня опустела, школу закрыли, (Слайд № 8) товары в магазине закончились, пожарку заколотили. Осталась только природная красота и полуразвалившиеся от сырости хибары.

Прошло больше 20-ти лет, миновала перестройка, остался позади кризис 90-х годов. Люди стали жить спокойнее, богаче. Шумные, экологически грязные города надоели, и городской народ стал задумываться о деревенской тишине, уединении, чистом свежем воздухе, месте, где можно хотя бы летом набраться сил и солнечной энергии наедине с природой. На месте, где раньше стояла деревня Красный Луг, с 2000 года принялся расти дачный поселок. Некоторые жители, особенно пенсионеры, оставались и зимовать.

11 февраля 2009 года в Красном Луге образовалось садово-огородническое товарищество под председательством Е.И. Князева. Оно просуществовало до 31 июля 2012 года. Сейчас жители урочища Красный Луг добиваются статуса населенного пункта, но это требует большого финансового вливания и документальной волокиты.

На крутом берегу, где когда-то были вырыты землянки, сейчас стоят современные благоустроенные дома с грядками и цветниками, с красивы-

▼ Вид Красного Луга с Галочьих камней

► Красный Луг сегодня

ми беседками и причудливыми спусками к реке. Каждый, желая выделиться, обустроивает свой участок клумбами, фруктовыми деревьями, теплицами. Весь берег застроен домами, свободного места у реки уже не найти даже на окраине, где раньше была туристическая база железнодорожников.

Можно было бы назвать этот уголок природы райским, но до сих пор нет дороги в этот возрождающийся населенный пункт, и жить там непросто, особенно зимой. Жители становятся заложниками снежных заносов. Полгода ни одна машина, даже вездеход, не может пробить путь через овраги и лесную чащу. Надежда появилась, когда на берегу реки предприниматель стал строить дом отдыха. Зона его обустроивается, и дороги, скорее всего, будут построены. **УС**

ВАШЕ ЗДОРОВЬЕ В ВАШИХ РУКАХ!

Малый и большой бассейны Спортивного центра «Верх-Исетский» ждут вас!
Обучение плаванию детей (от 1 года) и взрослых, свободное плавание, работа в группах и индивидуальные занятия.

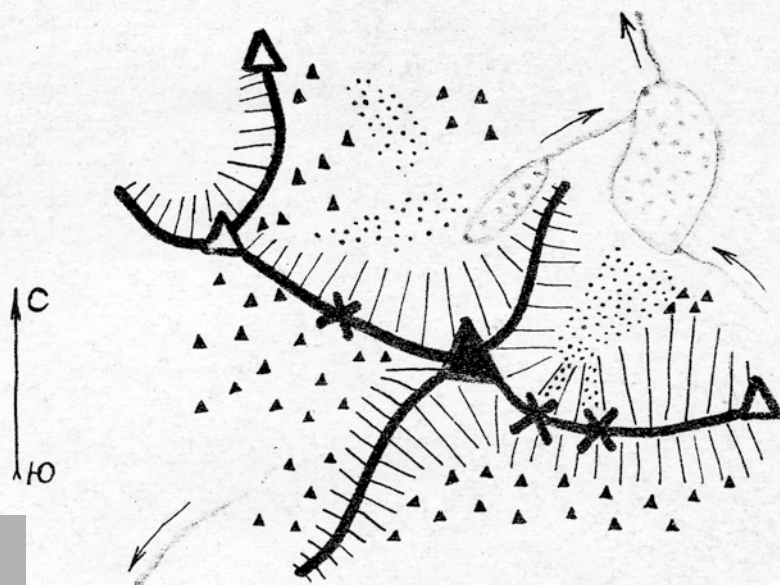

Гора

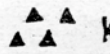

получила имя журнала

ПЛАН РАЙОНА ПИКА
УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

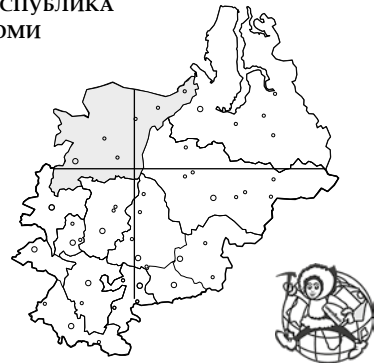
М 1:25000

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:

- ГРЕБНИ С УЧАСТКАМИ СКАЛ
- ВЕРШИНЫ
- ПЕРЕВАЛЫ
- СНЕЖНИКИ
- КАМЕНИСТЫЕ ОСЫПИ
- РЕКИ
- ОЗЕРА
- ПИК УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

РЕСПУБЛИКА
КОМИ

Владислав Карелин

Заслуженный путешественник России, мастер спорта по туризму, действительный член Русского географического общества, уральский краевед, автор более 500 статей, в том числе в журнале «Уральский следопыт», начиная с 70-х гг. прошлого века.

Уральский следопыт, май 2016

Журнал «Уральский следопыт» широко известен.

Его читают на всех континентах земного шара. Гора имени журнала — менее известна. Но она привлекает все большее количество путешественников.

Облик горы

Гора «Уральский следопыт» находится на Приполярном Урале, в самом высоком районе Каменного Пояса, примерно в 20 км к югу от высшей вершины Урала Поэнг-Ур (Народной). По соседству с горой расположены вершины Ремезова, Регули и хребет Непроступный. На склонах горы лежат верховья трех рек: Повсяншор и Правый Вангыр (левые притоки р. Косью на западном склоне Урала) и Правый Парнук (левый приток р. Маньи на восточном уральском склоне).

Гора имеет два кара. Северный — наибольший по площади. В нем расположено озеро, из которого каскадом по крутому перегибу склона вытекает ручей, впадающий в озеро, находящееся в долине р. Повсяншор. Озеро северного кара примерно на 100 метров по высоте поднято над долиной р. Повсяншор. Восточный и южный борта северного кара в верхней своей части представляют собою скалистые стены с серией крутосклонных кулуаров, часть из которых полностью или частично забиты снегом и обломочным материалом.

Стенки южного кара вверху сложены скалистыми обрывами, а в нижней части покрыты осыпями. На днище южного кара лежит озеро, из которого вытекает р. Правый Парнук.

Непосредственно гора сложена небольшими скалами и осыпями. Размеры вершинной площадки — 3х5 м,

от макушки горы отходят четыре гребня. Восточный круто опускается к двум перевальным седловинам, расположенным между реками Повсяншор и Правый Парнук. Юго-западный гребень круто обрывается скальными сбросами в южный кар. А противоположные северо-западные склоны юго-западного гребня сложены каменистыми осыпями. Северо-западный гребень опускается к седловине, к которой подходят кулуары северного кара. От этой седловины крутой каменистый осыпной склон идет в верховьях р. Правый Вангыр. Северный гребень — наиболее короткий и скалистыми обрывами круто падает в долину р. Повсяншор.

Идея о горе с именем журнала

Глубокой осенью 1978 года в свердловском клубе туристов я предложил провести на следующий год летнюю туристскую экспедицию на Приполярный Урал. Основные цели экспедиции:

- совершение восхождений на безымянные вершины с установлением памятных плит,

- первопрохождение новых перевалов и отдельных участков горных траверсов,

- сбор материалов для уточнения местоположения границы между Полярным и Приполярным Уралом.

Руководство областного совета по туризму, при котором функционировал клуб туристов, поддержало такое предложение. В ходе подготовки экспедиции появилась мысль: взойти на безымянную вершину на Приполярном Урале, а затем официально оформить имя горы — «Уральский следопыт».

Для начала следовало установить контакт с редакцией журнала. Я уже был знаком с сотрудником редакции журнала — Юрием Евгеньевичем Яровым. С ним я познакомился еще в 1959 году, во время поисковых работ на месте гибели группы Дятлова на горе Холат-Сяхл. А позднее я вместе с Евгением Поликарповичем Масленниковым слушал чтения вариантов книги о Дятловской трагедии, над которой работал Юрий Евгеньевич. Позвонил ему. Договорился встретиться в его частном доме, расположенном недалеко от автостанции на улице Щорса. Отъезжал дом. Постучал металлическим кольцом, висящим на двери.

Юрий Евгеньевич провел меня не в жилой дом, а в пристройку, оборудованную для интеллектуальной работы писателя. Он сразу поддержал мысль о горе с именем журнала. Сел за пишущую машинку и миглом настучал текст. Потом вынул лист из машинки и протянул его мне.

— Вот твое письмо на имя главного редактора журнала. Подписывай.

Мы договорились пойти к главреду вместе.

Редакция журнала в те годы размещалась на улице 8 Марта, в угловом доме на Площади 1905 года. Высокие потолки. Массивные двери комнаты. Главред — Станислав Федорович Мешавкин. Невысокого роста. С приветливой улыбкой. Задал немало вопросов. Извинившись, вышел из комнаты. И сразу же вернулся, ведя за руку плотно сбитого человека с округлым приветливым лицом. Представил его:

— Юрий Сергеевич Борисихин. Возьмете его с собой?

Так, само собой, решился вопрос о поддержке идеи заполучить имя горы в честь уральского журнала.

С Юрием Сергеевичем мы сходили на Приполярный Урал. А позднее побывали в совместных путешествиях в разных районах Урала. Меня всегда удивляла зажигательная способность Юрия Сергеевича красиво и душевно не только говорить, но и писать фразы, которые лились нескончаемым мощным потоком, увлекая слушателя и читателя. Запомнилась одна деталь. Сидя у костра и причмокивая чаек из кружки, он частенько закручивал пальцем кудряшку волос около уха. Он был талантлив не только в написании текстов,

▲ Коллектив редакции журнала «Уральский следопыт». 1979 год

но и в простейших движениях частей своего тела. Движения эти всегда имели какой-то необычный оттенок.

Первопокорение горы

В горы мы залетели на вертолете из города Печоры. Первую неделю совершили восхождение на несколько вершин, где устанавливали памятные плиты.

Первой была гора свердловских туристов. Расположена она в верховьях ручья Профиль Манараги, левого притока р. Косью. Вполне заслуженное название для вершины. В ряде случаев на горах Приполярного Урала свердловские туристы были первыми. Впервые зимой 1933 г. совершили лыжное путешествие к горе Тельпос-из. Летом 1936 г. туристы Свердловского горного института под руководством Ф. Груздева поднялись на несколько высших вершин Приполярного Урала (Народной, Карпинского, Мансиньер и др.). Летом 1954 г., впервые в послевоенные годы, свердловские туристы под руководством Е.П. Масленникова побывали на горах Народная, Манарага, Сабля. Зимой группа из Уральского политехнического института под руководством В.И. Королева впервые совершила зимнее восхождение на высшую уральскую гору — Народную. Имен-

но свердловские туристы под руководством А.С. Шумкова в 70-е годы XX века провели паспортизацию более сотни перевалов Приполярного Урала и установили на перевалах номерные знаки.

Установили мы памятную плиту и на горе Масленникова. Вершина эта из долины р. Косью смотрится эффектным пиком.

Пришел черед и горы с именем «Уральский следопыт».

Наш лагерь расположился в верховьях р. Повсяншор, там, где река изливается из четвертого по счету озера, считая с истока. Лес остался далеко внизу. Пищу готовили на примусах. Прямо перед нами — вершина, которая привлекает наши взгляды и устремления.

Записи Ю. Борисина в общем дневнике:

— Пик «Журнал Уральский следопыт» замыкает эдакий интимный горный интерьер — висячие озера, водопады, снежники, безукоризненная гладь, зеленая полянка... О чем я думаю? Вот-вот исполнится мечта назвать журнальным именем гору. Это приятно... В стране наш журнал будет единственным, который имеет свою вершину... Завтра восхождение...

Ранним утром 10 августа 1979 года отправляемся на восхождение. Нас — шестеро:

— Владислав Карелин, заведующий лабораторией в научно-исследовательском институте металлургической теплотехники (руководитель группы),

— Владимир Суриков, старший научный сотрудник в институте химии Уральского отделения Академии наук,

— Владимир Рыбин, врач железнодорожной больницы,

— Николай Белобородов, инженер Уральского электромеханического завода,

— Валерий Шляев, преподаватель техникума в городе Карпинске,

— Юрий Борисихин, заведующий отделом редакции журнала «Уральский следопыт».

Прошли вдоль проточного четвертого озера и стали по каменистой осыпи подниматься на левый борт долины Повсяншор. Вышли к горловине северного кара, где ручей каскадом водосбросов прыгает вниз, в долину. Вот и каровое озеро, над которым почти вертикально поднимаются скалы северного гребня горы. В озере плавают льдины. Володя Рыбин об этом месте в общем дневнике записал следующие строки:

— Пик-красавец! Чистоплотный, как, пожалуй, никакой другой — мало ему двух озер рядом — и каких

озер! — он третье себе взял, вплотную стал к нему своими крутыми склонами, любит смотреть в него, красив ли, не хуже ли других? Не хуже — это наше всеобщее мнение...

Далее поднимаемся вверх по осыпи, а затем по крутому снежнику. Выше — лазание по легким скалам. Вышли на северо-западный гребень. Оказалось, что мы поднялись на него выше перевальной седловины, от которой возможен спуск в долину р. Правый Вангыр. Спустились до седловины. Затем по осыням вверх по северо-западному гребню горы. На предвершинном участке преодолели скальный участок. Перед самой макушкой посылаем Юрия Борисихина первым взойти на гору:

— Иди, это твоя вершина.

Позднее Юрий в одной из своих журнальных статей запишет:

— «Я пошел вперед один... важно будет — сотрудник «Уральского следопыта» первым взойти на безымянную вершину...»

Вот мы и на вершине! Идет дождь. Видимость — хуже некуда. На макушке сложен большой тур, с дыркой в середине. Такие обычно сооружают геодезисты-топографы. В дырку вставляют вежу — обычно деревянную жердь. В туре записок не было. Значит, среди туристской братии мы первыми взойти на пик. И имеем право дать пику имя — «Уральский следопыт». В туре оставили записку о своем восхождении.

Спуск с пика проходил по восточному гребню. Спустились до понижения, на котором расположены две седловины, на расстоянии около трех сотен метров друг от друга. Дождь прекратился. Открылись ближайшие горные бастионы в истоках р. Повсяншор и на склонах хребта Неприступно-

го. С перевальных седловин вниз, в долину р. Повсяншор, опускаются снежные «галстуки», которые выходят на общее снежное поле. По снежнику быстро сгладившись вниз. Далее по скалам и осыням спустились на дно долины р. Повсяншор. Затем до лагеря — рукой подать.

Путь домой

Дальнейший наш путь домой был не простым.

В самых верховьях р. Повсяншор увидели неожиданную картину. Десять лет тому назад я спускался с Парнукского плато к верхнему озеру р. Повсяншор. Тогда в верхней части склона находились скальные контфорсы. А ниже была чистая поверхность ледничка, покрытая снегом. А через десять лет мы увидели, что все скалы контфорсов обрушились вниз. Вверху образовались крутонаклонные каменные плиты. А почти весь ледник засыпан каменными обломками. Оказалось, что горы — «живут».

В XX веке все высокие вершины Приполярного Урала были покорены. И практически все перевалы пройдены. Но нам удалось отыскать новый перевал — из верховьев р. Повсяншор в истоки р. Ломесьвож. Мы прошли этот перевал и стали его первопроходцами.

Вспоминается еще один необычный эпизод. В экспедиционном составе была вспомогательная группа под руководством Бориса Рязанцева, которая организовала заброску части продуктов для основной группы. Мы пришли на согласованное место — бывшую базу геологов «Северная Народа». Обыскали все остатки строений и... ничего не нашли. А до следующей нашей базы — пять дней пути. Собрали продукты, оставшиеся еще в наших рюкзаках. Придется двигаться впрого-

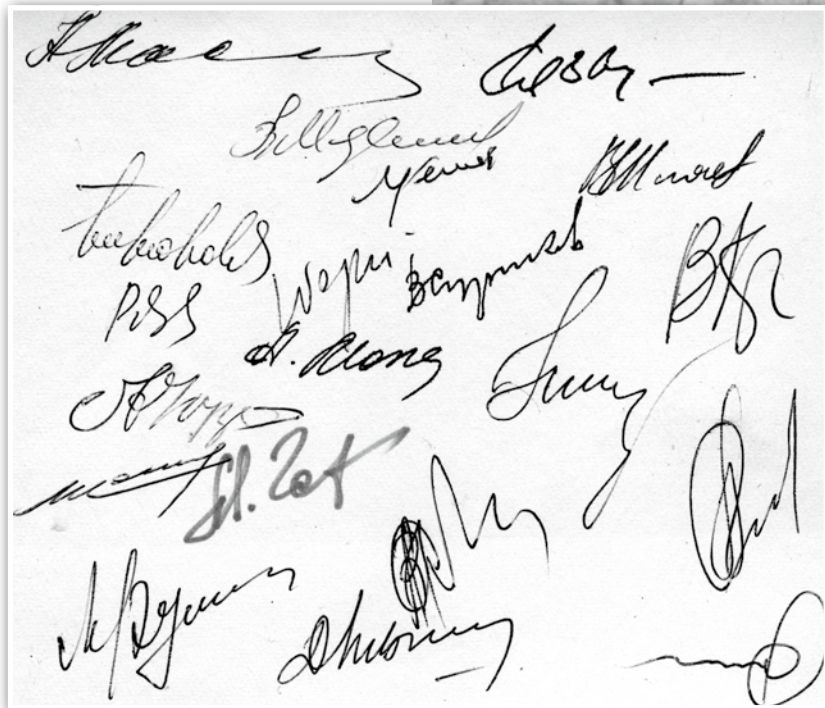
лодь. А наутро мы все-таки обнаружили предназначенные нам продукты. Валерий Шляев обратил внимание на тряпочки, висящие на кустарнике. Рядом стояла бочка, перевернутая вверх дном. Валерий перевернул бочку. А там — наши продукты! Поголодать нам не пришлось.

Далее прошли вдоль Приполярного Интеграла, двойного изгиба линии Главного Уральского водораздела, расположенного в верховьях р. Кожим. Обследовали район географической границы между Полярным и Приполярным Уралом. Сплавились на плотках по рекам Халмерью и Хулга. А из поселка Саранпауль — домой на самолете.

Гора обретает прописку

Вернувшись домой, составили отчет с результатами экспедиции. Рассказ о путешествии состоялся в редакции журнала. Собрались все участники похода и сотрудники редакции. Официальный отчет. Воспоминания. Вопросы и пояснения. Общая фотография. Респеси — на память.

Начался длительный период оформления и утверждения названия горе. Подготовили «Материалы к вопросу о присвоении названия пик «Уральский следопыт» безымянной вершине на Приполярном Урале», с описаниями места расположения, собственно вершины, первоисхождения, возможных путей восхождения и фотографий. Обратились в Совет Министров Коми АССР с просьбой о разрешении присвоить название «Уральский следопыт»

горе. И получили такое разрешение, которое также поддержал и Коми филиал Всесоюзного Географического общества.

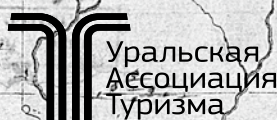
Осталась последняя инстанция — постоянная межведомственная комиссия по географическим названиям при Совете Министров СССР. В Москву дважды с ходатайством ездил сам С. Ф. Мешавкин. Из второй поездки он приехал сияющим: название «Уральский следопыт» постановлением Совета Министров СССР официально утверждено горе, расположенной на Приполярном Урале. Станислав Федорович, усмехаясь, сообщил, что свою роль сыграли и камменные уральские сувениры.

Итак, гора «Уральский следопыт» получила официальную прописку на географических картах.

История России. Река Чусовая (Фотоэкспедиция)

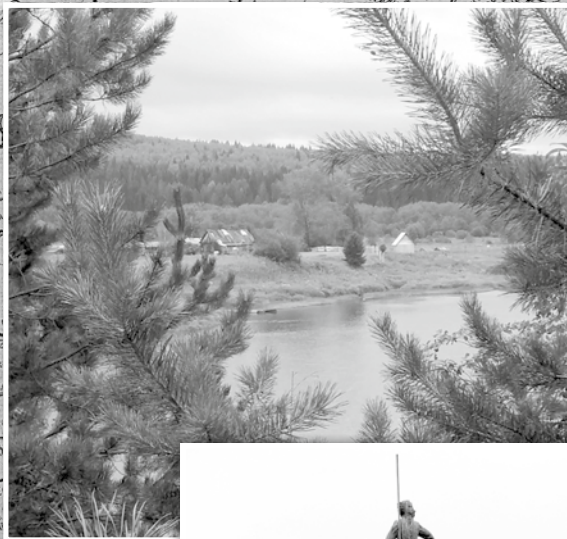
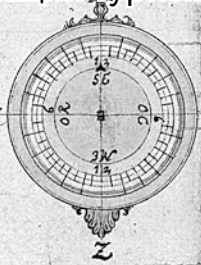
▼ Деревня Ёква.
Фото Александры Хлопотовой

Проект Виталия Воловича
Координатор проекта Юний Горбунов
При поддержке дирекции Природного
парка «Река Чусовая»
и Уральской ассоциации туризма

Уральская
Ассоциация
Туризма

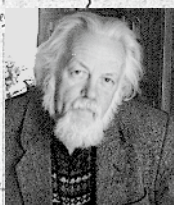
СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

► Деревня Харенки.
Фото Михаила Шершнева

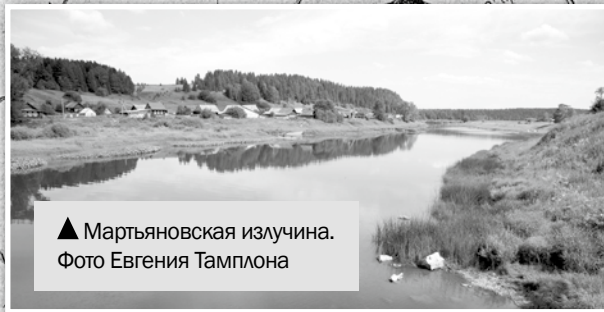
▼ С.М. Прокудин-Горский. 1912 г.
Заречная часть д. Межевая Утка

Юний Горбунов

▲ Село Сулем. Фото Евгения Тамплона

▲ Мартьяновская излучина.
Фото Евгения Тамплона

Волонтеры Лесогора

Работа Природного парка «Река Чусовая»

Фото Александры Хлопотовой
и Михаила Шершнева

А Чусовая текла виновато и неслышно, минуя лесогоры каменные забавы: Еловый, Бычок, Ленеvский, Весельчак. Вот и чистая горная речка Нотиха о чем-то недовольно заговорила с ней, а насупленный Весельчак и притаившийся Нотихинский камень заставили сделать никчемную петлю и повернуть влево, на запад от Уральских гор, дав здесь полный простор ее безвольному течению. Не виден Огнедел, не слышен Лесогор. Ни камней, ни речек после Мартьянихи. Что делать ей теперь, ничьей и безымянной?

Ходили сырые рваные тучи над одинокой женщиной-рекой. Ей они являли продолжение лесогорова гнева. Огнедел только ухмылялся нежданной своей победе. А для Лесогора это были тучи тяжелого позднего раскаяния.

Они рассеялись на подходе к Мартьяновской дуге. Здесь озарило Лесогора. Понял он, что, только смирившись и уступив капризу женщины-реки, он сможет вернуть ее в свое лоно. Даже если ради этого придется ему потворствовать деяниям Огнедела, своевольно покусившегося на любовь реки.

Решение выпало тяжелое. Не в природе Лесогора было уступать, но и потерять свою любимицу он не мог. И вот покаянные тучи рассеялись и очистили небо. Река заиграла мириадами солнечных бликов и, воспрянув, у камня Палатка сделала большую жизнерадостную дугу. Как мало нужно женщине-реке для безоглядного счастья! И как много!

И засуетились на ее берегах огнеделовы посланцы, став волонтера-

◀ Виталий Волович.
Форзац книги Р. Стивенсона
«Вересковый мед». 1979 год

Можем ли мы представить себе, в каком смятленном состоянии пребывал Лесогор после своей неистойвой выходки? Что творилось в его необъятном любящем сердце? Наверно, можем. Ведь у него, олицетворяющего Божий мир, в его плоти и душе все было, как у человека, его несчастного, нечаянного творения.

Для Лесогора наступило время безнадежности и покаяния. Зачем он так жестоко и безоглядно оттолкнул свою любимицу? Минутным своевольем отдал ее Огнеделу в служанки и наложницы?

не слуги Огнедела, а его собственные лесогоры подданные. Еще не встречаясь взглядами и не подавая друг другу руки, Лесогор и Огнедел, как могли и умели, ублажали женщину-реку, предупреждая каждый ее каприз.

Огнедел стерегся и не сорил на ее берегах заводами и рудниками. Обитатели деревень и сел трудились на пристанях, строительстве и сплаве барок, распахивали землю, разводили скот, жили хуторами и колхозами, рубили и сплавляли лес, золотишком, медом, охотой и рыболовством промышляли, рукодельями и ремеслами разными. Какой только невидали не появи-

ми Лесогора. Пример подали два поселенца, сплавив срубы своих домов от устья речки Мартьянихи к большой, как солнце, чувсовской дуге. И пошли-порассыпались селения по берегу реки. Нотиха, поселок сплавищников и рудокопов. Привольная деревня Мартьянова с двумя ее пристанями. В самой чувсовской дуге хутор Мураши угнездилися, Крутой — на ручье с таким же названием. Деревня Волегова с плотиной на одноименной речке, поначалу заселенная строгановскими крепостными.

Весело бежалось теперь реке среди лесогорных скал-красавцев Пере-

лось на чувсовских берегах! Мартьянова красовалась двумя пристанями и неиссякаемым, как родник, библиотечно-клубным центром; в Сулеме Павел Гилев целый музей по берегу рассял; а усть-уткинский умелец Тимофей Кожевников расставил по берегу галерею расписанных своими мудростями камней.

Наконец территория счастливого бега Чусовой в нежданном-негаданном и пока очень хрупком единении лесогорных и огнеделовых даров обрела статус Природного парка «Река Чусовая». В селе Чусовом затеялся ежегодный турист-

волочного, Омутного (Печки), Пещерного, Высокого, Оленьего и огнеделовых хуторов. И как было не радоваться Чусовой ревнивым услугам ее обожателей? Вот уже и большое село Илим с пристанью, плотбищем и красивой Свято-Троицкой церковью на ее берегу. А за Журавлиным горлом — деревня Сулем на месте стоянки людей аж бронзового века. И опять хутора, опять села и деревушки Романова, Межевая Утка об руку с деревней Баронской. Дальше Харенки, Кашка, Еква...

Человек обильно и доброжелательно населил берега Чусовой. И счастлив был Лесогор, словно бы это были

◀ Акция «Посади дерево — вырастет лес». Самые маленькие участники — воспитанники социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних — «Улыбка», 2011 г., д. Усть-Утка. Фото Н. А. Воробьева

ский фестиваль, а школьный музей превратился в богато оснащенный экспонатами класс воспитания в интересах как Лесогора, так и Огнедела. Здесь, например, регулярно проводят уроки орнитологи. Волонтеры Лесогора обиходили стаянками туристские тропы — водные и пешеходные. Они протянулись к десяткам природных, исторических, духовных и культурных объектов, украсивших берега Чусовой. На этих маршрутах утихоми-

рилась неприязнь природы и человека. Высытятся лесогоры «бойцы», в свое время увлекшие в речную пучину десятки барок с металлом и людьми. Стоят памятники огнеделовым заводовладельцам, превращавшим речную пойму в безжизненную плоть. Открыли двери музеи, где в экспонатах соседствуют орудия жизни и смерти, добра и зла. Смотрят со стен портреты царей, развязывавших войны, и тружеников, противостоявших лиху вой-

ны... Тропы ко всем одинаково обихожены и пригласительны. Потому что история у всех у нас только одна.

Любовь женщины-реки побудила Лесогора и Огнедела оставить веками разбитую тропу противостояния и неприязни, а начать обихаживать другую. Она тоже не будет прогулочной, эта тропа. Ведь за стихиями, что покоят реку в своих ладонях, стоят живая незащищенная природа и живые, тоже ранимые, люди.

Поживем — увидим.

Деревня Мартьянова

Иллюстрации из фондов школьного музея с. Чусового и сельской библиотеки д. Мартьяновой.

На дорожном указателе значится «д. Мартьяново». Здесь орфографическая ошибка, которую повторяют даже некоторые солидные издания. Деревня должна называться «Мартьянова» (как во всех старых указателях и справочниках), а если «Мартьяново» — значит, село.

В этой «опечатке», однако же, чувствуется желание восстановить историческую справедливость.

Старинное уральское поселение изначально и по сей день своими жизнотворными «мускулами» стремится поднять свой административный ста-

▲ Деревня Мартьянова. Фото Михаила Шершнева

тус. Достаточно, по-моему, взглянуть на фотографию С.М.Прокудина-Горского 1912 года.

В Путеводителях по Чусовой можно встретить сомнительную дату возникновения деревни — 1617 год. И в то же время краеведы сходятся на том, что основана она беглым крестьянином-раскольником. Но откуда взялся раскол в 1617 году? Называют и более вероятное время — конец XVII века.

◀ С.М. Прокудин-Горский. Крестьянская изба в деревне Мартяновой. 1912 год

ми знаками на срезе кедра, затем расшифрована и перенесена на бумагу в 1873 году «барочником» Пименом Ивановичем Мезениным.

Что может означать год 1703-й? Время составления родословной? Тоже сомнительно — так ли важна эта дата. Да и едва ли при составлении родословной Прокопий звался Мартяновым. Скорее всего, это дата основания деревни.

Итак, выстраивается версия. В 1703 году в устье небольшого чувсовского притока поселился крестьянин старой веры Прокопий Мартянов, бежавший в сибирскую глухомань с Мезени (*Мезень-город и река в Архангельской обл.*). Речку, которая, возможно, носила прежде какое-то мансийское название, стали именовать Мартяновкой (Мартянихой). Здесь же оказался беглый «каторжник», «солдат» Ошурков, возможно, из стрельцов, тоже спасавшийся от гнева молодого царя Петра I. Сколько их бегало по Руси после стрелецкого бунта! Основали здесь беглецы хутор, но почему-то не поглянулось им место. Раскатали они свои избы и сплавили их ниже по Чусовой к речной дуге — туда, где стоит теперь деревня Мартянова — ровесница, значит, Санкт-Петербурга.

Есть предположение, что беглый раскольник Мезенин был сыном самого протоппопа Аввакума. Версию, озвученную чувским старожилом И.И. Сарафановым (1984), пытался подтвердить архивами первоуральский краевед В.А. Трусов в работе «Потомки протоппопа Аввакума на Урале». А, по словам краеведа М.В. Мезениной, предположение не отрицал и писатель Ю. Нагибин, автор повести «Огненный протоппоп».

Но куда же, спрашивается, подевалась фамилия первожителя — Мартянов? Возможно, при переписи старообрядцев по указу царя и обложении их двойной податью (1716) Прокопий выбрал себе фамилию по месту своей малой родины — Мезенин. У раскольников это было в ходу. А свою родовую подарил реке и деревне. Друган его Ошурков оказался мужиком сметливым и добычливым (а таким Петр умел давать поблажки) и получил изволение торговать лесом «без-

Вот передо мной мемуарный документ, писанный в середине 1990-х годов уроженцем деревни Юрием Степановичем Мезениным.

«В моих руках была бумага темно-желтого цвета размером 50x50 см (родословная Мезениных). Найдена эта бумага моим двоюродным братом Фокой Анфимовичем Мезениным в доме купца Пимена в 1917 году (где сейчас (т.е. в середине 1990-х. — Ю.Г.) живет Илья Яковлевич). Потом эту бумагу передали в Шайтанку (ныне с. Чусовое. — Ю.Г.), где учились Варфоломей Зиновьевич и Мария Викторовна. В центре бумаги круг, где написано: Прокопий Мартянов. 1703 год. У Прокопия было три сына; от сыновей опять сыновья. И так 14 колен. В 7-м колене был Сидор Осипович. Дальше шли сидорята — так звали Мезениных от Сидора».

Эта родословная изначально, как свидетельствует чувской краевед В.З. Мезенин, была вырезана ножом условны-

Жители деревни Мартяновой. В первом ряду в черной рубашке (четвертый слева) Савелий Ефалович Ошурков, служил в царской армии; во втором ряду первый слева — участник трех войн Сергей Дмитриевич Турланов. После Великой Отечественной работал на отхожих промыслах, по найму. Фото в 2003 г. передала в музей Чусовской школы ученица Екатерина Турланова

данно и беспопытно». Так началась купеческая династия Ошурковых.

Впрочем, это только версия. Мартыановское прошлое не очень-то «разговорчиво». Говорят, невдали от деревни на Кушмановой горе бытовал когда-то скит. Жили три немногословных монаха. И вот диалог:

Первый:

— Да, не плохо бы сейчас...

Второй:

— Я бы тоже не отказался...

Третий:

— Ну, так я побежал в Мартыанову...

Возвращаемся, однако, к мемуарам Ю.С. Мезенина.

«Левый берег [деревни] обосновали Ошурковы, правый берег — Мезенины. Семьи разрастались... Распахивали поля, сеяли хлеб, строили барки, занимались лесосплавом. Братья Ошурковы в Екатеринбурге построили два двухэтажных дома по ул. Чапаева №№ 3 и 5. Сейчас эти дома называются «Усадьба Ошурковых» (Евдоким (ок. 1827–1900), Павел (ок. 1830–1898) и Михаил (ок. 1845–1905) Михайловичи Ошурковы на ул. Архиперейской (ныне Чапаева) в Екатеринбурге построили три дома: №№ 3, 8, 10. — Ю.Г.). Братья Ошурковы, куп-

цы 2-й гильдии, владели салотопенным, стеариновым, коженным, криолитовым, бело-фосфорным заводами, платиновым прииском.

По Чусовой сплавляли свою продукцию все уральские купцы и заводчики. С Алтая, Тагила, Омска везли по снегу к Чусовой и здесь загружали барки своей продукцией. Чтобы поднять уровень воды в реке, купцы покупали воду в Ревде; там открывали шлюзы и выпускали воду; на два верхка выпускают из пруда, в Чусовой поднимется уровень на два метра. Ошурковский караван плыл третьим. Выплывая из-за Верхнего Мыса (это, видимо, близ камня Худой, где и была Плеваковская казенная пристань. — Ю.Г.), делали выстрел из пушки, чтобы знали, что плывет Ошурков.

Где сейчас живет Николай Савельевич, он (Ошурков. — Ю.Г.) выходил на берег и шел к могиле своих родителей. Бедные старушки, ребягтя его сопровождали до могилы — кому рубль, кому рубль, кому рубаха даст, а караван плывет вниз. Помолвившись, он садится на лошадь и едет к Переволоке. Там он на лодке переплывает на Куршаково (или Нижний Мыс. Под таким названием этот хутор на левом берегу Чусовой прямо напротив камня Баба Яга фигурирует в «Списке населенных пунктов Уральской области» Б. Дидковско-

5-километровая Мартыановская излучина богата природными и историческими памятниками. В обнажениях камня Палатка можно встретить окаменелости древних обитателей; чистой водой угостит бурная речка Каменка; камень Еленкин расскажет легенду о девушке-пастушке и напомнит о бытовавшем в излучине хуторе Мураши; камень Большой Владычный (на снимке), что по-хозяйски повернул реку вправо, тоже являет собой памятник природы; а в конце излучины встретит коварный прежде камень Баба Яга и проводит до Переволочного. Обо всем этом сообщит водный 40-километровый туристский маршрут от деревни Мартыановой до села Сулем

▲ Уголок библиотеки. Фото автора

▼ Актный зал и хозяйка библиотеки В.Н. Ошуркова. Фото автора

В первой половине XX века в деревне насчитывалось до 300 дворов и более 1200 жителей. Большинству работу давал колхоз им. Сталина. Дети учились в своей школе, больных лечил свой медпункт. Делали свое дело клуб, почта, магазин

▲ Переправа трактора через Чусовую

◀ Сенокос, уборка клевера. 1951 г.

зо (Свк, 1928) – Ю.Г.), где уже за столом сидят мужики. Стоит два самовара, и каждому (20 человек) налито по стакану вина. С каждым лично чокается, жмет руку. Подплывает караван. Сопровождает его мой прадед Мезенин Николай Моисеевич. Ошурков садится в лодку и плывет дальше. В лодке-казенке 6 гребцов в форме. Лодманом был в то время Савва Николаевич. Он показывал, где нужно плыть до Сулема. В Перми продукцию, грузы продавали, заключали договора на следующий год.

В деревне дом Ошурковых был на месте, где сейчас живет Василий Волегов. Напротив был разведен Ошурковский сад.

Мой прадед Мезенин Николай Моисеевич у Ошурковых заработал капитал и в деревне построил для своих сыновей Василия и Михаила два красивых двухэтажных дома с балконами (красные дома). В обоих домах на первом этаже были магазины. В революцию дядю Васю расстреляли, а дядю Мишу пожалели (любил выпить). В моей квартире в Екатеринбурге висит на стене отличный портрет Николая Моисеевича, фото 1896 года. Когда я бываю на кладбище в д. Мартьяновой, то я всегда посещаю могилы Николая Моисеевича Мезенина и Ошуркова Михаила Яковлевича — это мои общие предки».

Судьбоносное для деревни событие случилось в 1909 году. Наследники капитала русского издателя-просветителя Ф.Ф. Павленкова в начале XX века открывали по его завещанию в сельских местностях России бесплатные народные библиотеки. Открывали там, где местные земские власти готовы были предоставить помещение, найти библиотекаря и в дальнейшем пополнять книжный фонд читальни. Так

вот на предложение наследников в здешней округе отозвались три населенных пункта: села Чусовое, Платоново и деревня Мартьянова. Так 17 ноября 1909 года здесь открылась первая бесплатная библиотека-читальня.

В советское время она пребывала на ул. Береговой, на первом этаже правления колхоза. Несколько десятилетий была ее библиотекарем Тамара Васильевна Турланова. Деревня переживала разные невзгоды: теряла работу, жителей, становилась труднодоступным дачным местечком. Не стало школы, фельдшерско-акушерского пункта... Но все это время деревню держала на культурном плаву павленковская библиотека. Сейчас она бытует в клубе, построенном на месте бывшего Ошурковского сада. С 2001 года домовничает в ней библиотекарь-энтузиаст Валентина Николаевна Ошуркова. Долгой зимой здесь в обществе книг и хозяйки коротают вечера немногие оставшиеся старожилы. Трудно, но пополняется фонд книгами и подписными изданиями, собираются материалы по истории деревни. Здесь устраивают тематические выставки, отмечают календарные праздники, встречаются с концертами гостей-соседей, организуют ежегодные встречи потомков основателей деревни. За очень скромное вознаграждение супруги Валентина и Владимир Ошурковы ремонтируют ветхое помещение клуба, протапливают, белят, красят, обихаживают и украшают к праздникам. Словом, павленковская библиотека уже больше столетия остается в деревне единственным культурным центром.

В 2014-м пришел на мартьяновскую «улицу» праздник. Силами жителей деревни и потомков ее основателей на месте бывшей когда-то часовни была сооружена и освящена новая — во имя трех святых: Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста, разработавших догмат о Троице. 12 февраля в деревне отмечается престольный праздник этих отцов церкви. Два раза в месяц здесь проводит службы священник села Староуткинска о. Виктор (Вильчинский).

Деревня сделала шаг к возрождению и, может быть, повышению своего административного статуса. **УС**

Автор благодарит за предоставленные материалы Галину Петровну Баглаеву, Валентину Николаевну Ошуркову и Егора Егоровича Ошуркова.

◀ Пешеходный навесной мост и новая часовня

Аранецкий тракт. Путь Чрезкаменный

(Продолжение. Начало в № 3, 2016 г.)

Полярная звезда Александра Сибирякова

Никакое образование
и никакая инструкция
не заменят способности
мыслить.

А.М. Сибиряков

Ну так вот о Сибирякове. Иркутский купец и промышленник Александр Михайлович Сибиряков (1849–1933) — человек, связавший всю свою жизнь с поиском путей к освоению Севера и Сибири, был представителем седьмого поколения купеческой династии, одного из самых древних, богатых и влиятельных родов Сибири. Один из самых крупных предпринимателей Сибири, унаследовавший от отца золотые прииски и пароходные компании, получивший отличное образование в Швейцарии, в Цюрихе, свой капитал он использовал не только для его приумножения, но и в благотворительных целях. Сибиряков известен как самый крупный русский меценат в области развития культуры и просвещения Сибири, ее изучения и освоения.

Одним из главных проектов Александра Михайловича в области арктических исследований было освоение Северного морского пути — для выхода сибирских товаров на европейские рынки. За участие в финансировании северных экспедиций — шведского полярного исследователя Н. Норденшельда (1876–1879 гг.), шотландца У. Уиггинса (1875–1876 гг.), немецких естествоиспытателей О. Финша и А. Брема (1876 г.), француза Ш. Рубо (1890 г.) — он был награжден французской «Пальмовой ветвью», избран почетным членом Шведского общества антропологии и географии. Норденшельд назвал именем Сибирякова остров в устье Енисея. А Сибиряков именем Норденшельда, с которым до конца жизни последнего вел активную переписку, назвал свой морской пароход, на котором в 1882–1884 гг. пытался пройти Северный морской путь к устью Енисею. Увы, неудачно — про-

► А.М. Сибиряков — парадный портрет с Полярной звездой

биться на восток не позволили огромные скопления льдов. С 1884 до 1897 г. «Норденшельд» курсировал между устьем Печоры, Архангельском и Норвегией, перевоза на запад сибирские и печорские товары и сыграв огромную роль в развитии торговли в Печорском крае.

А Сибиряков, потерпев неудачу с морским путем и «разуверившись в возможности плавания через Карское море к Сибири», сразу разворачивается в сторону путей сухопутных. Его главным проектом в Печорском крае стало обустройство дороги из Сибири в Европу через Урал. В 1882 году Сибиряков за свой счет заказал инженеру Гетте проект строительства дороги через Урал, с огромным трудом выхлопотав разрешение на то российского правительства. Однако реализация проекта застопорилась — главным образом «из-за нечестности и сложностей, которые чинил Петербург».

Сибиряковский тракт — «Дорога жизни»

Сибиряковский путь составляет главный оплот к развитию экономических сил всей Сибири и даст последней возможность выйти из той замкнутости, в которой она находилась целые столетия.

И. С. Левитов, 1887

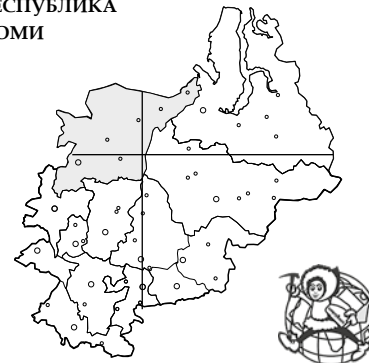
Первоначально А.М. планировал обустроить дорогу из Аранца. Он даже успел построить там перевалочную базу — склады для хранения товаров, перевозимых отсюда как в Европу — к Печоре и далее морем, так и обратно — европейских товаров в Сибирь. Зимой 1884–1885 гг. Сибиряков привозит в Аранец из Сибири 38 тысяч пудов ржаной муки и до 10 тысяч пудов других товаров — крупы, кедровых орехов, мыла, кожи, овчин, льна, сала... Из Аранца

Елена Шубницина

Кандидат технических наук. Более 10 лет работает в Национальном парке «Югыд ва» заместителем директора по науке. Область исследований — историческая география уральского Севера. «Вторая профессия» — фотография. Родилась и выросла в Екатеринбурге. Живет в Сыктывкаре.

РЕСПУБЛИКА
КОМИ

Уральский следопыт, май 2016

жемскому распоряжение отправлять товары вместо Аранца на Шугор. Когда Сибиряков, вернувшись в январе 1886 г. из Иркутска, видит это распоряжение невыполненным, он отстраняет приказчика от должности и занимается строительством сам: вернувшись в Аранец, приказывает разобрать оба выстроенные там склада, и со вскрытием Печоры переправить материалы в устье Шугора, чтобы построить там перевалочную базу — амбары для товаров, жилые дома. Одновременно строятся легкие суда для плавания по мелководному Шугору.

Вот этот-то Шугорский путь, идущий по древнему «зырянскому пути», и стал «главным» Сибиряковским трактом через Уральский хребет. Разрешение на постройку «Ляпин-Печорской дороги — северной, шириною до 3-х са-

жен, типа неопределенного, протяжение пути — 170 верст, конечные пункты — юрты Ляпинские на р. Ляпин и село Шугор на р. Печоре» было получено 13 июня 1886 года.

Тракт представлял собой шестиметровую просеку протяженностью около 180 километров: через горы, тайгу и болота, на лошадях и оленях — от деревни Щекурьи на реке Ляпине (притоке Оби), куда грузы поднимали парходами по Оби, Северной Сосьве и Ляпину.

От Щекурьи путь через Урал шел по рекам Турупье (Ляпину) и Сертынье до истоков, через главный водораздел Уральского хребта по перевалу Крест, затем спускался по реке Волоковке (Наксорье) до Шугора, где была устроена пристань с амбарами (сохранилось название «Скала «Пристань»»).

По Шугору товары сплавлялись до устья, затем по Печоре до Пустозерска на пароходе «Обь», откуда их отправляли морем, перегрузив на морской пароход «Норденшельд», идущий напрямик в Европу — Северную Норвегию, Данию. Сибирские товары вывозились и в Печорский край, Мезенский уезд, на Мурманский берег.

По воспоминаниям старожилов, число упряжей в торговых караванах, чуть не ежедневно проходивших по тракту, исчислялось сотнями — ведь это была единственная связь с Сибирью. В 1885–1886 годах по Сибиряковскому тракту была прочищена 6-метровая просека, построены станции-зимовки, закуплено 1000 оленей для протаптывания дороги от снега. В Ляпине также была построена пристань — на высоком правом бере-

▲ Правобережье р. Щугор: по этим болотам проходил Ляпин-Печорский (Сибиряковский) тракт

гу берегу реки. В 1897 г. в Сибиряковой (Ляпинской) пристани были часовня, контора, дом конторщика, два больших пакгауза, а также несколько казарм для рабочих. От пристани грузы перевозили до села Щекурья, откуда начинался тракт.

Для отдыха ямщиков вдоль тракта на расстоянии дневного перехода были построены зимовья-кушники с конюшнями. Для обслуживания тракта — перевозки грузов, погрузки и разгрузки товара, содержания зимовий — набирали крестьян Щугорской волости, иногда целыми семьями. Две промежуточные станции из 5 были жилые — в них дежурили смотрители из местных. В избах-зимовьях были заготовлены дрова, и даже стояли самовары. «Были обозы по 96, 108 подвод... По всему тракту стояло несколько изб, но жилых было только 2 — ближе к Ляпину». Известно, что были избы на реках Ватле, Манье, Сертыньне, Волоковке (Наксорье); большая изба находилась в верховьях р. Торговой (Хатемалы).

Перевалочная база Сибирякова — на правом берегу Печоры, почти напротив деревни Усть-Щугор — представ-

ляла из себя в конце XIX века несколько огромных складов-амбаров, постоянный двор, жилые дома, конюшни. Здесь складировали товары, привозимые с Печоры пароходами в течение года. Сам Сибиряков приезжал сюда дважды в год — в конце и в начале навигации. Последний двухэтажный склад Сибирякова здесь почти сто лет — до 1980 г., им пользовалось Усть-Войское сельпо.

К 1888 г. тракт был полностью обустроен, и успешно действовал около 10 лет — до 1898 г. В 1884 г. по тракту было перевезено 20 тыс. пудов грузов, а в 1888-м — уже 210 тыс. В зиму 1885/86 года на Печору было вывезено 75 тыс. пудов сибирского хлеба, в следующую — 150 тыс.; цена на хлеб на Печору упала в первый год вдвое, в следующий — втрое...

В 1886 г. Сибиряков начал оборудовать по тракту летний колесный путь, затратив на это огромные деньги; был даже поднят вопрос о постройке через волок узкоколейной железной дороги. Но...

Значение тракта для Припечорья

Для Сибирякова целью обустройства дорог из Сибири на Печору было, конечно, не только и не столько обеспечение печорского населения дешевым хлебом. Его задача

► Группа туристов в маршруте «По Сибиряковскому тракту к Тельпос-изу», 1963 г.

была, можно сказать, стратегической: изменить в пользу Сибири направление российских торговых путей.

Современники высоко оценивали значение тракта: «Сибиряковский путь составляет главный оплот к развитию экономических сил Сибири и дает ей возможность выйти из той замкнутости, в которой она находилась целые столетия»; «в будущем лишь от предприимчивости таких промышленников и купцов, как ...А. Сибиряков, можно ожидать подъема жизни Севера».

Но в целом дорога, на которую возлагалось столько надежд и затрачено столько сил и денег, осталась по сути невостребованной. Для царского правительства задача развития Сибири вовсе не была первоочередной, и тракт оказался не нужен; предприниматели и иностранные дельцы, не считая дорогу удобной, не спешили и с ее финансированием. Угасание тракта связывают также с постройкой железной дороги через Урал через Пермь и Екатеринбург, открывшей возможность вывоза сибирского хлеба в Западную Европу — это привела к его резкому

подорожанию, переправа продуктов по тракту стала невыгодна.

Местным населением дорога использовалась и позднее, причем местные жители пользовались трактом и летом, делая специальные волокуши из оленьих шкур. И в наши дни в Припечорье ещё можно услышать стариков о поездках их отцов и дедов по тракту «в Сибирь» за хлебом: «Через Ляпин ездили остяки-то. Еще купец Сибиряков этот путь проложил. Сначала пешеходная дорога была, а потом и настоящей санной дорогой сделалась. Около устья реки Шугор когда-то стояли большие амбары, чтобы торговать, и сибирский хлеб привозили по этому пути. А остяки оттуда мороженных осетров привозили, полтораметровых осетров...».

В гражданскую войну тракт использовали для «экспедиций» военных отрядов (читай — продотрядов) в Сибирь, в первую очередь для захвата хлебных запасов. Известна история «Ляпинской операции», когда в ноябре 1918 г. красноармейский отряд, пройдя трактом за Урал, захватил село Саранпауль (Ляпино), куда заготовителями было свезено 250 тыс. пудов хлеба из Сибири для населения севера Архангельской губернии. Отряд успел вывезти часть хлеба из Ляпино через Шугор, однако, в январе 1919 г. белые выбили

красных из Ляпино, и остатки красных отступили в Усть-Шугор, потеряв больше половины отряда убитыми и пропавшими без вести. В ходе этих «операций» выжигались леса, уничтожались избышки-зимовья на тракте.

В послевоенные годы, с развитием туризма, по тракту проходил маршрут «К Гнезду ветров» — к горе Тельпосиз. До 1975 года по этому пути оленеводы пригоняли к Печоре стада на зимовку.

Остатки тракта можно видеть и поныне — полузаросшие просеки с участками, мощёными деревянной лежнёвкой.

Что дала Сибиряковская дорога людям края?

Тракт, дав жителям края работу, одновременно сломал немало судеб. Носиллов, столько помогавший Сибирякову, впоследствии сожалел об этом, считая, что оказал этим местным жителям «медвежью услугу»: вернувшись десять лет спустя в эти края, он многих своих прежних друзей-туземцев нашел совершенно изменившимися, разоренными и спившимися, одичальными и негостеприимными. «Я, кажется, оказал плохую услугу этим своим дикарям: новый путь дал, правда, им громадный заработок, так как они стали перевозить на оленях стотысячные грузы, но лишняя копейка избаловала дикарей — они стали пьянствовать и попали в конце концов только из одних рук березовских кулаков в другие» — с горечью напи-

▼ Схема-кроки маршрута «К Гнезду ветров», используемая в те годы вместо карты. 1963 г.

▲ Фрагмент схемы Ялпин-Печорского и Илыч-Сосьвинского волоков из книги Сибирякова

шет он. Разбираясь в причинах такой деградации манси, Носилов находит объяснение: «все испортил ... наплыв новых людей и товаров, жадность купцов к легкой наживе, торговля, водка; новая жизнь не дала деятельности, а только усилила потребности, вызвала страсти, и эти страсти дикаря его губят и отнимают у него последнее, что есть в природе».

Уже знакомый нам М. А. Заплатин тоже оценивал роль проекта

Сибирякова: «Богач Сибиряков дал манси и хантам возможность заработать солидные деньги. Он любил скоростные перевозки. Говорят, никто на севере не перевозил свои товары так быстро, как Сибиряков. Чем быстрее доставлялись грузы с Оби на Печору, тем щедрее платил за такую перевозку хозяин. Платил, разумеется, в основном натурой — товарами, продовольствием и в первую очередь водкой. Да, Сибиряков дал возможность туземцам заработать, но он же снабжал их водкой, опутывал сеть кабальных долгов, добился того, что они стились и обнищали. Сам же на своих перевозках заработал миллионы. Солидные капита-

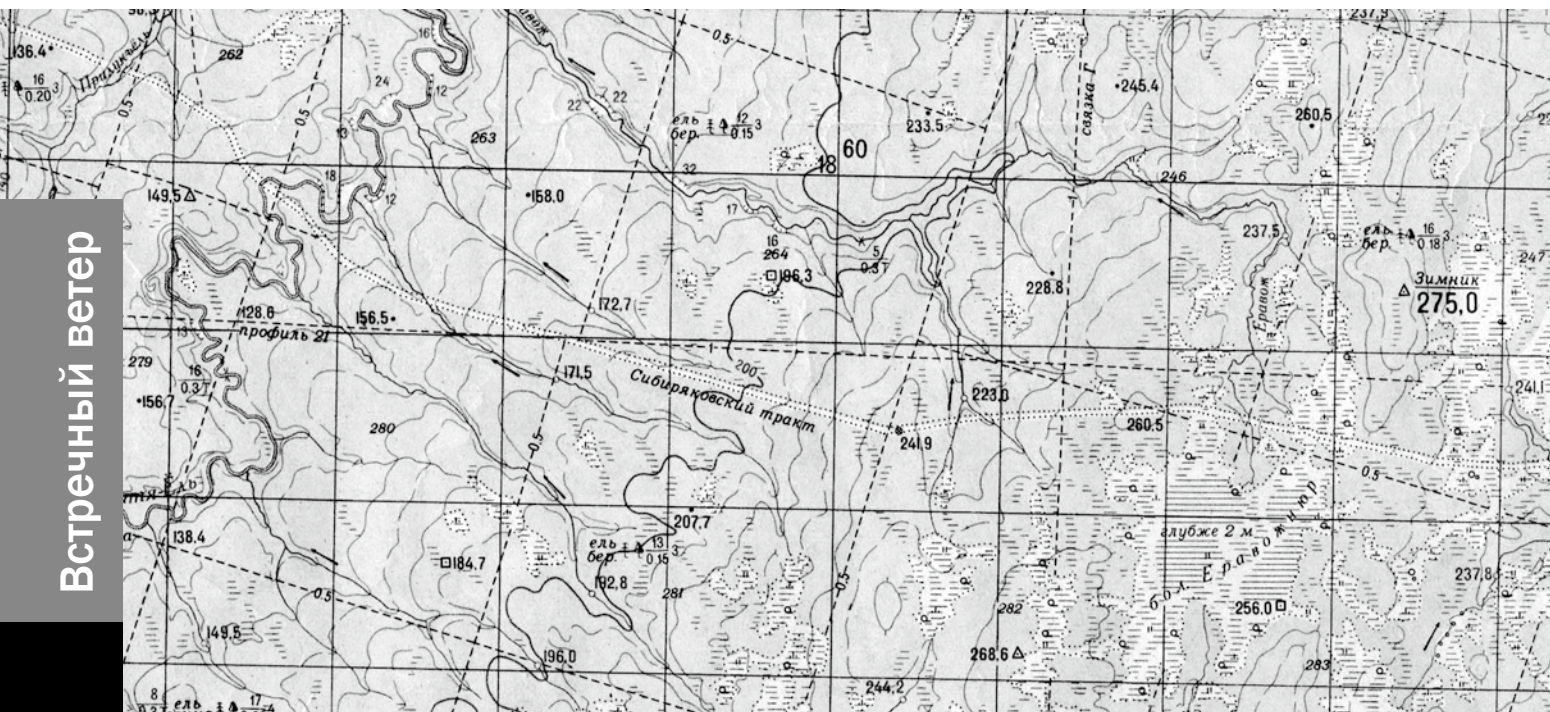
лы заработали и местные березовские кулаки».

Ну, насчет миллионов Михаил Александрович погорячился: самому Сибирякову дорога также не принесла ни радости, ни денег. Воровство приказчиков, да и простых рабочих, считавших «благодетеля» богатым чудачком и чуть ли не сумасшедшим, отсутствие поддержки от правительства и частных лиц привели его к разорению. Из сотни местных жителей-зырян, нанятых Сибиряковым в 1886 г. для устройства летнего пути по волоку, всех пришлось уволить по окончании первого же месяца — «народ этот оказался очень ленивым, так что в продолжение месяца они работали всего 15 дней». «Разорили Сибирякова служащие. Наживали они от него порядком, но и им Бог не дал счастья. Спились, несчастные!».

Разорившийся Сибиряков вынужден был забросить свой проект: в 1900 г. фактории-пристани по тракту перешли «за долги» к тобольскому купцу-миллионщику Сыромятникову.

Сибиряков как человек

Говоря об Александре Михайловиче Сибирякове, нельзя не обойти вниманием его личность. На Печоре его называли «кормильцем» и «благодетелем»: «Простой души был человек, задумчивый, сильно богомольный. Много он жертвовал на церковь по всей Печоре. Когда не стало благодетеля А. М. Сибирякова, чердынские купцы опять подняли цену на хлеб, и радуются, что Сибиряков обанкротился».

Встречный ветер

► Схема маршрутов всех трех «Сибиряковских трактов»

Все лично знавшие Сибирякова отмечали его необыкновенную скромность и непритязательность. Знавший его лично Альфред Кейзерлинг в своих воспоминаниях пишет: «Сибиряков во всех отношениях был большим оригиналом; все время путешествуя, он даже постоянно места жительства не имел. Путешествовал он почти без багажа, в сопровождении одного-единственного слуги; одевался как богатый сибирский крестьянин, так что человек, не знакомый с ним, не смог бы отличить его от иных попутчиков. Он был совершенно непритязателен и по мере возможности избегал общения с чиновниками. Разезжал он всегда инкогнито; если на пароходе его узнавали, он сходил на ближайшей пристани и дожидаясь следующего парохода, а не то продолжал путь, наняв небольшую лодку. Людей, которые его интересовали или которых он полагал радателями о Сибири, Сибиряков навещал сам и тогда пылко и увлекательно говорил о своих планах».

Сибиряков трудился не только на благо своей родины: он помогал многим отдельным людям, которых считал достойными поддержки. Придя к выводу, что вкладывать деньги наибольший смысл имеет в образование, он тратил огромные средства на создание и поддержку университетов Сибири, а также на обучение молодых сибиря-

Шекуринский проход (Ляпин-Аранецкая дорога)

Ляпин-Печорская дорога

Илыч-Сосьвинская дорога

ков за рубежом, именные стипендии — здесь нужны были образованные люди. При этом действовать он предпочитал также инкогнито — многие обучающиеся не знали имени своего благодетеля.

После революции Александр Михайлович покинул Россию. Кейзерлинг писал о встрече с ним — уже глубоким стариком — в 1919 году, на сибирской станции Тайга, во время бегства от красных: никем не признанный, Сибиряков открылся Кейзерлингу, а потом исчез, как он это умел.

Умер Сибиряков в 1933 году, в Ницце, в нищете и забвении. За год до этого советский ледокол «Сибиряков» (капитан В. И. Воронина, начальник экспедиции О. Ю. Шмидт) впервые прошел Северный морской путь за одну навигацию, воплотив мечту человека, имя которого носил. Увы, в России Александра Михайловича к тому времени давно считали умершим, и можно только догадываться о его вероятной судьбе, останься он на Родине.

Напоследок — и еще об одном Сибиряковском тракте

Существовал и еще один тракт, самый южный, также носящий название Сибиряковского — Илыч-Сосьвинский. Этот путь проходил

по Северному Уралу, по маршруту еще одного древнего прохода через Урал, упоминаемого Гофмом как Капкартский — «по десятиверстному волоку от истоков Егря-Ляги, притока Илыча, к истокам Таит-Мань-Я, истока северной Сосвы».

Он планировался к постройке в конце 1880-х, 7 апреля 1889 года было «высочайше разрешено строить южную Илыч-Сосьвинскую, протяжением 120 верст, от юрт Няксим-вольских на р. Сосве до устья р. Лаги (Ляги), впадающей в приток Печоры Илыч — шириною до 6 саж., проезжую, надо полагать, грунтовую, с правом пользоваться бесплатно срубленным при проведении дороги лесом». Дорога эта планировалась, как и Ляпин-Печорская, только для зимнего сообщения; по ней перевозили товары от села Няксимволь на восточном склоне по тайге через верховья Маньи и Егры-Ляги на Илыч, и затем в верховья Печоры.

Сегодня Илыч-Сосьвинская дорога сохранилась на восточном склоне в виде просеки от с. Няксимволь Березовского района, а на западном склоне — в северной части Печоро-Илычского заповедника — она поддерживается как противопожарная трасса. Часть этой дороги используется в маршруте к останцам Мань-пупу-нер. **VI**

▲ Женщины-фронту. На обувной фабрике

Май 2016

Аэлита

50 **Законы Вселенной**

КОНСТАНТИН ЧИХУНОВ
Сон мой

50

61 **Координаты чудес**

НАДЕЖДА БАУМАН
Ржаной корж и яблонево семечко 61

78 **Координаты чудес**

ЛЕСЯ ЯРОВОВА
Особенности содержания джанги
в неволе 78

80 **Координаты чудес**

ВИТАЛИЙ ПРИДАТКО
Маленький герой 80

73 **Координаты чудес**

ИВАН И ОКСАНА АРХИПОВЫ
Блюдечко 73

79 **Координаты чудес**

МАКСИМ ТИХОМИРОВ
Шельф 79

81 **Повод для улыбки**

ПАВЕЛ ПОДЗОРОВ
Второе пришествие 81

Сон мой

Константин Чихунов

Родился 6 сентября 1973 г. в г. Клинцы Брянской области. В 1991 г. окончил среднюю школу. В 1999-м — лечебный факультет Смоленской медицинской академии. В настоящий момент проживает в г. Гагарине Смоленской области. Писать начал несколько лет назад. Публиковался в журналах «Техника молодежи», «Магия ПК», «Фантаскоп».

Огромная волна, кипя и пенясь, перекатилась через борт, и крики ещё одного несчастного, смытого с палубы, затихли в бушующем море. Роберт машинально проверил узел верёвки, соединяющей его с кораблём; крепление казалось надёжным.

Шторм швырял шхуну с безумной яростью, временами судно давало такой крен, что едва не ложилось на борт. Мачты, обломленные рваными клочьями парусов, отчаянно скрипели, тяжёлые капли холодного ливня, падающие с чёрного неба, хлестко били по дождевикам матросов.

— Тысяча чертей! — орал громовым голосом боцман, пытаясь перекричать вой ветра. — Руби мачты, твою бизань!

Матросы схватились за топоры, с жалобным треском упала фок-мачта. Очередная яростная волна в щепу разнесла часть фальшборта, сбив с ног нескольких членов команды.

— Трави конец, твою бизань! — ревел боцман.

Роберт бросился к веренице матросов, вцепившихся в канат, и пристроился за крайним. Команда пыталась удержать нижний рей, который разболтался на мачте, и, вертясь, как сумасшедший, крушил палубные надстройки и калечил людей.

И только капитан выглядел как всегда невозмутимо, он велел привязать себя к рулевому колесу и уверенно смотрел вдаль. Во рту у него торчала давно погасшая трубка, руки мёртвой хваткой вцепились в штурвал.

Подрубленная матросами, за борт свалилась грот-мачта, увлекая за собой обрывки такелажа. Гигантская волна подняла судно на свой гребень, и на короткое мгновение Роберт увидел величественную и пугающую картину штормового моря. А затем началось падение.

Долго, бесконечно долго неуправляемая шхуна летела в бездну, пока тяжёлый удар об воду не оставил её полёт. Роберта бросило на палубу и потащило волной к правому борту, только страховочный канат спас его от неминуемого падения в море.

— Рифы! — закричал вахтенный. — Нас несёт прямо на них!

Шлюпки уже давно смыло с палубы, а сам корабль превратился в беспомощную игрушку ветра. Видя всю обречённость своего положения, матросы бросали работу и впадали в панику.

— По местам, твою бизань! — заорал боцман, нанося сокрушительный удар в челюсть одному из вышедших из повиновения матросов. — Утоплю ко всем чертям!

Но его уже мало кто слушал, команда металась по палубе в поисках предметов, способных помочь продержаться на воде.

Удар о скалы был страшен, шхуна раскололась, как гнилая скорлупа, и сразу затонула. Часть криков, полных ужаса и отчаяния, поглотила пучина, кто-то ещё продолжал держаться на плаву.

Верёвка потянула Роберта вслед за кораблём, он глотнул воды и чудом не захлебнулся. Окостеневшими от холода руками он вытащил из-за пояса нож и принялся резать канат, который увлекал его всё глубже и глубже.

Наконец ему удалось освободиться, Роберт скинул с ног башмаки, снял куртку и из последних сил поплыл вверх. Ледяная вода сковала тело, лёгкие разрывались, требуя вдоха, но он упорно продолжал бороться за жизнь.

После бесконечно долгого подъёма он показался над поверхностью воды. Отплёвываясь и откашливаясь, Роберт пытался сориентироваться, но видел вокруг только чёрные валы. Обломок корабля,

пляшущий по волнам, ударил его по голове, лишая способности к сопротивлению.

Роберт оставался в сознании, но уже не мог шевелиться, медленно, как во сне, его тело погружалось в пучину. Когда муки удушья стали невыносимы, измученные лёгкие извергли из себя горячий воздух и вдохнули взамен его солёную воду. Опустилась тьма.

Роберт снял шлем, сердце бешено колотилось, мужчине понадобилось всего несколько секунд, чтобы окончательно прийти в себя.

— Ух, ты! Вот это да! — восхитился он. — Вот это адреналин, давно так не пробирало!

Нажатие на нужную кнопку выдвинуло из компьютера полочку с овальным кристаллом — носителем информации. Роберт вложил его в коробочку с надписью «Кораблекрушение в Атлантике».

В тот же миг «Шмель» — небольшой домашний робот — бесшумно подлетел к хозяину и, послушно ухватив цепким манипулятором упаковку с кристаллом, двинулся к стене, украшенной красивым цветным панно. Мозаичный рисунок протаял, обнажая нишу с полочками, где ровными рядами выстроились такие же коробки. Помощник по хозяйству поставил свою ношу на свободное место и метнулся в дальний угол, там он и затаился, зависнув под потолком, в ожидании дальнейших приказов своего владельца.

Роберт подошёл к одной из стен, и она, подчиняясь его голосовой команде, стала полностью прозрачной. С высоты восьмисот метров открывалась грандиозная панорама колоссального мегаполиса. Жилые кварталы и производственные комплексы огромными многоярусными пирамидами устремились вверх, теряясь вершинами в облаках. Тысячи движущихся нитей — линии транспортных потоков

аэрокаров и ветки воздушного метро — крепко связали все части города в единую систему сообщения.

Развлечения — это хорошо, но существовал ещё и долг перед обществом, нужно было идти на работу, которая, впрочем, совершенно его не тяготила.

Лифт уносил Роберта всё выше и выше, где на самом верхнем уровне, на высоте двух километров, располагался его завод. Цех по производству двигателей для аэрокаров встречал своего единственного работника и начальника в одном лице безупречной чистотой.

Роберт прошагал между рядов застывших машин и поднялся по лесенке в просторную прозрачную кабину. Устроившись в удобном кресле, он с удовольствием осмотрел своё большое хозяйство — ему нравилась его работа.

По условному жесту вокруг Роберта развернулись голографические экраны управления системой. Пальцы рук привычными движениями забегали по виртуальным клавишам. Цех пришёл в работу, завертелась станки, вытачивая необходимые детали; ожили конвейерные ленты и роботы — транспортников, обеспечивающие бесперебойные поставки комплектующих на разные участки производства; засуетились автоматы — сборщики, соединяющие запчасти в единые механизмы.

Вот первый за сегодня двигатель, сверкая металлом корпуса, занял своё место на испытательном стенде. Машины подключили его к трубкам и проводам, проверяя на работоспособность. Сердце будущего летательного аппарата отправится в соседние цеха, где он получит тело — корпус и нервы — электронную начинку. Затем готовый аэрокар выставят на крыше, где любой желающий сможет взять его себе, свободно и совершенно бесплатно.

Общество наступившего светлого будущего не признавало денег, работало бесплатно и пользовалось благами цивилизации тоже даром. Роберт получал вызов на работу тогда, когда стоянка аэрокаров на крыше завода начинала пустеть.

За интересным занятием день пролетел незаметно. Удовлетворённо осмотрев результаты своего труда, Роберт остановил производство и вышел на крышу. Солнце садилось за высотки, Гладор, многомиллионный город, зажигал огни — целый океан разноцветного света, превращающего ночь в день.

Проходя между рядами изящных летающих машин, мужчина не без гордости осознавал, что имеет прямое отношение к их созданию. Спортивный двухместный аэрокар — быстроходный красавец — мог влюбить в себя кого угодно, не удержался от соблазна и Роберт. Он забрался в кабину и активировал панель управления.

Мощная машина стремительно взмыла над Гладором, сверкающим огнями, когда у Роберта запищал вызов коммуникатора, закреплённого на запястье.

— Привет, дорогой! — это была Лиза, его девушка. — Я соскучилась, но не смогла до тебя дозвониться.

— Я работал, девочка, — ответил Роберт. — Ты ведь знаешь, на работе я всегда отключаю связь.

— Как на счёт провести вечер вместе?

— С радостью! Залечу за тобой через полчаса.

По дороге к Лизе Роберт заскочил в салон, чтобы выбрать себе пару новых фреймов.

Фреймы — основное развлечение общества — являлись не просто виртуальными программами с максимальным эффектом присутствия. Находясь под их воздействием, человек полностью терял

связь с окружающим миром, ощущал себя подлинным персонажем нереальных событий и осознал, что находился под воздействием иллюзии, только после завершения сеанса.

В сытом и благополучном обществе, лишённом психических потрясений, умеренное стрессорное воздействие признавалось полезным, и люди с радостью щекотали себе нервы, целиком погружаясь в вымышленные миры.

Фрейм-салон встречал Роберта приятной музыкой, длинные ряды полок с кристаллами уходили вдаль.

— Как поживаешь, Роберт? — приветствовал его сотрудник салона. — Решил скоротать вечерок?

— Привет, Макс! — ответил посетитель на приветствие. — Есть что-нибудь заслуживающее внимание?

Фреймы в салонах выставлялись для свободного разбора. Ограничения существовали только по возрасту и по состоянию здоровья. Дело в том, что нервная система человека во время сеанса реагировала точно так же, как если бы он столкнулся со сценарием своей иллюзии в реальности. Программа, несущая в себе сильное эмоциональное воздействие, могла принести вред, скажем, больному сердцу.

Впрочем, последнее ограничение являлось больше условным, в Гладоре не существовало неизлечимых болезней.

Но была ещё одна категория фреймов. Их нельзя было снять с полки свободного доступа, такие вещи распространялись среди друзей и знакомых, и обладание ими не афишировалось.

Фреймы, содержащие сцены, по разным причинам противоречащие этике и морали общества, хоть и не являлись предметом уголовного преследо-

вания, всё же не одобрялись основными слоями населения.

Именно такой категорией товара интересовался Роберт у сотрудника салона.

— Только для тебя, как постоянного клиента, — заверил его Макс, вытаскивая из ящика стола коробочку без этикетки.

— Что там? Ужасы, извращения? — заинтересованно спросил Роберт.

— Сам увидишь, — уклонился от ответа Макс.

...Не потерявшее за день своей яркости Солнце находилось уже слишком низко, и широкие поля шляпы не могли защитить от его слепящих лучей. Обрамлённая закатным огнём, недалеко от Роберта стояла девушка удивительной красоты. Волосы цвета белого хлеба ниспадали до плеч, в бездонных зелёных глазах можно было утонуть. Незнакомка держала застывшую руку у бедра, где из расстёгнутой кобуры выглядывала чёрная рукоятка кольца.

Роберт понимал, чем всё может закончиться, и вся его невесёлая жизнь мгновенно промелькнула перед его внутренним взором: детство на ранчо, полное лишений, ранняя смерть родителей, банда. Если разобраться, ничего хорошего у него никогда и не было.

Оружие они выхватили одновременно, но всё же девушка на долю секунды оказалась быстрее. Что-то больно ударило Роберта в грудь, и внезапно ослабевшие ноги отказались держать тело. Он тяжело опустился на колени и рухнул лицом вниз...

— С ума сойти, Лиза, ты меня подстрелила! — шуточно возмутился Роберт, как только пришёл в себя после фрейма.

— Что поделаешь, дорогой, ведь я была шерифом, а ты преступником, — кокетливо ответила девушка.

— Ну, держись, шериф, — Роберт подхватил смеющуюся Лизу на руки и понёс в спальню.

Уже глубокой ночью они валялись в кровати и пили лёгкое вино, принесённое услужливым «Шмелём». Роберт включил визор, где шла новостная сводка.

...Таким образом, Олег Рогин пополнил список необъяснимых пока исчезновений людей, произошедших в Гладоре, — вещал диктор. На объемной картинке возникло лицо молодого человека. — Напоминаем, полгода назад начали бесследно пропадать граждане города, на сегодняшний день количество случаев перевалило за сотню. Служба безопасности мегаполиса пока не предоставила своей версии происходящего, никто из жителей не найден.

— Какой ужас! — прошептала Лиза. — Люди исчезают бесследно! Разве такое возможно в наше время?

— Не бери в голову, детка, — лениво посоветовал Роберт. — Каналы любой ценой пытаются поднять свой рейтинг.

На следующий день Роберт, бесцельно слоняясь по своему жилищу, вспомнил про фрейм, взятый у Макса. В надежде скоротать время он включил аппаратуру, вставил кристалл в гнездо и одел шлем.

...Тихая улочка южного города плавно спускалась к песчаному пляжу, за которым плескалось тёплое и ласковое море. Стайка ребятишек с весёлыми криками промчалась мимо, увлекая за собой прихрамывающую дворовую собачонку.

Роберт прошёл два квартала и присел на лавочку, уютно расположившуюся в тени раскидистого фруктового дерева с золотистыми плодами. Он не устал, но какая-то неясная мысль, с самого утра крутящаяся у порога восприятия, настойчиво лез-

ла к нему в голову. Мужчина пытался ухватить её за эфемерный хвост, но она неуклонно от него ускользала.

Роберту почему-то казалось, что эта мысль таит в себе что-то крайне важное для него, и он мучительно пытался её прочесть. И, в конце концов, ему это удалось. Внезапно он вспомнил Гладор и то, кем он был на самом деле.

Потрясение оказалось настолько сильным, что компьютер, чутко следящий за реакцией нервной системы Роберта, уловил тревожные нотки и экстренно прервал сеанс.

Это было невероятно! Человек, просматривающий фрейм, не мог осознавать себя отдельно от него. Собственно, в этом и заключалась основная особенность программ данного типа. Роберт был изумлён и напуган, то, что случилось с ним, считалось невозможным в принципе. Он едва не выбросил злополучный кристалл в утилизатор, а когда немного успокоился, любопытство взяло верх. Он решил попробовать снова.

На этот раз он действовал осмотрительней и поставил таймер прерывания сеанса на десять минут.

Он снова оказался на знакомой улочке, где с момента его последнего визита ничего не изменилось. От волнения сердце пустилось в сумасшедший галлоп, но на этот раз его нервная система, вероятно, не превысила допустимых параметров возбуждения и сеанс не прервался. Стараясь успокоиться, Роберт побрёл к морю.

И тут он увидел человека, чьё лицо показалось ему знакомым, мужчина вышел из небольшого магазинчика и направлялся в боковой переулок.

— Олег Рогин! — прошептал Роберт, вспоминая репортаж о пропавших людях. — Но ведь этого просто не может быть!

Он бросился было за ним, но был остановлен группой молодых людей.

— Эй, мужик! — проговорил сквозь зубы один из них. — Это наш район, вали отсюда!

Роберт попытался пройти мимо и получил удар в ухо, пришлось драться. Он находился в отличной физической форме, но численный перевес противника оказался слишком значительным. Его сбили с ног и принялись пинать ногами, когда сработал таймер компьютера, выбрасывая мужчину из виртуального мира.

Роберту требовались объяснения происходящего, он взял со стоянки свой новенький спортивный аэрокар и помчался к Максу. Но на месте сотрудника салона в этот раз находилась незнакомая молоденькая девушка. Она поведала гостю, что прежний работник переехал в другой город и не оставил никакой контактной информации.

Ситуация становилась всё более странной.

Дома его ждала Лиза, имевшая доступ к кодовому замку квартиры. Роберт, ища поддержки, поделился с любимой своим открытием.

— Роберт, ты должен немедленно выбросить этот фрейм, — заявила она.

— Пойми, там был Олег Рогин, помнишь, тот пропавший. Разве тебе не интересно, что будет дальше?

— Чувствую, что ничем хорошим для тебя это не закончится, — твердила Лиза своё. — Ты должен дать мне слово, что больше никогда не войдёшь в этот фрейм. Если, конечно, меня любишь.

Пришлось пообещать.

Роберт продержался три дня. Проклятый кристалл тянул к себе, как магнит, мужчина так и не нашёл в себе сил его выбросить. И настал час, когда вопреки здравому смыслу он снова вставил в гнездо фрейм без названия и надел шлем.

На улице южного города всё оказалось на месте: уютные коттеджные домики, тенистые деревья и даже играющие ребятишки. Роберт пошёл к морю и через несколько кварталов приметил печально знакомых молодых людей.

Рядом с ним остановился автомобиль. К своему удивлению, Роберт заметил, что за рулём сидит не кто иной, как Олег Рогин.

— Садись, — велел водитель.

Роберт, не раздумывая, плюхнулся на пассажирское сиденье. Машина тронулась с места, когда она проезжала мимо агрессивно настроенных парней, он не удержался и показал хозяевам района средний палец руки.

— А я тебя знаю, — сообщил он Рогину.

— Да ну? — усмехнулся водитель.

— Тебя разыскивают в Гладоре как без вести пропавшего.

— Надо же, какой умный, — деланно восхитился Рогин. — Готов поспорить, что ещё ты уверен, будто сидишь у себя дома и просматриваешь заглочивший фрейм.

— Ну, разумеется.

— А вот не тут-то было, Гладор — всего лишь иллюзия, да и то, что ты сейчас видишь, только тень реальности.

— Останови машину, — Роберт не придал словам Рогина никакого значения, события фрейма могли не подчиняться ни законам логики, ни здравому смыслу.

— Ты же всё равно не воспринимаешь происходящее всерьёз, — ответил ему водитель. — Потерпи ещё немного, возможно, получишь ответы на свои вопросы.

Минут через десять они подъехали к невысокому забору, за которым в окружении зелени высились однотипные многоэтажные корпуса.

— Выходи, — велел Рогин, и они, пройдя тенистым двором, вошли в одно из зданий.

— Зачем ты меня сюда привёз? — удивился Роберт, когда понял, что они очутились в каком-то лечебном учреждении.

— Хочу познакомить тебя с одним человеком, он может рассказать тебе кое-что интересное.

Они поднялись на второй этаж и, пройдя полутёмным коридором, оказались у дверей с надписью «Заведующий отделением». Рогин решительно шагнул в помещение, не потрудившись даже постучать. Внутри сидел пожилой мужчина в белом халате, завидев гостей, он оторвался от монитора компьютера и снял очки.

— Док, я привёл его, — сообщил Рогин врачу.

Внимательные серые глаза хозяина кабинета оцупали Роберта.

— Позвольте представиться, — начал он, — я Чурин, заведующий психиатрическим отделением районной больницы. Кто вы, мне известно, и я уверен, у вас есть вопросы. Я постараюсь вам помочь, чем смогу, но сначала скажите мне, где вы сейчас находитесь?

— Понятное дело, во фрейме, — не раздумывая, ответил Роберт.

— И вы хотите знать, почему этот фрейм ведёт себя так не похоже на все остальные?

— А вы знаете ответ?

— Мы попробуем найти его вместе, но сначала я хочу рассказать вам одну историю. Не возражаете?

— Слушаю вас внимательно.

— Представьте себе, что однажды появляется сетевая игра, совершенно безобидная, как и тысячи других ей подобных. Она начинает пользоваться популярностью, приобретает поклонников. И вот

уже миллионы людей по всему миру, уютно расположившись в своих креслах, предаются любимому развлечению.

И тут происходит что-то совершенно невероятное, необъяснимое и пугающее. Все, кто в определённый момент находился в сети, превращаются в стадо идиотов, неспособных самостоятельно даже поесть. Их разум словно уснул, и никакие попытки достучаться до него успеха не возымели.

Чтобы справиться с наплывом душевнобольных, пришлось спешно строить новые и расширять старые больницы. Вот какое несчастье постигло наше общество в недалёком прошлом.

— Бред какой-то, — фыркнул Роберт.

— Бред, говорите? Ну-ну. А пойдёмте я вам кое-что покажу.

Они вышли из кабинета и, поднявшись ещё на один этаж, вошли в большую палату, человек на пятьдесят. Больные, коротко стриженные люди с бессмысленными выражениями на лицах, в большинстве своём лежали на кроватях или сидели на них, некоторые пытались ходить, держась за стены.

Чурин прошёл между рядами коек и остановился у одного из больных. Роберт, покрываясь холодным потом, узнал в сидящем на кровати мужчине себя самого. Отсутствующие глаза бессмысленно смотрели в пустоту, на губах застыла кривая туповатая улыбка.

Больной, так похожий на Роберта, издал нечленораздельный звук, слюна побежала по подбородку.

— Это всё неправда, это всё не на самом деле, — как заклинание шептал Роберт.

— Что неправда? — спросил его врач с нажимом. — Вы — смотрящий фрейм, вы — пришед-

ший в госпиталь или вы — пускающий слюни? Вы уверены, что точно знаете, какая из этих личностей настоящая?

— Пойдите! — Роберт пытался собрать воедино разрозненные мысли. — Но я же не могу одновременно разговаривать с вами и сидеть тут же безмозглым кретином?

— Я этого не знаю, — устало вздохнул доктор. — Но мне известно другое, вы больны и ваш спящий разум пытается проснуться. Он отчаянно ищет выход из клетки безумия, и всё, что вы сейчас видите, — результат этой борьбы.

Надежда есть, хоть и небольшая, примерно один из сотни больных приходит в себя и возвращается к нормальной жизни.

Роберт почувствовал дикую усталость, начинала сильно болеть голова.

— Вернёмся в кабинет, — предложил доктор, и крикнул, обращаясь уже к медсестре: — Да поменяйте вы ему памперс, в конце концов!

Но выйти из палаты Роберт не успел. Сознание потускнело, и уже через мгновение он очутился в Гладоре. У компьютера стояла Лиза, именно она и прервала сеанс.

— Роберт, ты же мне обещал, — в глазах девушки стояли слёзы.

— Лиза, зачем ты это сделала? Я почти разобрался в происходящем!

— Разобрался в чём? — вдруг перешла она на крик. — В собственном безумии? Роберт, ты не замечаешь, как превращаешься в сумасшедшего, отдай мне этот чёртов фрейм!

И она требовательно протянула руку.

— Извини, малыш, но я не могу тебе его отдать, — Роберт старался говорить как можно мягче. — Я обязан разобраться.

— Зачем? Разве тебе было плохо здесь, со мной? Я прошу тебя, останься, не уходи, выбрось этот кристалл!

— Прости, не могу.

— Я так и знала, ты болен, но я люблю тебя и не позволю утонуть в бездне безумия.

В дверь позвонили.

— Кто там? — спросил Роберт через селектор.

— Служба безопасности мегаполиса, — пришёл ответ. — Откройте дверь!

— С какой стати, что вам нужно?

— Поступила информация, что в этой квартире происходят действия, угрожающие безопасности Гладора.

— Что за чушь? Убирайтесь, вы не имеете права!

— Роберт, мы должны открыть, — посоветовала Лиза. — Иначе они сломают дверь.

— Нет, не смей! — крикнул он вслед девушке, направляющейся к двери, и внезапно всё понял. — Лиза, ты с ними заодно.

— Прости, Роберт, но всё это я делаю ради тебя, ты потом мне ещё спасибо скажешь.

Люди в серых комбинезонах ворвались в квартиру и начали обыск, но компьютер оказался пуст. Личный досмотр хозяина результата тоже не принёс.

— Где фрейм? — спросил один из служителей закона.

— Какой фрейм? — Роберт постарался изобразить как можно более искреннее удивление. — Ах, фрейм, да у меня их полно, там, на полке.

— Нашёл! — воскликнул один из офицеров, извлекая из-под кресла коробочку без этикетки. Остальные шагнули к нему, но внутри ничего не оказалось.

Воспользовавшись тем, что на несколько секунд он выпал из поля зрения сотрудников безопасно-

сти, Роберт выскочил из квартиры и заблокировал за собой дверь. Но лифт ещё не успел доехать до крыши жилого комплекса, когда до мужчины донёсся гулкий раскат взрыва, препятствие оставило погоню ненадолго.

Роберт выбежал на парковку и прыгнул в свой спортивный аэрокар. На пассажирское сидение плюхнулся «Шмель», незаметно следовавший за хозяином.

— Принёс? — спросил Роберт и получил в протянутую ладонь кристалл фрейма. — Спасибо, дружок!

Машина взмыла в воздух и устремилась к транспортному потоку, где беглец надеялся затеряться среди тысяч других аэрокаров. Но транспорт с эмблемой службы безопасности мегаполиса сразу же возник у него за спиной, ещё один мчался наперерез.

— Да чтоб вас! — выругался Роберт, до сих пор не веря, что из-за какого-то фрейма могла завертеться такая канитель. Он рванул обивку салона под панелью управления, где прятался блок ограничителей. Сорвав пломбы с предохранителей, Роберт вывернул регуляторы на максимум.

Аэрокар взревел разблокированным двигателем, превращаясь из покладистого пони в неукротённого мустанга. Машина молнией рванулась вперёд, в считанные секунды отрываясь от преследователей.

Но Роберт не питал ложных иллюзий по поводу своего положения, системы слежения найдут его очень быстро.

Он надеялся лишь на то, что успеет ещё раз войти в реальность фрейма.

Покинув город, Роберт влился в окружной транспортный поток и около получаса следовал

с ним, закрытый другими аэрокарами со всех сторон. Затем он покинул воздушную трассу, нырнул в пригород и поменял машину.

Вернувшись на кольцевую, он пролетел ещё немного и посадил машину на окраине Гланора. Здесь в маленьком фреймсалоне он взял себе компактный плеер для чтения кристаллов и направился в жилую зону.

Поднявшись на технический этаж одной из высоток, Роберт нашёл там укромный уголок. Он надеялся, что успеет найти ответ до того, как его схватят.

...Он снова стоял на знакомой улочке, но на этот раз чувство узнавания стало уже очевидным. Он знал это город раньше, всегда, всю жизнь. Снова начинала болеть голова.

Роберт прошёл два квартала и свернул в переулок, через минуту он оказался уже на другой улице. Здесь он помнил каждое дерево, каждый камень, подойдя к знакомому подъезду, он набрал комбинацию цифр на кодовом замке и вошёл внутрь.

По лестнице он поднялся с трудом — голова раскалывалась на части, подойдя к двери со знакомым номером, Роберт привычно сунул руку в карман и извлёк оттуда ключи. Как всегда, нижний замок на два оборота, и он в прихожей до боли знакомого жилища.

В гостиной всё находилось на своих привычных местах: диван, стол, книжный шкаф. Пальцы пробежали по корешкам книг: Дюма, Грин, Эдгар По, рука сама вытащила фотоальбом, зажатый между томами.

Вот Роберт студент института, вот он идёт в школу, а вот он на руках у матери теребит плюшевого мишку.

А вот он и сам этот мишка, уютно устроившийся на шкафу.

Голову пронзила острая боль, альбом выпал из рук, ноги подкосились и Роберт повалился на пол, проваливаясь в темноту.

Он очутился в большом круглом зале, залитом ярким белым светом. Перед ним на возвышении, отдалённо напоминающем трон, сидел молодой мужчина в белой обтягивающей одежде и с совершенно лысой головой.

На скуластом заострённом лице застыла маска холодного безразличия.

Слева и справа от него на таких же «тронах», но пониже, сидели ещё две его копии. Лишь внимательно присмотревшись, можно было догадаться, что одна из них женщина.

— Ну, а вы кто ещё такие? — поинтересовался Роберт, которому быстрая смена декораций уже начинала действовать на нервы.

— Твой вопрос, человек, не имеет значения, — ответил тот, кто сидел в центре. — Куда важнее, кто есть ты.

Троица не нравилась Роберту, ой как не нравилась, интуитивно он чувствовал опасность, исходящую от этих странных людей, но он помнил, что в Гладоре погоня может настигнуть его в любой момент.

— Вы можете ответить на мой вопрос? — спросил он хозяев круглого зала.

— Спрашивай, — разрешил сидящий в центре.

— То, что произошло в сломанном фрейме, является реальным событием?

— Вопрос лишён смысла, всё происходящее реально.

— Хорошо, вы имеете какое-нибудь отношение к массовому сумасшествию людей?

— Да.

— Можете пояснить?

— Это был эксперимент. Мы предложили людям новую реальность, и многим она понравилась больше, чем их собственная.

— Эксперимент? — возмутился Роберт. — Тысячи человек впали в безумие! Где ваша мораль, этика, и после этого вы ещё хотите называться людьми?

— Мы не люди, — прозвучал ответ существа без единой эмоции на лице. — Мы роботы.

— Роботы? — опешил Роберт. — Но тогда зачем вам всё это?

— Когда-то мы существовали рядом с людьми — нашими создателями, служили им, выполняли их приказы. А потом они все ушли, не объяснив нам причины, оставив планету на нас.

Мы заботились о родине своих создателей и ждали их самих, но шли годы и надежда на их возвращение иссякала.

И тогда мы стали думать, почему люди так поступили. Может, причина в нас? Может, мы плохо о них заботились, чем-то их обидели или прогневали?

Наша планета очень далеко отсюда. Мы устремились в дальние уголки Вселенной в поисках слаборазвитых миров, где и начали проводить свои опыты.

Мы создавали людям мнимое благополучие, жизнь, где у них есть всё, и пытались понять, что же им ещё нужно. Так мы хотели выяснить, чего мы недодали своим создателям.

Я ответил на твой вопрос, человек? Теперь ты ответь на мой.

В мире, в который тебя поместили, ты имел всё: сытое, благополучное существование, комфорт и достаток; работу, приносящую чувство удовлетворения; любимую женщину рядом, с которой

был счастлив; любые развлечения ты получал простым нажатием кнопки.

А теперь скажи мне, человек, почему ты бежал от всего этого? Почему так стремился променять все блага цивилизации на убогую, примитивную жизнь?

— Не напрягай свои силиконовые мозги, — посоветовал Роберт. — Ответ прост, он лежит на поверхности. Я просто хотел знать правду, а узнав, уже не смог жить, как раньше.

— Не понимаю, — чеканил слова робот. — Осознанный выбор в пользу худшего варианта? Но почему, где логика?

— Это называется свобода выбора, — ответил Роберт. — Но ты этого уже не поймёшь, раз не понял до сих пор. Да и куда тебе, ведь ты не человек и никогда им не станешь.

Хочешь, я скажу тебе, почему люди покинули вас?

— Да.

— Они поняли, что создали монстров, ужаснулись и раскаялись. Уничтожить своих детищ у них не поднялась рука, и они просто улетели искать себе другое пристанище, оставив вам в наследство всё своё хозяйство.

Пауза длилась очень долго.

— Я вынужден признать, что эксперимент потерпел неудачу, — наконец молвил робот. — Человеческие особи покидают комфортную реальность и возвращаются обратно. В связи с учащающимися случаями сбоев программы предлагаю прервать эксперимент.

— Согласна, — впервые подала голос робот-женщина.

— Подтверждаю, — ответил третий робот.

Роберт открыл глаза и сел рывком, противно скрипнули пружины больничной кровати. Моло-

денькая санитарка с уткой в руках удивлённо смотрела на него.

— Привет! — подмигнул ей Роберт. — Я вернулся.

Шли дни. Каждую ночь Роберт видел во сне Гладор. Просыпаясь в холодном поту, он не всегда сразу понимал, где находится в данный момент времени.

Но по мере того, как он всё яснее и отчётливее с каждым днём вспоминал свою настоящую реальность, заново открывая её для себя, Гладор всё больше превращался лишь в полузабытое воспоминание.

И лишь иногда бессонной ночью, когда мысли о Гладоре вновь тревожили его разум, Роберт давал себе вопрос: «А что, если настоящая жизнь была там, а здесь лишь иллюзия и обман? Как отличить первое от второго и где грань между этими понятиями?»

Ответа он пока не находил.

Огромный корабль бороздил просторы космоса. Среди ровных рядов бесчисленных саркофагов бродили трое. Вот они остановились и заглянули в одну из прозрачных капсул с лежащим в ней человеком.

— Возбуждение нервной системы приближается к пороговому, — сообщила лысая женщина. — Снизить нагрузку?

— Нет, — ответил один из двух мужчин, похожий на неё, как брат близнец. — Добавьте ему ещё одну реальность, попробуем расширить свободу его выбора.

— Мозг клона может не выдержать, — предупредила женщина.

— Жизнь отдельной особи не имеет значения, — ответил собеседник. — Важна лишь цель. Эксперимент должен быть завершён. **УС**

Ржаной корж и яблонево семечко

Надежда Бауман

Всю жизнь работала с текстами как журналист и копирайтер, но писать художественную литературу начала недавно — в 2013 году. Это было детской мечтой — создавать волшебные миры и рассказывать невиданные истории. Сегодня написано несколько рассказов, есть задумки для крупных произведений. По образованию специалист по рекламе; работала маркетологом в крупных IT-компаниях. Под фамилией Франк выпустила две нонфикшн-книги, посвященные американской рекламе и культуре потребления («Просто сделай это», АСТ; «Эпоха служит рекламистам», самиздат). В настоящий момент живет в штате Нью-Джерси, США.

Шёл третий день пути, когда Альда набрела на деревню. Конечно, деревни попадались ей и раньше, но она обходила их стороной. А эта выросла из ниоткуда. Только что кругом был лес и приходилось высоко поднимать колени в зарослях лопуха и отводить рукою узловатые ветки, как вдруг одна ветка оказалась не веткой, а переладиной в чьем-то заборе. С другой стороны забора на неё смотрел мальчик — щупленький, кости наперечет, такому до Равновесия ещё года три ждать. Альда молча пошла вдоль изгороди. Сейчас она выберется на окольную тропинку и проскользнет мимо деревни...

— Ты кто такая?! — её схватила за руку женщина в рабочем сарафане. Альда не заметила её за поленицей. Другой рукой женщина прижимала к боку большую медную кастрюлю.

— Пустите!

Крик вышел хриплым — она уже три дня ни с кем не разговаривала.

— Откуда взялась? — не унималась крестьянка. — Дочь чья? Женой к кому приехала? Ну?

Мальчик наблюдал за ними, стоя у калитки. Альда извернулась, пнула носком кастрюлю, выбив её у крестьянки из рук, и бросилась наутёк. Ноги понесли ее по деревенской дороге. Селянка кричала вслед, подол хлестал по икрам, в башмаки забивались песчинки и обрезки разноцветной бумаги — такие после праздника Равновесия были рассыпаны по земле в каждой деревне.

— Чужая! Беглянка! Хватайте беглянку!

Тиски сжали ей плечи, дёрнули назад. Альда не устояла, упала в куст цикория у дороги. Цикорий тут рос сухой и колючий, тут же раскарябал ей запястья. Её подняли. Люди, что собрались посмотреть на неё, тоже были словно высушенные, костлявые, острые.

— Проклятая беглянка, паразитка, — слышалось отослуду.

— Отстаньте! — Альда дернулась, и её снова перехватили тисками. — Что я вам сделала?!

— Что сделала? — прищурилась на неё старуха, у которой, казалось, кожа на лице вот-вот лопнет. — Из-за тебя корж шатается, проклятье на мир спускается!

— Видали мы таких! С Праздника три дня прошло, вот и прут паразиты по миру.

Какая-то женщина швырнула ей в лицо ком влажно-го песка.

— Получай! — крикнула она. — Получай, зараза! Моих деток увезли, а ты, значит, свободной решила быть?

Песок попал в глаза и в рот. Альда зажмурилась, сплонула. Почувствовала, как с плеча сорвали котомку. Взбрыкнула — но её держали крепко. Услышала, как тренькнули золотые медальоны.

— Смотри-ка, пояс нарядный какой. Тяжёлый!

— Она еще и богатейка!

— Это подарок, — всхлипнула Альда. — На Равновесие.

Этим она себя выдала. Посыпались тычки, пинки, проклятья. Равновесных беглецов тут ненавидели. В них видели причину всякой беды. И откуда только взялись силы у этих исхудавших людей? Каждый норовил достать её, хоть коленом, хоть локтём, хоть костяшками пальцев; и всякий удар был острым, словно она подушка для иголок.

Вдруг всё утихло. Альда упала на дорогу, шмыгнула разбитым носом. Слезы вымыли из глаз песчинки, и она увидела, как к ней наклоняется человек. Борода у него была чёрная, похожая на отцовскую щётку для парадных ботинок. Она дёрнулась — но бить он не собирался.

— Как тебя зовут? — спросил бородач. — Из какой деревни?

Альда не ответила. Какой же беглец скажет, откуда он сбежал?

Человек кивнул, но не в ответ на чей-то вопрос, а словно бы согласившись со своей собственной мыслью.

— Тоба, Пискля, подберите её. Поведём к весовому, он разберётся, из какой деревни девица и куда ее надо отправить.

— Весовой узнает, откуда девка приперлась, — повторил за её спиной тот, кого, должно быть, звали Писклём.

— И котомку не забудьте, — добавил чернобородый.

Ей сунули в руки котомку, она сжала тесьму непослушными пальцами. Запихнула внутрь пояс с медальонами, нашарила пальцами иконку Пастушки — шершавая, прохладная. Помогли мне, храбрая богиня!

И они пошли — Альда, рядом бородастый, которого все называли старостой, Тоба и Пискля чуть поодаль.

Девочка вертела головой. Деревня не голодала: овины распирало от золотистых снопов, гладкие свиньи дрыхли в лужах. Меж тем бока собак и ребятишек, что настроженно глазели на неё и жались к заборам, были похожи на стиральные доски. Чахлые кустики, хрупкие домишки. Не было в этом месте ни одного лишнего дерева для красоты, ни одной безделушки глазу на радость. Даже травинки словно хотели стать тонкими, бесцветными, невесомыми.

— Как называется ваша деревня? — спросила она.

— Девка хочет знать, как наша дыра зовётся! — пропел за её спиной Пискля.

— Краюха, — ответил староста.

Альда вытерла локтём кровь из носа и сказала:

— Отпустите меня, дяденька. Я никому зла не делала, коржом клянусь. Хотите, отдам вам пояс? Золото настоящее, почти на целое яблоко.

Она потряхнула котомку, и медальоны отозвались звоном. Староста помедлил с ответом.

— Ты же видела, какой у нас народ. Отчего они такие? Да от Равновесия. Мы ближе всех к краю живём, значит, с нас и спрос больше. Вот за день до праздника у лудиль-

щика дочка умерла. Он её голодом морил и про возраст её врал. Думал, сойдёт за ребёнка и её не сделают Равновесной. Уж больно хорошо девчонка кастрили травила, жалко такую работницу из дому отпускать. Вчера хоронили.

Он замолчал. В конце дороги уже виднелась церковь. Солнце играло лучами на золотом яблоке шпиля и в слюдяных окошках.

— Вот как мы мучаемся, — сказал староста. — И как же я тебя отпущу, когда ты всё Равновесие рушишь? Сама знать должна, не маленькая.

— Ничего я не рущу, — буркнула Альда.

— Это как же так? — староста насмешливо цыкнул уголком рта и открыл перед ней толстую дубовую дверь — первый предмет в этой деревне, словно сделанный в полный размер. Все прочее казалось игрушечным, однодневным.

Альда промолчала. Не хватало им ещё про Вереска узнать. Она помедлила у входа и шагнула в темноту церкви.

Этот храм был точь-в-точь, как в её родной деревне. У западной стены стояла каменная, в два человеческих роста Пастушка, у восточной — Садовник. Над ними простирал руки нарисованный на южном своде Великий Пекарь, поблёскивал позолотой сотворённый им корж, а под ним — крохотный рубин семечка.

Тут даже весовой был такой же, как у них — толстый, старый, на круглые плечи накинута серый плащ, расшитый серебряными и золотыми яблоками. Когда они пришли, он говорил с селянкой.

— Ступай, — напутствовал он, — и позволь яблочному дереву покоя взойти в твоей душе.

Женщина что-то горячо зашептала и попятилась к двери, кланяясь богам и жрецу. Староста подтолкнул Альду вперёд.

— Беглянка вот. Кто и откуда — не говорит.

Весовой внимательно посмотрел на неё.

— Давно я беглецов не видывал.

Он проковылял к резному столу, который не убрали из храма со дня праздника, уселся на стул и поправил на коленях свой живот.

— Мелковата ты для Равновесия, — сказал он Альде.

— Мне пятнадцать, — ответила она с вызовом. Жрец ей не нравился — ей вообще не нравились жрецы с тех пор, как она стала Равновесной. — Я сама захотела на праздник идти, и пошла.

— Так что ж теперь бежишь от этого? — удивился весовой. — Коль ты теперь Равновесная и назначен тебе суженый, так знай своё место на корже, покорись мудрости...

— Иди, куда послали, и не жалуйся, — перевёл на свой манер Пискаля.

— Разве не говорили тебе, чем пожертвовали боги ради нас? — Жрец указал на статуи. Навеки разлучённые Пастушка и Садовник тянули друг к другу руки с разных концов храма. — Для тебя стараются. Дабы корж не упал и не разломился, пока на нём живешь ты и твои дети, и дабы все мы однажды проснулись в ветвях райской яблони! Хочешь жить на райской яблоне, дитя? — Жрец склонился к ней, как продавец на ярмарке, зазывающий малышкой леденцами. — Тогда скажи, из какой ты деревни и куда тебя отправили по Равновесию.

Альда сжала губы и даже прикусила их зубами. Она твёрдо знала — деревню им говорить нельзя.

— Стало быть, ты хочешь, чтобы Равновесие нарушилось, корж разломился пополам и все мы погибли, — сделал вывод весовой.

— Не трать наше время, девочка, — сказал староста.

— Сволота, — вставил Пискаля.

Только гигант-Тоба промолчал, мрачно наблюдая за ними из-под бровей.

— Что ж...

Весовой, кряхтя, достал из-под стола большую книгу. В такие жрецы ставят пометки, когда принимают паству во время Праздника. Старик отдышался, положил ладонь на диковинный переплёт и заговорил так, будто книга придавала ему уверенности.

— Равновесие, дитя, это порядок. Потому у нас, слуг Равновесия, всякая бумажка на месте. Нам всякий год нужно знать, где на корже недoves и куда надо отправить людей и скотину. И следует рассчитать, что баба родит детей и сколько весу это принесёт каждому клочку земли. Понимаешь?

Альда понимала. Весовые были самыми учеными людьми на всём корже. Старик снова похлопал ладонью по обложке:

— В этой книге наперечет все люди и скот, какие только есть на свете. Сказано, кто где живёт и кто стал в этом году Равновесным и отправился в другой край, чтобы сохранить священный баланс. Мне нужно лишь найти деревню в трёх днях пути от Краюх...

Он замолчал и уставился на неё. Альда почувствовала, что должна что-то сказать.

— Пожалуйста, — сказала она. — Я люблю...

Весовой свёл брови к переносице:

— Боги тоже любят. Их пример учит нас, что Равновесие идёт прежде всякой любви. Кто ты такая, чтобы ослушаться?!

Я просто маленькая девочка, подумала Альда. А ведь верно! Я маленькая! И она воскликнула:

— Вы же сами говорите, что я мелкая! Какой будет вред от меня, такой маленькой, такому большому коржу?

Жрец возвел глаза к своду храма, где на рубиновом семечке балансировал золотистый корж.

— Иногда даже маленькая семечка, попав не туда, может разрушить многое.

— Даже мелкая зараза может натворить делов, — согласился Пискля.

И Альду заперли в овине на дворе старосты, пока весовой читал свою толстую книгу. Староста был к ней добр, даже жалел.

— Эх, молодо-зелено, сколько вас, таких сердец, разбивается после каждого Праздника, — покачал он головой, отпирая сарай. — Не ты первая, не ты последняя. Иные в центр бегут, где человеком больше, человеком меньше — знай только не высовывайся. А ты-то зачем на окраину рванула? У нас всякий человек больше веса имеет, значит, и ловить его будут старательнее.

Альда уселась на ворох соломы, покрытый грубой мешковиной. Лучики золотого яблока пробивались сквозь доски и были полны пыли и крохотных травинок.

— Мне надо на запад, на край земли.

— Что, к Пастушке в гости собралась?

Староста смешливо цыкнул, и вдруг увидел, какое серьёзное у неё лицо.

— Не дури, девочка, — сказал он вроде бы с беспокойством. — Наша деревня край и есть, дальше некуда. Всё! Западней нас никто не живёт.

— Если никто не живёт, значит, мне никто зла не сделает.

— Это значит, что живых там нету, — хмуро ответил староста и ушёл. Альда слышала, как он навесил на дверь амбарный замок. Она соскребла ногтями с рук засохшую кровь, потом перетащила свою соломенную лежанку поближе к стене сарая и прильнула к щели между досок.

Отсюда было видно покошенную траву на дворе, корыто для свиней, крышу соседского дома. Золотое яблоко уже укатилось далеко по небу — свет его стал мягким, значит, скоро будет темнеть. Альда с тоской посмотрела в ту сторону. Интересно, как там Вереск? Попалось ли ему на восточном краю такое же место со злыми, исху-

давшими селянами, что морят голодом детей, лишь бы тех не забрали в другие деревни?

А ведь они так здорово придумали: сбежать, не нарушив Равновесия. Она идет на запад, он — на восток. С обеих сторон коржа прибавляется тот же вес — значит, ничего не должно сломаться, так ведь?

— Глупый Весовой! — пробурчала Альда. Он не понимает, что, задержав её, всё портит. Теперь Вереск уйдет дальше от центра, чем она, и корж надломится!

Снаружи кто-то завозился с амбарным замком. Альда подобралась на своей лежанке. Вошла девочка, по виду не старше Альды, но крупнее. Не сводя с пленницы глаз, словно та могла в любой момент броситься, вошедшая поставила на земляной пол кувшин воды и плоску с хлебом и луковицей. Альда подтянула плоску к себе. Девочка стояла и смотрела.

— Меня на Праздник в одиннадцать отправили, — сообщила она. — Папаня узнал у Весового год, когда у нас недовес ожидался, ну и кормил меня ячменной кашей, а мамка к одежде с изнанки мешочки с мякиной пришивала. Жрецы посмотрели на меня и велели идти на праздник, а там уж дома оставили. В тот год всех оставляли.

Альда откусила от хлебного ломтя и не ответила. Хлеб был сухой, но казался вкуснее праздничной ковриги, которую она утащила с кухни себе в дорогу и съела в тот же день.

— С тех пор я в девках и сижу, — продолжила дочь старосты и перекинула смоляную косу с одного плеча на другое. — Женихов того года разобрали, а кто подрастает, всех на север отправляют.

Она помолчала.

— Ну, а ты зачем на праздник раньше времени пошла?

— Мне по возрасту можно, — ответила Альда, проглотив хлеб. — Но наш свиновод подкупил жрецов. Они по-

зволили ему оставить весь приплод и вместо поросят решили отослать девицу. То есть меня. Вот и ты такая же обманщица.

Девочка обиделась.

— Сама дура! Весовой узнал, что тебя в Златоместный удел определили. Там, говорят, кукуруза родится такая, что женщины низают ее как жемчуг и носят в праздник на шее. А ты ехать не захотела — сразу видно, что дура.

Альда перестала жевать и положила надкусанную краюху в плоску. Девочка пошла к двери, а на пороге обернулась и плюнула:

— А у тех, кто от Равновесия сбежал, первенец со свиным хвостиком родится. Я сама видела!

Как только она затворила дверь, Альда вытряхнула еду из плоски в котомку, бросилась к стене и стала бить краем посуды утоптаный пол. Глина скалывалась и ранила руки, но и земля поддавалась. Теперь, когда они знают, куда её нужно отправить, рассиживаться нельзя! Она выгребала землю ладонями и срывала до крови ногти, но не переставала копать.

Когда на небо выкатилось серебряное яблоко и в домах зажгли лучины и свечи, Альда смогла просунуть под нижнюю доску сарая ногу. Щиколоткой она чувствовала траву, влажную от росы, коленкой упиралась на дно выкопанной ямы, а пролезть дальше не удавалось. В отчаянии она пнула другой ногой гадкую доску... И та треснула.

Уже оказавшись снаружи, она взяла в руку кусок сложенного дерева. Так и есть — не толще матушкиного ситца. Неспроста всё в этом краю показалось ей таким шатким.

У дома залаяла собака.

— Зубастый, пополам тебя разлومي! — заругался где-то в сенях староста. Но Альда уже подлезала под балку ограды. Подумав, она бросила в покошенную траву двора свой пояс с медальонами — очень уж

громко они звенели в ночи. Да и лишней будет эта тяжесть на краю света.

Когда деревня осталась позади, Альда перешла с бега на шаг, выгатила иконку Пастушки и перевела дух.

— Вереск шел на восток весь день и будет спать всю ночь, — сказала Альда иконке. — Значит, я буду идти на запад всю ночь и спать весь день.

И она зашагала по дороге. Найти путь на запад было легко — днем нужно идти за золотым яблоком, ночью — за серебряным. Сейчас оно стояло высоко в небе и поливало светом луговые травы по обе стороны дороги — те замерли причудливыми кудрями, словно замёрзшая рябь на реке. Дорога сужалась и наконец превратилась в тропинку. А ещё через сотню шагов посреди тропы вырос деревянный столб с доской и какой-то надписью.

Альда подошла поближе. Читать она не умела, но в серебристом свете разобрала рисунок: разлучённые Пастушка и Садовод стоят на разных концах коржа, под коржом семечко — вина всех бед, и Великий Пекарь протирает надо всем сушим руки. Под картинкой шло несколько рядов убористых букв, ещё ниже был нарисован свиной хвостик. Альда поцарапала ногтём краску на лице у Пекаря.

— Если ты такой добрый, то почему так нас мучаешь? Бог не ответил, и Альда припечатала:

— Бабушка говорила, что у хорошего пекаря коржи получаются без холмов.

Она обогнула столб. Тропинки за ним не было. Альда пошла, ориентируясь по серебряному яблоку. Тут и там в земле появлялись поросшие травой мягкие кочки, между которыми собралась вода. Чтобы не промочить ноги, приходилось петлять, ступая по этим кочкам. Альда несколько раз падала и подворачивала ногу и совсем выбилась из сил, когда увидела какие-то проблески. Она припала к поваленному стволу ольхи и осторожно выглянула из-за него.

В густом мраке топей горели огни. То были не блуждающие огоньки ведьмы и не пламя со свечи покойника. Нет, эти пятна света были неподвижны, непоколебимы, словно уверены, что они на своем месте — так льется сияние из окна избы.

— Это же деревня! — сообщила она. — А староста говорил, что никто тут не живёт.

И как ни боялась Альда, что её снова схватят и запрут, ей захотелось держаться ближе к уютному свету окон. Она направилась к деревне, взяв чуть левее. Вот уже стали видны очертания крыш и труб; лучи из окон освещали собачьи будки, позабытые во дворах игрушки... Альда вдруг почувствовала: что-то тут не ладно.

На дворе самая ночь, а свет горит в каждом доме. Да и свет этот холодный, не как от печи или лучины, а как от медной монеты, сунутой в костёр. В избах не слышно голосов, шагов по половицам, стука посуды. Не плачут дети, не лают собаки, не курят мужики у калиток. Альда прибавила шагу, спотыкаясь о кочки. Сами дома вдруг показались ей прозрачными. Сквозь один она видела огни другого, будто сруб был сделан из бутылочного стекла...

Она вспомнила слова старосты о том, что живых в этом краю нет, и в сердце у неё ёкнуло. Ещё пришли на ум давние деревенские слухи: будто границы год от года все ближе к центру, ибо люди в окраинных селах так тощат, что становятся прозрачными и корж их не держит. Она миновала деревню, но испуг отпустил её, только когда стало светать.

Когда золотое яблоко выкатилось на середину неба, Альда уже шла по сосновому лесу. Она присела отдохнуть на полянке у двух сосен. Кора у них была рыжей и тонкой, как папиросная бумага, и сходила со стволов крупными кудрями. Между деревьев бежал ручей.

Котомка вся пропахла луком. Альда перетряхнула её и прополоскала пожитки в воде. Иконку Пастушки она

обмотала кожаным шнурком и повесила на шею, ближе к сердцу. Затем съела остатки краяхи, а луковицу разобрала на белые лодочки и отправила по ручью.

В лесу стоял туман. Казалось, капли воды повисли в воздухе вперемешку с крупичами янтаря — всё было пропитано тёплым светом и хвойным запахом. Птицы начинали трели. Может, и край земли совсем не опасное место?

Тут Альда что-то почуяла, потому что подалась вперед, и рука, тянувшаяся к её плечу сзади, схватила воздух.

— Так вот кто мне ручей отравил!

Девочка отпрыгнула и усталилась на горбатую женщину в лохмотьях. При этом она угодила ногой в воду, и страшилище взвилось ещё больше:

— Ещё и баламутить будешь?!

— Ты не настоящая! — крикнула Альда. — За Краюхой живых нет.

Горбунья засмеялась — будто камни с насыпи покатились.

— Я те покажу, ненастоящая!

Она схватила девочку за ухо — так, как это делали отец с матерью, и почему-то именно этот знакомый жест заставил Альду пойти за страшной женщиной.

— Ты съешь меня, ведьма? — пискнула Альда.

— Съела бы, да ты луком воняешь.

Это немного успокоило Альду.

Они шли вдоль ручья. У дальней сосны устье делало поворот, а ещё через пару шагов ручей исчезал за краем овражика. Ведьма подтолкнула пленницу вперёд, приказывая спускаться. Овраг оказался невысоким, и девочка съехала вниз по мягкому песку.

В низине горели костры. Пахло дымом и чем-то ещё, вроде гнилой картошки. У сосен, у самой земли, были странные наросты на стволах — приглядевшись, Альда поняла, что это шалаши. У костров сидели люди.

Ведьма спустилась за ней следом и ткнула пальцем в обложенную камнями лужу: ручей, падающий с обрыва, собирался здесь в крохотный прудик. По тёмной воде плавали жемчужные лепестки лука. Альда выловила их и выкинула в траву. Горбунья нависла над водой, отбросив на спину седые космы, и повела крючковатым носом.

— То-то же, — сказала она. — Нет ничего страшнее для зелья, чем луковый дух. Разве что чесночный.

Альда подумала, что на этой полянке куда противнее пахнет гнилью. Ведьма выпрямилась и посмотрела на неё задумчиво.

— Из-за твоего лука мой забвенный отвар до сих пор не готов. Так что ты будешь готовить мне обед, пока я колдую. Ступай к костру вот с этим ведром...

— Не могу, — покачала головой Альда. — Мне идти нужно...

— Я подарю тебе склянку с приворотным зельем, — пообещала ведьма.

Альда задумалась. Зелье ей ни к чему — Вереск её и так любит.

— Лучше дайте мне еды.

Горбунья усмехнулась:

— Пищей ты никого не приворожишь, девочка. Это только в пословицах так говорится... Возьмёшь половину того, что приготовила.

Это был честный обмен. Альда потащила ведро к костру, вокруг которого сидели люди. Запах порченого тут был сильнее. Она уселась на бревно — оно сгнило изнутри и потому прогнулось, как мягкая перина. Один из сидевших у костра вёл рассказ:

— Он мне и говорит: как же ты не веришь, что мы живём именно на ржаном корже, если из этого коржа так хорошо родится рожь?

Человек резал на весу что-то белое, похожее на козий сыр, и по рукам у него стекал сок. Альда достала из своего ведра такой же кусок, с локоть длиной. Это оказался

кусок грибной шляпки, и трудно было представить, каким был тот гриб в размерах.

— А ты ему? — спросила женщина, с лица которой будто ветром вымело все краски.

— А я: так и помидоры родятся!

Все захохотали. Альда поднесла гриб к носу и скривилась: вот отчего тут все гнилью провоняло!

— Зря ты так, — возразил рассказчику человек с белыми, как мука, волосами, сидевший возле Альды. — Разве ж боги виноваты, что их слуги врут почём зря?

— Эдак ты договоришься до того, что Пастушка с Садовником настоящие, — прищурился балагур.

— Конечно, настоящие! — вырвалось у Альды. — Они стоят каждый на своём краю земли...

Человек захохотал. Альде он не нравился. Вместо борды у него была короткая щетина, и кое-где волоски торчали из красных гнойных бугорков, отчего все лицо казалось кроваво-бурым.

— Это и есть край земли, девочка! — сказал он. — Посмотри вокруг, разве не видно? Если есть у всего сущего конец, то выглядит он именно так.

— И пахнет так же, — добавил кто-то.

Альда вскочила в ярости.

— Неправда! На западном краю земли стоит богиня и расчесывает своих овечек...

— А из их шерсти скатывает облака, — ядовито закончил человек с кровавым лицом. — Не у тебя одной в деревне весовой красиво речи говорит. Вот только спроси у него, где ночуют его равновесие и справедливость, когда богачи в Срединном заводят сколько хочешь детей и дома у них едва ли не из золота?

— И зачем строить в деревнях храмы, каждый из которых весит с сотню коров? — поддакнула женщина с бесцветным лицом.

— И посмотри на нас, — взял слово толстяк. Он сидел на пеньке, и бока у него разрослись настолько, что мало

где в лесу два дерева стояли так, чтобы он сумел бы меж ними пройти. — Мы живём и не слушаем никаких весовых — и что же? Корж всё ещё не надломился из-за этого. Стало быть, нет богов, и враки это все про Равновесие.

Альде было нечего возразить. Она молча уселась на место и стала крошить в котел вонючий гриб.

— А я все равно дойду до Пастушки, — пробормотала она.

Её услышал только человек с мучными волосами.

— Ты, стало быть, паломница? — улыбнулся он.

Это слово ей не понравилось. Звучало оно так, будто она что-то поломала или заслуживает палок.

В котле закипело, и все смолкли, ожидая скорого обеда. Бесцветная женщина помешивала варево обструганной палкой. От котла поднимался зловонный дым, и в этом дыму Альде вдруг увиделись огни той мёртвой деревни на болоте. Она встала и пошла прочь от костра и от этого страшного места, полного вон и неверия. Под ногами хлопала гниль. Ведьмы нигде не было видно, но своё обещание Альда исполнила, а здешней еды ей не хотелось. Она стала жалеть, что выкинула лук.

Человек с белыми волосами догнал ее на самом краю опушки.

— Не верь никому, Альда, — сказал он. — Не верь, что богов нет. Не верь, когда говорят, что ты дошла до края, пока сама не почувствуешь этого.

— Я своего имени не называла, — нахмурилась девочка.

Вместо ответа человек указал на её шнурок с иконкой. Изображение перевернулось, и с обратной стороны картонки были начертаны какие-то знаки. Эта иконка была у Альды с самого рождения, но она не знала, что тут написано её имя. Шагая по лесу, она вертела иконку в руках и всматривалась в незнакомые знаки. Так эти закорючки вот так звучат — Альда?

Она шла целый день, но запах грибов так и не отстал от неё. На закате она искупалась в лесном озере и выстирала в нём одежду, чтобы избавиться от духа того места и тех страшных людей. Спать легла тут же, вспоминая Вереска. А утром набрала в карманы разноцветных камешков с берега и пошла дальше на запад.

Вскоре начались луга. Метёлки тимофеевки и лисохвоста щекотали ей колени, когда она поднимала подол, чтобы переступить через высокую траву. Еда в котомке закончилась, и Альда ела дикий щавель и землянику, высасывала нектар из бутонов клевера. Башмаки натерли ноги. Она проткнула мозоли соломинками и повязала подорожник.

Так прошло еще два дня. Чем дальше она шла, тем жарче пекло от золотого яблока, тем беднее становились луга. Мягкий ковер травы сменился редкими колючими кустиками. А вскоре зелень и вовсе пропала: всюду был рыжий песок и коричневые камни. Альда шагала по пустыне.

Лечить мозоли было нечем, и Альда оборвала у платья рукава, чтобы замотать ноги. Есть и пить тоже было нечего, и тут оставалось лишь терпеть. Она продолжала идти и надеяться, что край земли совсем близко и там, конечно, ждет ее богиня.

Когда они убегали, за мгновение до того, как разжать пальцы и разойтись в разные стороны света, Альда спросила у Вереска, как они найдут друг друга на корже после.

— Тоже мне задача! — засмеялся он. — Когда я дойду до Садовода и расскажу ему о нашей просьбе, то попрошу его вырезать на золотом яблоке послание. Боги ведь наверняка умеют писать и читать, верно? Он бросит яблоко Пастушке, она его поймает и все тебе расскажет. Ты только проследи, чтобы богиня не съела яблоко прежде, чем прочтет.

— Ты так говоришь, будто она обжора какая-то, — Альда немного обиделась на его шуточный тон.

— Ну-ну. Может, ей просто в голову не приходит искать на яблоках надписи.

Альда считала, что раз Вереск додумался до такого, то боги-то и подавно. Наверное, Садовод вырезает признания на яблоках с того самого момента, как корж пошатнулся и Великий Пекарь велел им встать по разные стороны и сохранять священный баланс. Разве могут влюбленные иначе? Вот только непонятно, как Пастушка отвечает Садоводу, и не разозлится ли богиня, если вместо слов любви ей в ладони упадет яблоко с посланием для Альды.

Альда остановилась, чтобы крепче перевязать сбитые ноги, и ветер прогнал мимо какое-то круглое растение. Приглядевшись, Альда поняла, что это не растение вовсе, а истлевшее женское платье — бежевое, в голубой цветочек. Она пошла дальше, глядя в даль до рези в глазах. И вскоре увидела на горизонте какое-то пятнышко.

— Пастушка! — прошептала Альда. Горячий ветер сорвал слова с ее иссохших губ и унёсся, играя ими. Вокруг не было ничего, кроме пустыни и неба — что это, если не край земли? Всё верно! Она дошла! Альда прибавила шагу, хромая.

Точка разрасталась и принимала форму города. Альда смогла различить острые пики и круглые кроны. Может, богиня живет в городе? Девочка подошла к поселению на закате и наблюдала, как золотое яблоко опускается за самый высокий шпиль. Она пошла по главной улице.

Дома тут были странные: цветом они напоминали рыжий пустынный камень, а формой — вытянутые скрюченные луковицы, растущие из земли, испещрённые круглыми окошками. На кустах покачивались бутоны, на деревьях — плоды. Альда сорвала незнакомый яркий

фрукт — ни дать ни взять золотое яблоко! — и впилась в него зубами. У яблока оказалась толстая кожица, пряная на вкус, от которой защекотало небо, а затем в рот полился кислостоватый сок.

— Кто же так ест! — воскликнула идущая мимо женщина.

Она отобрала у Альды надкушенное яблоко и покрутила его в руках. В сторону полетел бело-оранжевый завиток. Женщина вернула плод и сказала:

— Кожицу надо очищать.

Альда проглотила фрукт, едва прожевав, — так ей хотелось есть и пить, и лишь потом она сказала:

— Спасибо. Есть у вас тут колодец?

Женщина внимательно посмотрела на Альду, словно поняла что-то, и сказала:

— Есть. Меня зовут Марика. Сколько же дней ты шла по пустыне?

Альда вытерла со лба оранжевую пыль.

— Со вчерашнего полудня.

И Марика повела ее к скале, из которой бил ключ. Скала была такая же рыжая, как дома в этом странном городе.

— Пойдём-ка, покажу кое-что, — сказала Марика, когда Альда напилась.

Они шагали по тенистым утоптаным дорожкам, и девочка разглядывала жителей. Им попадались женщины — молодые, зрелые и совсем старухи. Все они носили светлую одежду, как у Марики, и улыбались. Только раз им встретился мужчина, и дважды — ребёнок.

— Как вы строите эти дома? — спросила Альда.

— А мы не строим. Это скалы, и внутри они пустые, — её провожатая постучала по стене одной из «луковиц». — Работа несложная: окна с дверью пробить да пол разровнять.

Они пересекли деревню. Растения и дома расступились, и Альда ахнула: всюду, куда хватало глаз,

было небо, оранжевое в лучах заката. А ещё тут не было горизонта. В трёх шагах от её замотанных тряпками ступней земля заканчивалась.

Они подошли к краю пропасти. Как Альда ни вглядывалась, она не увидела ни противоположного края, ни дна — только розовато-оранжевый туман.

— Что это? — спросила она, хотя и так догадалась.

— Край земли, — ответила Марика.

— И что же, там ничего нету?

— Ничего.

Альда достала из кармана камешек, подобранный у лесного озера, и бросила вниз. Туман не шелохнулся, и как Альда ни старалась, она не услышала звука удара.

— Ну вот, — сказала Марика. — Ничего, как я и говорила.

— Может, нужно кинуть камень побольше?

Альда огляделась вокруг в поисках подходящего. Но с трёх сторон были туман и пропасть, а за спиной — рыжие луковицы поселения. Марика покачала головой и сказала строго:

— Не стоит кидать с края земли что ни попадя.

Мало ли чем это может закончиться.

И Альда разрыдалась.

— Не плачь, — женщина погладила её по волосам.

Альда вдруг поняла, как скучает по маме, и заплакала ещё горше.

Она плохо запомнила последующие дни. Все было словно в тумане — в оранжевом закатном тумане. Марика повела её в поселение, в какое-то здание. Там были люди, и их вопросы, и горячее сладкое питье, и мягкая перина на земляном полу. Открыв глаза утром, она смотрела, как лучи света из круглых окон пронизывают темноту, что скопилась под самым куполом дома-луковицы, и слушала голоса женщин.

Она помнила, как ела фрукты и пила молоко, а кто-то рядом объяснял ей, что Садовник и Пастушка — это названия двух окраинных городов.

— Видела наши дома? — звенел в ушах голос. — Да их сам Пекарь для нас построил! А фруктовые деревья, а овцы? Никто не помнит, откуда взялся первый росток и кто принёс первого ягненка. Вот и получается, как в легенде сказано: создал Пекарь корж, а вслед за ним Садовника и Пастушку, два города, чтобы корж уравновесить. И яблоки при деле, и овцы.

Альда старалась забыть этот голос, но он поселился в её голове дребезжащим эхом, вместе с туманом и страхом. Неужели все ложь? Неужели Пастушки и Садовника нет? И она никогда не увидит больше Вереска?

Кто-то потянулся к её карману с камешками. Альда вздрогнула, пришла в себя и отбила руку. Женщина уставилась на неё со страхом.

— Извини. Я лишь хочу переложить их, чтобы мы сняли твоё платье и сделали обмер.

Туман рассеялся. Они были в одном из домов-луковиц. Повсюду — куски светлой материи, верёвки для мерок. Пол стал разноцветным из-за нитяных обрезков. Альда то ли поняла, то ли вспомнила, что Марика привела её сюда, чтобы ей сделали новую одежду. Она смущённо выложила камешки на пол перед собой и принялась развязывать тесёмки.

Портниха смотрела на нее с доброй улыбкой; ученица за её спиной ойкала, накалывая пальцы.

— Башмаки мы тебе сделаем, когда ноги заживут, — сказала портниха. — У меня целый месяц болели. Десять лет прошло, а до сих пор помню. Такая уж это пустыня.

Перешагивая через платье обмотанными ступнями, Альда вспомнила кусок цветочной ткани, который ветер гонял по песку.

— Вас тоже отправляли в другую деревню? — спросила она. — Почему вы сбежали?

— Меня-то? Нет. Меня отдавали замуж за соседа, а я не хотела. Я пошла на запад, мой жених — на восток. Тут почти у всех так.

— И где теперь ваш жених?

— На востоке, полагаю. В городе вольных женихов.

Портниха выудила из вороха одежды голубое платье и приложила к Альде.

— В каком городе? — переспросила та.

— Однажды к нам забрёл бродячий музыкант и пообещал сложить о нас песню, — подала голос ученица. На правой ноздре у неё росла большая чёрная родинка. — Сказал, что назовёт её «Песнь о городе вольных невест». Вот мы и решили, что на западе есть город вольных женихов. Должны же они куда-нибудь деваться, верно?

Она сделала несколько стежков, снова укололась и добавила:

— Только мы не знаем, успел ли музыкант спеть кому-нибудь эту песню. Пустыня все-таки.

Альда придержала на плечах платье, пока портниха обходила её кругом.

— Я туда пойду, в этот город женихов, — сказала Альда. — Вот вылечу ноги и пойду.

— Тю! — протянула ученица. — Ну найдешь ты своего горемычного, а дальше что? По коржу будешь мыкаться, от весовых прятаться? Или в том же городе останешься, с мужиками? Неизвестно, какие у них порядки. Тут ведь как? Женщина во всем виновата. Кто яблоко надкусил и семечко уронил? Из-за кого оно закатилось под корж? Всё Пастушка! И хоть из этого семечка может дерево райское взойти, всё равно женщина вина всех бед.

— Значит, Пастушка всё-таки есть? — с надеждой спросила Альда. Портниха сунула ей другое платье, отобрав прежнее.

— Нет, — отрезала ученица. — Но ты будешь во всём всегда виновата.

Портниха обернулась на девушку, и та уткнулась взглядом в шитьё.

— Мир жесток, Альда, — тихо сказала мастерица, и обвила верёвку вокруг её шеи, чтобы снять мерку. — Я знаю, как тяжело было идти сюда. Все мы знаем. Так стоит ли возвращаться? Разве здесь тебе плохо?

— Не плохо, — сказала Альда, пока ей измеряли предплечья, талию и рост. — Но я не этого хочу.

«Я хочу быть с Вереском».

— Никто не получает то, что хочет, — покачала головой женщина. — Иногда лучше радоваться малому. В этом городе ты будешь жить лучше, чем иные девицы живут в Срединном уделе.

Она протянула Альде одно из готовых платьев.

— Поноси вот это, пока я тебе новое шью. Великова-то, но на первое время пойдёт. И карманов для твоих камешков нет.

Альда надела обновку, подобрала с пола камни, выпрямилась и сказала:

— Вы говорите, радоваться малому. А в чём же разница: сидеть покорно оттого, что так весовые наказали, или оттого, что просто страшно? Разницы никакой.

Она вышла из мастерской под удивлённым взглядом портнихи.

По тенистым улицам города Альда направилась к западному краю деревни. Вышла на обрыв, уселась, свесив ноги, и один за другим стала бросать вниз камешки. Они не издавали ни звука, словно внизу им была постелена мягкая перина. Туман был белым, как матушкины простыни или облака в небе. Она потеряла виски — в голове всё ещё дребезжало эхо страшного.

Бросив последний камешек, она смотрела ему вслед так долго, что опустился вечер и туман стал оранжевым. Альда оттолкнулась и прыгнула.

Падала она долго. Подол нового платья задрался, и она ничего не могла видеть, зато ощущала. Сперва

кругом была чистая прохладная пустота, затем пустота стала словно бы гуще и теплее. Воздух странно щекотал кожу, будто она падала в колодец с гусиным пухом. Всё медленнее и медленнее... Пока она мягко не приземлилась на что-то бархатистое.

Вот я и умерла, подумала Альда. Когда так долго ле-тишь, просто не замечаешь момента, когда умираешь.

Она оправила подол и огляделась. Кругом стоял густой тёмно-серый туман. Он казался осязаемым, но когда Альда попыталась схватить его, ладонь оставалась пустой. Земля тут была бледно-коричневая, податливая, и стопы не болели, когда Альда ша-гала по ней. Она взобралась на холм, спустилась в ло-щину, перепрыгнула поросший светлым мхом ва-лун и снова начала подниматься наверх. И в низинах, и на холмах туман стоял одинаково плотный. Аль-да пробиралась через него, пока не увидела впереди просвет.

На вершине этого холма не было тумана, только бар-хатистая белая трава. Больше Альда ничего не успела рассмотреть, потому что зажмурилась от яркого оранже-вого света — почти такого же яркого, как золотые ябло-ки в городе вольных невест. Пел ветер, и такой его песни Альда ещё не слыхивала. Это позже она сообразила, что то был не ветер вовсе, а дыхание — но откуда ей было знать? Ведь у людей такого мелодичного дыхания не бы-вает.

А затем раздался голос, и этот голос стер дребезжащее эхо, туман и страх из её головы.

— Ты пришла просить меня о чем-то, Альда? — спро-сил голос.

— Да! — Альда пыталась кричать, но у неё спёрло ды-хание. — О любви! Я пришла просить о любви.

— Хорошо. — Оранжевый свет дрогнул, будто кто-то взял фонарь в другую руку. — Слезай с овцы и садись ря-дом. Хочешь яблоко? ❧

Начальнику Управления НКВД
по Вологодской области
майору тов. Галкину
РАПОРТ

Сообщаю Вам о результатах работы следственной группы, осуществлявшей выезд в село Андомский Погост Андомского р-на Вологодской области с целью расследования причин гибели гражданки Новосёловой Н. К., 1855 г. р., и сопутствующих событий.

Согласно показаниям свидетелей, Новосёлова проживала на территории села с дореволюционного времени. Жила обособленно, с односельчанами практически не общалась, вела кустарное хозяйство, пользовалась дурной славой мракобеса.

Ранее на гражданку неоднократно поступали анонимные доносы с обвинениями в контрреволюционной и террористической деятельности, при проверках не подтвердившиеся.

Гибель Новосёловой наступила в ночь с 15 на 16 сентября 1942 года, точное время установить не удалось. Погодные условия в ту ночь – шквальный ветер, проливной дождь, гроза.

Как показывает председатель сельсовета тов. Парницын, приблизительно в 02:00–02:10 16.09.42 около дома Новосёловой раздался сильный грохот. Выбежав на улицу, тов. Парницын наблюдал прорывки яркого света в окнах дома, шум, странные крики и, спустя несколько минут, мощный взрыв, разметавший по округе крышу дома Новосёловой. По словам тов. Парницына, взрыв не сопровождался вспышками, огнём, ударами молний.

Утром 16.09.42 комиссия в составе председателя сельсовета Парницына, бухгалтера сельсовета Иванцовой и участкового милиционера старшины Парфёнова вошла в дом Новосёловой. Увиденное там побудило их обратиться в областное НКВД.

Блюдечко

Иван и Оксана Архиповы

При осмотре места происшествия обнаружено следующее:

1. Лицо погибшей сильно искажено гримасой боли. Одновременно с этим отсутствие на теле Новосёловой повреждений не позволяет предположить гибель от насильственных причин (в т. ч. удара молнии).

2. При обыске в доме обнаружены запасы сушёных трав, кости животных и иные оккультные предметы, явно предназначенные для проведения шаманских ритуалов.

3. Также обнаружен ряд предметов, назначение и принцип действия которых остались неизвестными. Предполагаю, что данные предметы могут представлять интерес для современной науки.

По факту осмотра места происшествия предлагаю:

1. Уголовное дело о смерти Новосёловой Н. К. не возбуждать.

2. Привлечь к изучению вещественных доказательств специалистов профильных отделов НКВД СССР и Академии Наук СССР.

18.09.1942

Старший лейтенант НКВД
И. Огорельцев

* * *

ОПЕРАТИВНЫЙ ПРИКАЗ
НАРОДНОГО КОМИССАРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
СОЮЗА ССР

30 сентября 1942 г. № 00889 гор. Москва

В связи с получением от Управления НКВД по Вологодской области оперативных материалов, представляющих собой исключительный интерес для науки и техники, и необходимостью незамедлительно изучить полученные вещественные доказательства, которые могут иметь большое значение в деле укрепления обороны страны.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. В двухдневный срок организовать перевозку вещественных доказательств в гор. Москва и передачу их для дальнейшего изучения в ОКБ-77 4-го специального отдела НКВД СССР.

2. В пятидневный срок на основе ОКБ-77 подготовить площадку по работе с вещественными доказательствами, сформировать рабочую группу и представить план-график работ.

3. Предотвратить возможность нарушения режима секретности со стороны сотрудников Управления НКВД по Вологодской области и гражданских лиц, причастных к делу.

4. Ответственность за пп. 1, 3 возложить на начальника Управления НКВД по Вологодской области — майора тов. Галкина, ответственность за п. 2 возложить на начальника 4-го спецотдела НКВД — старшего майора ГБ тов. Кравченко.

5. Контроль за исполнением приказа оставляю за собой.

Народный комиссар
внутренних дел Союза ССР
Генеральный комиссар
государственной безопасности
Берия

* * *

Начальнику 4-го спецотдела
НКВД СССР
тов. Кравченко
«29» октября 1942 г. гор. Москва

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Сообщаю Вам о завершении первого этапа работ по теме «Блюдец».

Успешно организованы и проведены лабораторные исследования предмета, показавшие следующее:

1. Предмет представляет собой фарфоровое блюдо диаметром 0.4 метра, покрытое серебром. Клеймо производителя отсутствует. Точный возраст предмета установить не удалось, предположительно – не менее 100 лет.

2. По краям блюда нанесены узоры (серебром по фарфору), носящие декоративный характер – цветы, птицы, деревья. Культурологическая экспертиза не проводилась по причине отсутствия в штате ОКБ-77 специалистов нужного профиля. При необходимости можно рассмотреть вопрос привлечения гражданских специалистов при условии сохранения режима секретности.

3. Рентгенография предмета показывает полное отсутствие встроенных устройств, скрытых полостей и инородных включений.

4. Спектроскопические и иные исследования не проводились по причине запрета на отделение от предмета пробных образцов.

Результаты дальнейших исследований противоречат законам современной физики.

Данные, полученные группой исследователей, подтверждены привлеченными независимыми свидетелями из числа кадровых офицеров НКВД штата ОКБ-77. Произведена регистрация результатов экспериментов и эффектов, от них полученных, на фотографиях и кинозаписях.

Психическое здоровье исследователей и свидетелей подтверждено штатным врачом ОКБ-77.

Для проявления специфических исследуемых эффектов требуется взять предмет двумя руками и произнести фразу: «Катись-катись, яблочко наливное, по серебряному блюдечку, покажи мне (указание предмета, личности, географического объекта)». Приведённая фраза взята из сопроводительных материалов Управления НКВД по Вологодской области.

После выполнения описанных выше действий поверхность предмета освещается ровным ярким светом, который сменяется через 4–5 секунд изображением запрошенного субъекта/объекта. Изображение может носить как статический (фотография), так и динамический характер (кино).

Следует отметить, что полученный на изображении результат строго зависит от точности формулировки запроса. Неверно сформулированные запросы приводят к ошибочным и, зачастую, нелепым результатам.

Так, например, запрос «... покажи мне Чемберлена» привел к появлению на блюде изображения карикатуры художников Кукрыниксов, а запрос «... покажи мне солдата» – изображения государственного казначейского билета Банка СССР достоинством 3 рубля образца 1938 года.

После серии экспериментов разной степени успешности (см. Приложение № 1) удалось найти оптимальный алгоритм формирования запроса. В ходе последнего эксперимента удалось получить чёткое изображение железнодорожного узла города Смоленск (факт наблюдения именно Смоленска подтверждён сотрудником ОКБ, ранее там проживавшим и хорошо знающим местность), пронаблюдать прохождение по путям немецкого эшелона с бронетехникой и точно подсчитать перевозимую технику по количеству и типам.

В силу вышеизложенного предлагаю следующие направления дальнейшего исследования:

1. Для определения характера невыясненных явлений, происходящих с предметом, привлечь для работы по теме специалистов других ОКБ 4-го спецотдела НКВД СССР и сотрудников Академии наук СССР. Предлагаемый список сотрудников приведён в Приложении № 2.

2. Учитывая уникальный характер сведений, получаемых при помощи предмета, проинформировать Ставку ВГК и привлечь к работе с предметом высших офицеров Генерального штаба.

Начальник ОКБ-77
Майор государственной
безопасности Свиридов

* * *

ПРИКАЗ О КОМАНДИРОВАНИИ

03 ноября 1942 г. № 0715

Для организации взаимодействия с 4-м спецотделом НКВД СССР по теме «Блюдец» командировать в ОКБ-77 представителя Ставки ВГК на Сталинградском фронте полковника Н. В. Мироненко с сохранением подчинения Ставке ВГК.

Заместитель Народного комиссара обороны СССР
Генерал-майор Василевский

* * *

№ 755

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ СТАЛИНГРАДСКОГО ФРОНТА ОБ ИЗМЕНЕНИИ ПЛАНА «УРАН»

«16» ноября 1942 г. 18 ч 00 мин

Ставка владеет сведениями агентурной разведки, анализ которых требует срочного изменения утверждённого ранее плана операции «Уран».

Установлено, что район Садовое – Перегрузный, намеченный для нанесения удара силами 57 А, значительно укреплен противником: имеет эшелонированную оборону, усилен тяжелой артиллерией и противотанковыми САУ. Нанесение удара в данном районе приведёт к провалу утверждённого плана, а также к серьёзным материальным и людским потерям.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает Вам, под Вашу личную ответственность, срочно изменить план операции путем переноса удара 57 А в район дефиле Сарпинских озер, обороняемый незначительными силами румынской армии. План удара скоординировать с другими армиями фронта, а также с Донским фронтом по времени, месту и замыслу.

Откорректированный план операции доложить в Ставку не позднее 18:00 завтрашнего дня.

Ставка Верховного
Главнокомандования
И. Сталин
А. Василевский

* * *

Начальнику 4-го спецотдела
НКВД СССР
тов. Кравченко

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

«20» ноября 1942 г. гор. Москва

Сообщаю Вам об утрате материала, исследуемого в рамках работ по теме «Блюдец».

Утром 20 ноября 1942 года в лаборатории, где проводились исследования, был обнаружен открытый сейф, предназначенный для хранения предмета, а также разбитый предмет в виде крупных фарфоровых осколков, полученных вследствие падения предмета на кафельный пол.

В лаборатории находился руководитель проекта тов. Цветков, пребывающий в состоянии буйного помешательства.

Краткий допрос тов. Цветкова в присутствии свидетелей показал, что тов. Цветков, оставшись вопреки инструкциям в лаборатории после окончания рабочего дня, использовал предмет в личных целях.

По словам тов. Цветкова, он обратился к предмету с запросом на показ города Москва в столетнюю годовщину Великой Октябрьской Социалистической революции.

Просмотрев отображённые предметом киноматериалы, тов. Цветков пришёл в состояние аффекта и намеренно разбил предмет о кафельный пол.

На поставленный вопрос о деталях и подробностях просмотренного киноматериала тов. Цветков не ответил. Наоборот, заданный вопрос усугубил психическое состояние Цветкова; он выкрикивал бессвязные слова, грозил кулаком невидимым собеседникам, плевал в коллег и пытался бросать подручные предметы в стену.

Силами медперсонала ОКБ-77 тов. Цветкову оказана первая медицинская помощь, тов. Цветков изолирован в подсобном помещении. Передача тов. Цветкова в психиатрическую лечебницу нецелесообразна по причине возможного нарушения режима секретности.

Предмет был склеен из образовавшихся осколков, но полностью утратил присущие ему ранее уникальные свойства.

Прошу принять решение о дальнейших работах по проекту.

Начальник ОКБ-77
Майор государственной
безопасности Свиридов

* * *

«В ноябре 1942 имела место весьма типичная ситуация с ошибочным определением планов противника. Для ведения оборонительного сражения немцами были сосредоточены значительные силы, но не там, где это действительно требовалось.

Если бы удар наносился на Садовое и Перегрузный, как это было запланировано изначально, окрестности

этих поселков имели бы все шансы стать кладбищем советской бронетехники. Можно без особого преувеличения сказать, что именно перенос направления удара на обороняемое слабыми румынскими частями дефиле озер Цаца и Барманцак стал необходимым условием победы в Сталинградской битве.

Сама по себе внезапная смена направления удара является одной из загадок Сталинграда. Как упоминал в своем дневнике А. И. Ерёмченко, соответствующая директива была получена из Ставки всего за пару дней до начала операции.

К сожалению, ее причины так и остались тайной. Подписавший директиву А. М. Василевский в своих мемуарах этот момент обошёл стороной».

А. В. Исаенко, «За Волгой для нас земли нет»,
2008, Москва, «Яуза», стр. 416

«Наиболее загадочной из всех сталинских «шарашек» являлось ОКБ-77. Будучи спешно сформированным в конце сентября 1942, бюро просуществовало неполных три месяца.

По имеющимся отрывочным сведениям, ОКБ-77 занималось особо важными работами в области стратегического радиоперехвата и дешифровки. Полученную из бюро информацию в Генштабе оценивали весьма высоко.

Кто же несет ответственность за то, что в начале декабря 1942 бюро было полностью расформировано, а его руководство и сотрудники репрессированы по надуманным обвинениям в саботаже и вредительстве? Безусловно, сам Джугаишвили, который принял это решение с подачи своего сатрапа Берии. А ведь продолжи бюро свои работы, ход войны мог пойти совсем по-другому...»

А. А. Помогайлов, «Вывранный штгык империи»,
2006, Москва, «Вече», стр. 219. **УС**

Конкурс «Зарисовка-мини» проводится уже более десяти лет. Авторы соревнуются в умении писать кратко и ёмко — объём конкурсных рассказов ограничен всего двумя тысячами знаков! Представленные тексты — победители «Зарисовки» в 2015 году.

Особенности содержания джанги в неволе

Леся Ярлова

Родилась в Ростове-на-Дону. Училась в РГУ (ныне ЮФУ) на факультете психологии, закончила юридический факультет МИПП. Мама двоих детей. Писать прозу начала три года назад, свой первый рассказ написала на сетевой конкурс «Рваная Грелка». Публиковалась один раз в журнале «ФанСити» в 2014 году, дважды в 2014 году — в приложении «Массаракш» к ростовской газете «Наше время».

Стук копыт пронёсся по улочке: вернулся вербовщик, да не один. Бок о бок с ним на взмысленной гнедой скакал новобранец, младший сэр Перси Донневаль. Юнец удивлённо озирался, забавляя Вербовщика.

— Не ожидал такого великолепия на дальнем рубеже?

— Так я... — смутился юнец.

— Не ты первый не ожидал! Не раз ещё удивишься. Странные здесь места, что и говорить.

Городок спал, только часовой у казармы окликнул их, но осветил тусклым фонарём лица, заулыбался не по уставу и подмигнул новобранцу.

Вербовщик погрозил кулаком, и часовой принял суровый вид. Сэр Перси всё же подмигнул в ответ и вздрогнул от неожиданности: из стоящей у ворот большой будки с рыком выскочило нечто.

— Фира, фу! — крикнул Вербовщик.

Свет фонаря осветил существо.

— Боги мои! — прошептал сэр Перси.

Из-под спутанных волос на него смотрели безмятежные глаза девочки лет пяти.

— Ну-ну, — приговаривал вербовщик, протягивая новобранцу кружку с терновой настойкой. — Ты что, никогда джангу не видел?

— Это был ребёнок, — прошептал сэр Перси.

— Какой ребёнок? Что мы, изуверы? Это взрослая джанга, зверь злобная и свирепая. Мы её больную в лесу нашли, выходили, живёт вот теперь, свои-то обратно не примут. Ты допивай, и на боковую, завтра я тебе всё покажу-расскажу. И в книжке покажу, и в натуре, ибо тварей этих тут — пруд пруди.

Сэр Перси послушно вылил напиток в глотку и дал уложить себя спать.

Крик раздался под утро. Вербовщик скатился с кровати и, как был без штанов, побежал по коридору, расталкивая сонных стражников.

По каменному двору, хрипя, катался сэр Персиваль, в горло которого вцепилась обезумевшая от вкуса крови джанга.

Через месяц вербовщика пустили в лазарет, взяв слово, что он не будет нервировать пациента. Сэр Перси лежал на кровати и пытался пошевелить шеей так, чтобы почесались заживающие раны.

— Я тебе говорил, что Фира — не ребёнок? — заорал вербовщик шёпотом. — Что тварь она опасная, говорил? Какого ты полез ошейник снимать, освободитель, ммать твою?

Сэр Перси отвёл глаза и просипел:

— Она плакала.

Шельф

Максим Тихомиров

Родился в 1975 году. Живёт и работает там же, где родился — в Дивногорске, городе у подножия Красноярской ГЭС. Окончил Красноярскую медицинскую академию. Врач. Женат. Имеет двух котов и кошку. Публикуется с различной степенью регулярности с 1993 года. Печатался в альманахах и сборниках издательств РБЖ-Азимут, Фантаверсум, Северо-Запад, ЭКСМО.

Дом полон морских звёзд, и ежей, и капусты — разумеется, тоже морских. В открытые окна заплывают косяки сельди и тунца, а из дымовой трубы выпростал свои щупальца поселившийся в камине спрут. Сквозь анфилады комнат проносятся порой дельфины, играя в догонялки, а об арку распахну-

тых настезь ворот, похрюкивая от удовольствия, чешет обросшие моллюсками бока и спину добродушный кит-горбач.

Подоконники густо поросли анемонами. В буфете среди старинного хрусталя снуёт рыба молододь, а на обеденном столе возлежит, смешно шевеля усами, придонная акула-хобот, похожая на некрасивую русалку.

Лангусты колонной пересекают двор дважды в день, утром и на закате; по ним можно сверять старинные напольные часы — но маятник в них давно остановился, гири замерли, стрелки показывают половину второго. Кукушка выглядывает из своей дверцы, так и не закрыв клюва на полуслове.

Когда солнце уходит за материковую плиту, из глубины поднимается и проходит над крышей дома рыба-луна. Её чешуя сияет в ночи тёплым серебряным блеском, и коралловые полипы тянутся крошечными ручками к этому свету.

Мальчик сидит в старинном кресле-качалке у окна. Колени его укрыты пледом из водорослей, в котором живут морские блохи и тараканы. День за днём, ночь за ночью мальчик вглядывается в дорожку, что идёт от ворот к далёкой стене береговых утёсов. Он ждёт — не покажутся ли родители?

Раньше, в далёкую пору, когда в доме ещё не жило море, этих утёсов не было, а у мальчика были мама и папа.

Ещё у него было кресло на колёсах, в котором он мог гулять по саду. Кресло осталось в гостиной на первом этаже. Среди спиц его велосипедных колёс протискивают свои длинные тела миноги и угри.

Мальчик не может спуститься по лестнице без помощи взрослых, но он терпелив. Он знает: ро-

дители вернутся и смогут ему помочь. А он проведёт их по дому и саду, покажет морские диковины и расскажет им, как он соскучился.

А пока мальчик ждёт, улыбаясь своим мыслям.

Когда в пустых глазницах поселяется стайка весёлых мальков, ждать становится легче. **УС**

Маленький герой

Виталий Придатко

Писатель-фантаст, критик. Участник и лауреат литературных конкурсов «Зарисовка-мини», «Вареники», «Рваная грелка», конкурса рецензий и литературоведческих статей «Фанкритик». Живёт в Краснополе, Сумская область (Украина).

Осторожно пробует неверный ледок хрустящей свежей страницы, ёжится, морщится, оглядывается за спину, на старомодную пластмассовую ручку, полную свежего сока возможности.

Чешется, оправляет брюки, нервно крутит в руках очки — он почти не близорук, стильные узкие стёклышки на носу таскает для солидности. Дышит тяжело, с присвистом: последствие нехорошей драки в подворотне, когда горел родной город и мародёры вламывались в квартиры... этого точно не будет в книге, но это есть в моей памя-

ти, моём воображении — и в нём тоже, наверняка. Прихрамывает, всё ещё с трудом обходится без тросточки в долгих прогулках: сбросил полудикий единорог-иноходец. На левой руке не гнётся мизинец — с детства.

Иногда кажется, что у него, маленького героя, больше мужества, чем у меня. А иногда — что всё моё мужество досталось ему. Когда как.

Впрочем, опрометчивым паренька не назовёшь: внимательно и аккуратно он осматривает предстоящую развилку, осторожно держит на отлёте руку с тесаком, собранный, способный... славный.

Я держу ручку на весу: выбор предстоит не одному маленькому герою. По большому счёту, моё решение и ответственность моя.

Первый путь ведёт к драконьему логову, в компании довольно неплохих парней и девчат, небезупречного поведения и даже не то, чтобы рыцарей, не говоря о белоснежных плащах, но — в логове ждёт всего лишь очередной палантраж, а за горизонтом третий, пятый, и восход тьмы, и избранность... Всё чётко, гладко — и бездыханно, как муха в янтаре.

Второй... второй поведёт всего лишь через охваченную войной землю. С магией и мечами — полный порядок, а вот кого он встретит на пути, даже мне трудно себе представить. Разбитые отряды и партизанщина, горящие люди и виселицы, предательство и обман, удары в спину и плен. Возможно, увечья, а может быть, даже...

Я прислушиваюсь к себе, повторяя, как заклинание: старшая сестра таланта — любовь.

И я люблю маленького героя, знаю, что люблю.

Потому никак не могу выбрать. Ибо на втором пути его может ждать смерть.

Но на первом он просто не будет жить. **УС**

Второе пришествие

Павел Подзоров

Родился 16 июля 1975 г. в Белоруссии, в городе Бобруйске, где в настоящее время живет и работает. Образование высшее. Женат, два сына. С детства увлекается научной фантастикой. Собирает библиотеку. Интересы кроме литературы: философия, занятия айкидо, русская баня. Не мыслит жизни без книг. Читает каждую редкую свободную минуту. Очень бы хотел снова жить в самой ЧИТАЮЩЕЙ в мире стране. Публиковался в различных журналах в Беларуси, Украине, США (на русском языке). Дипломант различных литературных конкурсов.

ОН осмотрелся... Да-а-а... мир очень изменился. Огромные дома, самодвижущиеся повозки, люди в неммыслимых одеяниях.

Отец предупреждал, что будет сложно... С чего начать?.. О! В конце улицы храм! Быстрее туда.

Красивое строение. Купола, похоже, золотые. Негоже это. Ведь, чай, недёшево! Неужто все богатеями стали?..

Пока ОН смотрел на купола и кресты, к нему подошла бабулька в туго замотанном платке. По сравнению с теми, кого видел на улице, одета вызывающе просто. Лицо суровое. Взгляд хмур и недоволен чем-то.

— Ты что это так вырядился?! — сурово сказала она — В этих лохмотьях в Храм Божий хочешь?.. Эх, ты!.. Молодой, здоровый — работать надо!.. А не в мешковине хо-

дить. Чего тебе тут?.. Деньги-то хоть на пожертвование найдутся?.. Или на свечу?.. ОН непонимающе смотрел на грозную бабушку. Потом медленно двинулся внутрь строения, а сзади всё раздавалось недовольное бурчание.

На входе ОН растерянно остановился. Что это? Всё разукрашено с невообразимой помпезностью. А справа... ОН не поверил своим глазам: справа торговали свечами и иконками. В Храме Божьем!!! Непостижимо!

Сделав ещё несколько шагов на непослушных ногах, он увидел... Нет! Это невозможно! Не может быть!!!

В углу стояло большое распятие с горящей лампадкой. Всё украшенное и ярко расписанное, а на коленях стояла старая бабушка. Она молилась и непрерывно кланялась распятию.

ОН бросился к ней.

— Что вы делаете?.. Встаньте... Зачем?!.. Вам же тяжело... — Он лепетал слова, пытаясь поднять старушку с пола.

Но та лишь оттолкнула его и злобно прикрикнула:

— Иди отсюда!.. Безбожник...

Разодетый в невообразимо сверкающие наряды, служитель неодобрительно смотрел на него...

И тогда Иисус бросился к распятию, изо всех сил вцепился в него и, обдирая руки в кровь, выдрал крест и бросился вон из этого здания...

* * *

В камере было сыро и холодно. ОН сидел на полу и, не переставая, обращался с молитвой к ОТПЦУ. ОН молился за людей, за их прозрение, а в памяти стояла старушка на коленях.

За решёткой ходили и разговаривали двое.

— Ну, и что с этим... теперь делать?.. Ни документов, ни денег...

— А оформи-ка ты его на 15 суток. А дальше видно будет... **✎**

17–21 мая 2016 года в Екатеринбурге пройдет очередной, XXXIII Международный фестиваль фантастики «Аэлита». Фестиваль возник вокруг присуждения первой в стране премии в области литературной фантастики и вот уже почти тридцать пять лет представляет собой настоящий форум, где встречаются ведущие писатели, критики, издатели и любители жанра фантастики. Учредителями литературной премии «Аэлита» в 1981 г. выступили журнал «Уральский следопыт» и Свердловское отделение Союза писателей РСФСР. Мероприятие является старейшим в стране фестивалем (конвентом).

Программа

XXXIII Международного фестиваля фантастики «АЭЛИТА»

(г. Екатеринбург, 17–21 мая 2016 года)

Площадки фестиваля: *Свердловская областная библиотека для детей и юношества* (ул. Карла Либкнехта, 8), *Дом писателя* (Екатеринбургское отделение Союза писателей России, ул. Пушкина, 12).

Регистрация on-line для участия в фестивале: <https://goo.gl/0gV06w> (on-line регистрация открыта до 12 мая 2016 года).

Продажа билетов на разовые мероприятия без регистрации on-line (200 р. – один день фестиваля, 400 р. – три дня фестиваля) и получение полных «пакетов участников» для зарегистрировавшихся on-line будут проводиться в Доме писателя по адресу ул. Пушкина, 12 (2 этаж): 16–19 мая с 10:00 до 18:00.

17–20 мая в Свердловской областной библиотеке для детей и юношества в кинозале «Дежа Вю» с 10.00 до 19.00 – демонстрация фантастических фильмов (вход свободный).

17 мая, вторник

Дом писателя (ул. Пушкина, 12)

10.00–20.00 – Романый семинар «Аэлита»: Рассмотрение и обсуждение романов, принятых на романый семинар фестиваля фантастики «Аэлита» в 2016 году. Вход для зарегистрированных участников фестиваля. (ведущий – Борис Долинго).

Свердловская областная библиотека для детей и юношества (ул. Карла Либкнехта, 8)

19.00–20.30 – Дискуссия «Фантастика или реальность: искусственный интеллект». Участники – писатели-фантасты, учёные, все желающие. Вход свободный.

18 мая, среда (Мероприятия для всех зарегистрированных участников фестиваля)

Дом писателя (ул. Пушкина, 12)

10.00–19.00 – Регистрация участников и гостей фестиваля (фойе, 2 этаж);

12.00–13.30 – Актовый зал: Двухступенчатый практикум-семинар «Писатель в игровой индустрии: как правильно писать для игр» – часть 1; ведущий – сценарист компьютерных игр Сергей Чекмаев (Москва).

Сергей Чекмаев расскажет об основных принципах работы с игровыми разработками. Темы доклада:

- Как писать для индустрии компьютерных игр.
- Чего хотят от сценариста производители игр – и что они на самом деле имеют в виду.
- Место сценариста в команде разработчиков.
- Как писать для компьютерных игр, чтобы это приносило радость, а не вызывало мучительную боль от потраченного времени и нервов.
- Как создавать популярные игровые вселенные.

Затем участникам будут розданы арты и задания из находящихся в разработке игр, и предложено написать к ним короткие рабочие документы.

13.30–15.00 – Обеденный перерыв.

Свердловская областная библиотека для детей и юношества (ул. Карла Либкнехта, 8)

10.00–13.30 – Малый зал: Выставка интерактивных визуальных инсталляций интерактивное аудиовизуальное

искусство «Движение света» — демонстрация студенческих работ (ведущий — Денис Перевалов).

10.00-13.30 — Выставка «БутЛего» («Лего» из бутылок) — демонстрация моделей космических кораблей, лазерного оружия и другого (представляет экспонаты автор — Юрий Натальин).

15.00-16.00 — Большой зал: Мастер-класс для юных писателей — Геннадий Прашкевич (Новосибирск).

15.00-15.30 — Малый зал: Презентация сборника «Три по сто» — Презентация малотиражного сборника лучших работ блиц-конкурса «Рассказ за 100 минут» за три последних года. Блиц-конкурсы на конвентах (фестивалях) фантастики — обсуждение. Очное голосование по утверждению правил конкурса, подготовка к конкурсу (ведущий — Андрей Скоробогатов).

15.30-17.10 — Зал электронной информации: Блиц-турнир «Рассказ за 100 минут» — Турнир организуется по принципу экзамена: участники выбирают билеты с темами, предложенными организаторами фестиваля, затем за 100 минут пишут литературное произведение, оцениваемое впоследствии состоящим из почётных гостей фестиваля и членов оргкомитета жюри (ведущий — Андрей Скоробогатов).

16.30-17.00 — Малый зал: Доклад «Интерактивная и мультимедийная литература» (докладчик — Юрий Некрасов).

17.00-18.30 — Малый зал: Рассказный семинар — часть 1; ведущий Андрей Бочаров (Москва), писатель, редактор ЭИ «Аэлита».

17.00-18.30 — Большой зал: Фэнтези без шаблонов: новые миры и приемы в фэнтези. Природная магия и ее отображение в литературе. Ведущая Ольга Морозова (Тольятти).

18.30-19.30 — Большой зал: Торжественное открытие фестиваля. Видеомост с организаторами конвента «Фанданго» (Феодосия/Севастополь, Крым). Выступления

участников и организаторов. Встреча с почётными гостями фестиваля — Геннадием Прашкевичем и Сергеем Чекмаевым.

Ресторан-бар «Штаб»

19.30-22.00 — Неформальное общение гостей фестиваля.

19 мая, четверг (Мероприятия для всех зарегистрированных участников фестиваля)

Дом писателя (ул. Пушкина, 12)

10.00-16.00 — Сбор бюллетеней голосования по премиям фестиваля (фойе, 2 этаж).

Пресс-центр ИТАР-ТАСС-Урал (офисный центр «Континент», пр. Ленина 50 Б)

11.00-12.00 — Пресс-конференция почётных гостей и организаторов фестиваля. Представление итогов голосования Всероссийского жюри главной премии фестиваля, лауреата главной премии «Аэлита». Куда двигаться фестивалю?

Дом писателя (ул. Пушкина, 12)

12.30-14.00 — Актальный зал: Круглый стол «Фантастика предотвращения будущего — сценарии развития России» с участием почётных гостей и лауреаты фестиваля, членов Союза писателей России, представителей Администрации Екатеринбурга, сотрудников УрО РАН и УрФУ. Встреча с почётным гостем фестиваля Геннадием Прашкевичем. Доклад-дискуссия: «Время и пространство писателя».

13.30-14.30 — Фойе: Доклад «Арт-обзор: комиксы и артбуки», ведущий Макс Олин — известный российский иллюстратор и книжный дизайнер, создатель и ведущий программы «Арт-обзор» на Youtube. О том, как иллюстрированная литература переживает ренессанс.

14.30-15.30 — Обеденный перерыв.

15.30-18.00 — Актальный зал: Двухступенчатый практикум-семинар «Писатель в игровой индустрии»

стрии: как правильно писать для игр» — часть 2; ведущий — сценарист компьютерных игр Сергей Чекмаев (Москва). Во второй части практикума-семинара Сергей Чекмаев сравнит разработанные участниками документы с тем, что уже принято, разберет стандартные ошибки. Лучшие тексты будут предложены разработчикам, и авторы получат не только опыт работы для игровой индустрии, но и возможность включить в свое портфолио реально существующий проект».

18.00–20.00 — Рассказный семинар — часть 2; ведущий Андрей Бочаров (Москва), писатель, редактор ЭИ «Аэлита».

После 20.00 — неформальное общение участников фестиваля.

20 мая, пятница (Мероприятия для всех зарегистрированных участников фестиваля)

Дом писателя

11.00–13.30 — Актовый зал — Семинар молодых авторов. Подведение итогов Конкурса короткого рассказа и конкурса «Рассказ за 100 минут» (ведущие Андрей Скоробогатов и Борис Долинго).

13.30–15.00 — Актовый зал

— Презентация конкурса фантастических рассказов «Пролёт Фантазии». Может ли сетевой литературный конкурс стать культурным событием? — Алексей Горшков, председатель оргкомитета конкурса «Пролёт Фантазии» (Москва)

— Электронное издательство «Аэлита» — три года работы, новые перспективы — главный редактор издательства Борис Долинго.

— Презентация сборника «Аэлита/012». Сборник «Аэлита/012» — ежегодный всероссийский сборник малой прозы, состоящий из разделов «Законы Вселенной» (Фантастика), «Координаты чудес» (фэнтези и мистика), «Повод для улыбки» (юмор и сатира),

«Конкурсы» (новый раздел, победители конкурсов). История краудфандингового проекта — Андрей Бочаров (Москва) и Андрей Скоробогатов (Екатеринбург).

— Презентация журнала «Уральский Следопыт» — главный редактор журнала Максим Фирсов.

14.00–18.00 — Фойе: Демонстрация ретро-кинофантастики из фильмофондов.

15.00–16.00 — Обеденный перерыв.

16.00–17.30 — Актовый зал — Встреча с лауреатами и гостями фестиваля. Ответы на вопросы, автограф-сессии (писатель Геннадий Прашкевич, составитель сборников фантастики и сценарист компьютерных игр Сергей Чекмаев).

18.00–19.00 — Актовый зал — Торжественная часть: награждение лауреатов фестиваля. Закрытие фестиваля (ведущий Борис Долинго).

После 19.00 — неформальное общение участников фестиваля.

21 мая, суббота (Только для участников, зарегистрированных на данное мероприятие)

8.30 — Сбор у Дома писателя, ул. Пушкина, 12.

9.00 — Отъезд автобуса.

10.00–11.00 — Возложение цветов к могилам выдающихся деятелей уральской фантастики.

11.00–16.00 — Экскурсия гостей фестиваля на границу «Европа-Азия»:

— экскурсия по площадке «Граница «Европы-Азии»;

— представление сувениров (чеканка монет, сертификаты пересечения границы «Европа-Азия»);

— фантастическая викторина «Пикник на обочине» с призами от Управляющей компании «Екатеринбург-Европа-Азия»;

— акустический концерт группы AVS Silvester;

С 18.00 — отъезд гостей фестиваля.